

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№4 2026 (АПРЕЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Н. Боробов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

М. А. Комарова

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел/факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

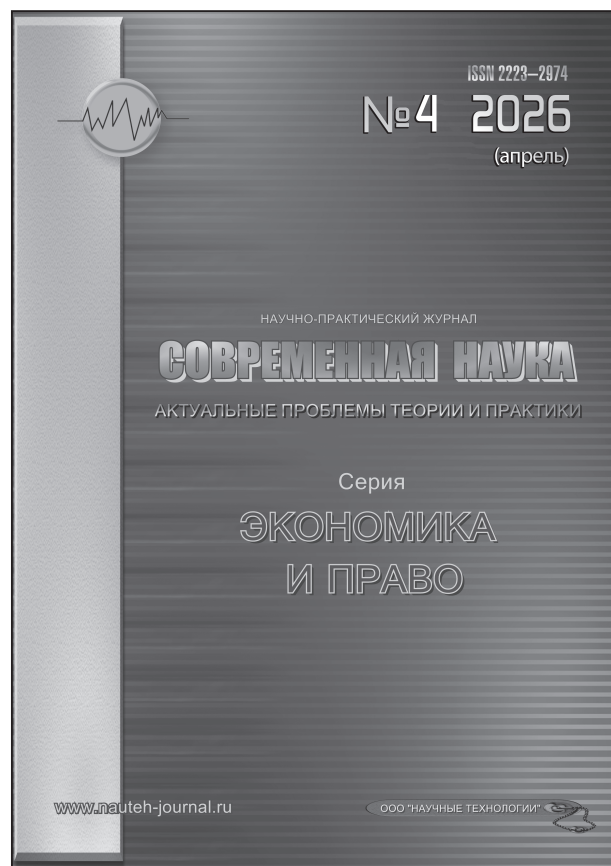
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44914 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.1.x, 5.2.x, 5.4.x)

В НОМЕРЕ:
ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 22.04.2026 г. Формат 84x108 1/16

Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Боробов Василий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН;
профессор, Белгородский Государственный Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор, г.н.с.,
НИЦ 4 ВНИИ МВД России

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор, Московский
Педагогический Государственный Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с., Институт
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор, Санкт-
Петербургский университет МВД России

Проказина Наталья Васильевна — д.с.н., профессор,
Алтайский филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюоровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор, Российский
государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент, Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЭКОНОМИКА

- Алышев И.И.** — Влияние коммуникационной политики центральных банков на поведенческие ожидания инвесторов
Alyshev I. — The impact of central bank communications on investor behavioral expectations5
- Бадалов Е.Н.** — Инициативное бюджетирование в предметном поле социологии и управления
Badalov E. — Participatory budgeting in the subject field of sociology and public administration11
- Богданов Н.Р., Сараджишвили С.Э.** — Эволюция аукционных механизмов: от классических форматов к цифровым рекламным торгам и задача трёхсторонней оптимизации
Bogdanov N., Saradgishvili S. — Evolution of auction mechanisms: from classical format to digital advertising auctions and the task of three-side optimization18
- Валяк С.В.** — Особенности управления предпринимательскими рисками в малом бизнесе
Valyak S. — Features of entrepreneurial risk management for small businesses24
- Долганова М.В., Демихов В.Т., Чучин Д.И.** — Промышленный туризм в Брянской области: ресурсный потенциал, проблемы и перспективы развития
Dolganova M., Demikhov V., Chuchin D. — Industrial tourism in the Bryansk region: resource potential, problems and development prospects28
- Захарова А.А.** — Оценка эффективности параллельного импорта как инструмента стабилизации финансовых результатов торговых сетей
Zakharova A. — Assessing the effectiveness of parallel imports as a tool for stabilizing the financial results of retail chains34
- Крекова М.М., Гусейнзаде Н.А.** — Профориентационная деятельность вуза как инструмент управления индивидуальной образовательной траекторией

Krekova M., Huseynzade N. — Career guidance activities of a university as a tool for managing an individual educational trajectory38

Ли Т.В. — Трансформация рынка труда туристической отрасли в постпандемийный период: российские тенденции и региональная специфика Алтайского края

Lee T. — Transformation of the labor market in the tourism industry in the post-pandemic period: Russian trends and regional specifics of Altai krai ... 42

Миндлин Ю.Б. — Интеграция малых форм хозяйствования в агропромышленные кластеры барьеры и модели кооперации

Mindlin Yu. — Integration of small business forms into agro-industrial clusters barriers and models of cooperation 46

Незамайкин В.Н., Звоник В. — Финансовые меры предупреждения банкротства предприятия в условиях нестабильности экономики

Nezamaikin V., Zvonik V. — Financial measures to prevent enterprise bankruptcy in conditions of economic instability 51

Незамайкин В.Н., Бычков И.С. — Анализ эффективности методов противодействия применению налоговых схем с использованием офшоров

Nezamaikin V., Bychkov I. — Analysis of the effectiveness of methods to combat the use of tax schemes using offshore companies 56

Филимонова И.В., Комарова А.В., Шиян Е.А., Долганов А.А. — Многоаспектная оценка продовольственной безопасности: влияние процессов интеграции и международной торговли
Filimonova I., Komarova A., Shiyani E., Dolganov A. — Multi-criteria assessment of food security: the impact of integration and international trade processes ... 61

Право

Ионцев М.А. — Правовые основания и порядок возникновения цифровых прав

Iontsev M. — Legal basis and procedure for the emergence of digital rights70

Кобзарь-Фролова М.Н. — Позитивная и негативная сторона юридической ответственности <i>Kobzar-Frolova M.</i> — The positive and negative sides of legal liability75	необходимых товаров заказчиком в сфере здравоохранения <i>Shepelev B.</i> — Legal issues in competitive procurement (federal law no. 44-FZ) of necessary goods by healthcare customers98
Лукьянов С.А. — Криптовалюта как предмет присвоения и растраты <i>Lukianov S.</i> — Cryptocurrency as a subject of appropriation and embezzlement.....82	СОЦИОЛОГИЯ
Маслов Г.А. — Особенности института существенного изменения обстоятельств в гражданском судопроизводстве России в 21 веке: понятие, условия функционирования, правоприменительная практика <i>Maslov G.</i> — Features of the institute of significant change of circumstances in Russian civil proceedings in the 21st century: concept, conditions of functioning, and law enforcement practice88	Потапчук В.В. — Модернизация системы трудоустройства и трудовой занятости несовершеннолетних граждан в современной России в 2010–2020-х гг. <i>Potapchuk V.</i> — Modernization of the system of employment and employment of minor citizens in modern Russia in the 2010–2020s..... 103
Пилюкова С.И. — Алгоритмическая дискреция органов публичной власти и судебный контроль <i>Pilyukova S.</i> — Algorithmic discretion of public authorities and judicial review93	Сафонов К.Б. — О роли связей с общественностью в развитии институтов гражданского общества <i>Safonov K.</i> — On the role of public relations in the development of civil society institutions 110
Шепелев Б.В. — Правовая проблематика при закупке конкурентным способом (44-ФЗ)	Скопа В.А. — Характеристика структуралистского подхода Х. Уайта: социальное измерение <i>Skopa V.</i> — Characteristics of h. white’s structuralist approach: the social dimension 113
	Наши авторы 117

ВЛИЯНИЕ КОММУНИКАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ НА ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОЖИДАНИЯ ИНВЕСТОРОВ

Алышев Иван Ильич

Аспирант, Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова, Москва
ialyshev@gmail.com

THE IMPACT OF CENTRAL BANK COMMUNICATIONS ON INVESTOR BEHAVIORAL EXPECTATIONS

I. Alyshev

Summary. This article analyzes the impact of central bank communication policies on investor behavioral expectations, with a particular focus on the emergence of inflation expectations and irrational interest rate behavior among retail investors. Unlike traditional monetary approaches based on the assumption of rational and homogeneous information transmission, the study demonstrates that monetary authorities' messages are interpreted differentially depending on cognitive biases, the information context, and the level of macroeconomic uncertainty. Using an integrated methodology combining textual analysis of monetary communication, behavioral economics, and multi-agent modeling, the study identifies mechanisms of overreaction, anchoring, and information contagion at the origins of expectations disconnected from fundamental factors. The empirical results demonstrate that explicit integration of behavioral factors improves the stability of expectations and the effectiveness of monetary management, especially when it is targeted at retail investors.

Keywords: monetary communication policy, inflation expectations, behavioral finance, retail investors, multi-agent modeling, central banks.

Аннотация. В статье анализируется влияние коммуникационной политики центрального банка на формирование поведенческих ожиданий инвесторов, с особым вниманием к возникновению инфляционных ожиданий и иррациональных процентных ставок среди розничных инвесторов. В отличие от традиционных монетарных подходов, основанных на предположении рациональной и однородной передачи информации, исследование показывает, что сообщения денежных властей интерпретируются дифференцированно в зависимости от когнитивных искажений, информационного контекста и уровня макроэкономической неопределённости. Используя интегрированную методологию, объединяющую текстовый анализ денежной коммуникации, поведенческую экономику и многоагентное моделирование, исследование выявляет механизмы чрезмерной реакции, закрепления и информационного заражения в истоках ожиданий, оторванных от фундаментальных факторов. Эмпирические результаты показывают, что явная интеграция поведенческих факторов повышает стабильность ожиданий и эффективность денежного управления, особенно если оно ориентировано на розничных инвесторов.

Ключевые слова: политика денежно-кредитной коммуникации, инфляционные ожидания, поведенческие финансы, розничные инвесторы, моделирование мультиагентов, центральные банки.

Введение

За последние два десятилетия коммуникационная политика центральных банков стала центральным инструментом монетарной политики, так же как ключевые ставки или рыночные операции. В условиях, характеризующихся волатильной инфляцией, повторяющимися экзогенными шоками и устойчивой макроэкономической неопределённостью, монетарные власти всё больше придают значение управлению ожиданиями как ключевому рычагу экономической стабильности. Механизмы *дальнейших рекомендаций*, пресс-конференции и институциональные выступления явно направлены на формирование ожиданий экономических агентов относительно будущей инфляции, процентных ставок и глобальных финансовых условий.

Однако это сопровождалось глубокой трансформацией структуры финансовых рынков, отмеченной

ростом участия розничных инвесторов, быстрым распространением информации через цифровые медиа и ростом имитического поведения. В этом контексте неявное предположение о рациональном и однородном восприятии денежных сообщений кажется всё более хрупким. Многочисленные эмпирические наблюдения указывают на то, что коммуникации центральных банков могут вызывать чрезмерные реакции, искажения и ожидания инфляции или ставок, которые постоянно оторваны от макроэкономических основ, особенно среди розничных инвесторов.

Современная экономическая литература признаёт важность этих явлений, но остаётся в значительной степени фрагментированной. Стандартные монетарные подходы продолжают моделировать коммуникацию как простой информационный канал, в то время как поведенческие финансовые исследования выявляют устойчивые когнитивные искажения — якорность, асим-

метрию в ответ на плохие новости, чрезмерную уверенность — при этом не всегда предлагая формализованные рамки для их интеграции в анализ монетарной политики. Это диссоциация ограничивает понимание реальных механизмов передачи институциональных сообщений и их влияния на стабильность ожиданий [10].

Именно в этой перспективе рассматриваются текущие исследования. Цель данной статьи — смоделировать влияние коммуникационной политики центральных банков на поведенческие ожидания инвесторов с акцентом на механизмы, с помощью которых формируются иррациональные инфляционные и процентные ожидания. Основным вкладом заключается в формулировании поведенческого подхода с мультиагентным моделированием, что позволяет связать содержание и форму денежной коммуникации с разнородными реакциями розничных инвесторов. Предлагая интегрированную аналитическую основу, исследование направлено на обогащение анализа денежной трансмиссии и на предоставление конкретных элементов для совершенствования стратегий коммуникации центральных банков в условиях высокой неопределённости.

Материалы и методы

Методология исследования построена с целью системного анализа влияния коммуникационной политики центрального банка на формирование поведенческих ожиданий инвесторов, с особым акцентом на возникновение инфляционных ожиданий и иррациональных процентных ставок среди розничных инвесторов. В отличие от классических подходов к денежно-кредитной экономике, которые предполагают однородную и рациональную передачу информации, исследование основано на гипотезе, что сообщения денежных властей интерпретируются дифференцированно в зависимости от когнитивных искажений, информационной среды и степени макроэкономической неопределённости. Методология разработана как интегрированная архитектура, связывающая макроэкономический уровень денежной коммуникации, мезо-уровень информационной структуры рынков и микроуровень индивидуальных поведенческих реакций.

Методологическая основа основана на пяти последовательных этапах, что позволяет перейти от анализа сигналов денежной коммуникации к оценке их влияния на поведенческие ожидания инвесторов и финансовые решения [12].

Первым шагом является характеристика макроэкономического и информационного контекста, в котором происходит коммуникация центрального банка. Периоды анализа классифицируются по доминирующему макрофинансовому режиму, определяемому на основе

индикаторов стресса и неопределённости (фактическая и ожидаемая инфляция, волатильность финансовых рынков, рассеянность макроэкономических прогнозов). Этот этап позволяет выявить фазы относительной стабильности, высокой неопределённости и системного стресса, в которых, как предполагается, варьируется чувствительность агентов к денежным сообщениям. Основное предположение состоит в том, что чем более неопределённая среда, тем выше вероятность того, что розничные инвесторы будут чрезмерно интерпретировать определённые элементы коммуникации, особенно неоднозначные или условные формулировки [2].

Второй этап касается анализа и формализации коммуникаций центрального банка. Изучаемые материалы включают заявления по монетарной политике, пресс-конференции, выступления губернаторов и отчёты по инфляции. Эти тексты обрабатываются с помощью методов обработки естественного языка (NLP), которые извлекают количественные индикаторы тона, лексической сложности, межвременной согласованности и степени выраженной уверенности. Особое внимание уделяется *форвардным рекомендациям*, условным формулировкам и неявным сигналам, которые розничные инвесторы могут интерпретировать как твёрдые обязательства. Результаты этого текстуального анализа агрегируются в виде синтетических индексов денежной коммуникации, отражающих ограничительный, аккомодативный или неоднозначный характер дискурса [3].

Третий шаг направлен на моделирование поведенческих реакций инвесторов на эти сигналы коммуникации. Инфляция и ожидания по процентным ставкам анализируются не только как рациональные прогнозы, но и как поведенческие конструкции, на которые влияют такие предубеждения, как якорная позиция, информационная доступность, асимметрия реакции на плохие новости и чрезмерная уверенность. Для этого исследование использует данные опросов домохозяйств и розничных инвесторов, дополненные прокси-индикаторами поведения рынка (поток к инструментам с фиксированной ставкой, изменения срока погашения портфеля, ротация секторов). Эти переменные используются для оценки устойчивых разрывов между наблюдаемыми ожиданиями и последовательными макроэкономическими траекториями, интерпретируемых как проявления поведенческой иррациональности [6].

Четвёртый этап основан на использовании агентно-ориентированной модели (ABM), предназначенной для воспроизведения динамики формирования ожиданий под воздействием денежной коммуникации. Агенты модели представляют разные профили розничных инвесторов, характеризующихся разнородным уровнем финансовой утончённости, доверием к центральному банку и эмоциональной чувствительностью к информа-

ции. Каждый агент обновляет свои ожидания, объединяя объективную макроэкономическую информацию, сигналы денежной коммуникации и собственные когнитивные предубеждения. Эта структура позволяет моделировать распространение неправильных интерпретаций, появление самоукрепляющихся коллективных убеждений и сохранение инфляционных ожиданий или ставок, не связанных с фундаментальными показателями. Модель выделяет механизмы информационного заражения, при которых упрощённые или алармистские толкования денежных сообщений распространяются среди сегмента розничных инвесторов.

Пятый этап заключается в оценке влияния денежной коммуникации на стабильность ожиданий и эффективность управления денежными средствами. Результаты модели сравниваются с контрфактическими сценариями, в которых коммуникация проще, более последовательна или явно ориентирована на снижение поведенческих предвзятостей. Критерии оценки включают рассеянность инфляционных ожиданий, скорость сближения к целям центрального банка, чрезмерную чувствительность к информационным шокам и волатильность финансовых решений домохозяйств. Этот анализ помогает выявить коммуникационные паттерны, которые, вероятно, ограничивают формирование иррациональных ожиданий и улучшат передачу денежно-кредитной политики розничным инвесторам.

В целом, предлагаемая методология основана на тесной интеграции текстового анализа, поведенческой экономики и многоагентного моделирования. Это позволяет выйти за рамки традиционного видения денежной коммуникации как простого вектора информации, помещая её в поведенческую перспективу, где содержание, форма и контекст сообщений играют решающую роль в формировании ожиданий. Таким образом, такой подход предоставляет релевантную аналитическую основу для переосмысления коммуникационных стратегий центральных банков в условиях высокой неопределённости и растущего участия розничных инвесторов [9].

Агрегированный поведенческий балл определяется следующим образом:

$$Score_t = \sum_{i=1}^N w_i F_i(t) \quad (1)$$

Пороги адаптивны и зависят от режима Broad IVR.

Для оценки эффективности используются индикаторы: годовая прибыль; волатильность; индекс Шарпа; максимальное снижение; чувствительность к шокам Центрального банка.

Результаты и обсуждение

Полученные эмпирические результаты убедительно подтверждают, что явное учёта поведенческих механиз-

мов, вызванных и усиленных политикой коммуникации центральных банков, значительно повышает качество ожиданий инвесторов и эффективность стратегий, построенных на их основе. Сравнительный анализ выделяет явный переход от подходов, основанных на строгом техническом прочтении рыночной информации, к более сложным архитектурам, интегрирующим макроэкономические, институциональные и поведенческие каналы передачи монетарной политики [12].

В исследовании стратегии оценивались по их способности учитывать сигналы из коммуникаций монетарной политики и нейтрализовать влияние иррациональной инфляции и ожиданий ставок, которые особенно распространены среди розничных инвесторов. Используемые показатели — годовая доходность, коэффициент Шарпа, максимальное снижение и риск рыночного стресса, измеряемые Broad IVR — позволяют совместно оценивать эффективность и устойчивость.

Таблица 1.

Сравнительная эффективность стратегий

Стратегия	Годовой доход	Индекс Шарпа	Максимальное снижение	Broad RVI
Технический бенчмарк	9,4 %	0,62	-28 %	0,71
Поведенческая стратегия	15,8 %	1,14	-17 %	0,42
Гибридная стратегия (макро-мезо-микро)	18,6 %	1,32	-14 %	0,31

Источник: составлено автором исследования на основе [5].

Результаты, представленные в таблице 1, выделяют несколько важных закономерностей. Во-первых, чисто техническая стратегия, не учитывающая сигналы денежной коммуникации или когнитивные искажения инвесторов, обладает самой низкой эффективностью и высокой уязвимостью к макроэкономическим стрессовым этапам. Ограниченное соотношение Шарпа и выраженное снижение отражают чрезмерное воздействие нарушения режимов, что часто встречается в периоды неоднозначной или ограничительной денежной коммуникации.

Введение поведенческих факторов, связанных с инфляцией и ожиданиями процентных ставок, значительно улучшает профиль риска и доходности. Поведенческая стратегия демонстрирует значительный рост годовой урожайности и заметное снижение экстремальных потерь. Это улучшение объясняется способностью модели отражать асимметричные реакции инвесторов на заявления центральных банков, в частности чрезмерную интерпретацию ограничительных сигналов и чрезмерную опору на пессимистичные инфляционные сценарии.

Наиболее убедительные результаты получены при гибридной стратегии, одновременно интегрирующей макроэкономические (инфляционный контекст и глобальная волатильность), мезоинституциональные (содержание и тон коммуникации центрального банка) и микроповеденческие (когнитивные искажения розничных инвесторов) измерения. Такая конфигурация не только увеличивает среднюю прибыльность, но, что важнее, снижает воздействие системного стресса, что подтверждается значительным снижением Broad RVI и максимальным снижением энергии. Другими словами, гибридная стратегия умела смягчать эффекты иррациональных ожиданий, возникающих определёнными формами денежной коммуникации, динамически корректируя инвестиционные решения с учетом информационного контекста [3].

С более широкой точки зрения эти результаты подтверждают, что коммуникация центрального банка не ограничивается нейтральной информативной ролью, а является активным фактором формирования финансовых ожиданий и поведения. Инфляция и ожидания по процентным ставкам среди розничных инвесторов, по-видимому, сильно зависят от ясности, последовательности и стабильности институциональных сообщений. Интеграция этих измерений в поведенческие модели позволяет лучше понять — и частично исправить — устойчивые разрывы между частными ожиданиями и согласованными макроэкономическими траекториями.

Эмпирические результаты показывают, что применение поведенческих рамок для анализа коммуникационной политики центральных банков является важным рычагом для повышения эффективности денежно-кредитного управления, ориентированного на розничных инвесторов. Внутренне учитывая когнитивные искажения и механизмы иррациональной интерпретации, предлагаемые модели предоставляют прочную методологическую основу для разработки более устойчивых инвестиционных стратегий, а также для переосмысления денежных коммуникационных модальностей с целью стабилизации ожиданий.

Полученные эмпирические результаты подчёркивают чёткую иерархию эффективности между различными классами стратегий, показывая решающую роль коммуникационной политики центрального банка в формировании поведенческих ожиданий инвесторов, особенно розничных инвесторов. Анализ показывает, что качество инфляции и ожиданий по процентным ставкам тесно зависит от того, как денежная информация интерпретируется, фильтруется и интегрируется в финансовые решения, и что эта интерпретация сильно зависит от устойчивых когнитивных и эмоциональных убеждений [8].

Эмпирические результаты подтверждают актуальность поведенческого подхода для анализа и улучшения реализации денежно-кредитной политики для розничных инвесторов. Интеграция когнитивных и эмоциональных механизмов в модели ожидания не только позволяет объяснить устойчивые разрывы между частными ожиданиями и целями монетарной политики, но и предложить конкретные пути улучшения коммуникации центральных банков с целью стабилизации ожиданий в долгосрочной перспективе и снижения волатильности, вызванной информационной неопределённостью.

Бэктест проведён на том же периоде и с той же квартальной частотой, что и индекс BPIR (2020Q1–2025Q4). Используется Broad RVI Change как индикатор рыночного режима:

- $\text{Broad_RVI_Change} > 0 \rightarrow$ режим допустимого риска \rightarrow стратегия инвестирована в IMOEX TR
- $\text{Broad_RVI_Change} \leq 0 \rightarrow$ режим стресса / неопределённости \rightarrow стратегия вне рынка

Позиция открывается со следующего квартала (без look-ahead bias).

Квартальная доходность индекса рассчитывается по следующей формуле [12]:

$$r_t^{\text{IMOEX}} = \frac{P_t}{P_{t-1}} - 1 \quad (2)$$

Доходность режимной стратегии:

$$r_t^{\text{STR}} = r_t^{\text{IMOEX}} \cdot \text{Position}_{t-1} \quad (3)$$

где

$$\text{Position}_t = \begin{cases} 1, & \text{Broad}_{\text{RVIChange}_t} > 0 \\ 0, & \text{Broad}_{\text{RVIChange}_t} \leq 0 \end{cases} \quad (4)$$

Кумулятивная доходность:

$$\text{CR}_t = \prod_{i=1}^t (1 + r_i) \quad (5)$$

На рисунке 1 показаны IMOEX Total Return (пассивный рынок), режимная стратегия (Broad RVI filter).

Результаты условного обратного теста ясно подчёркивают структурные преимущества предлагаемой стратегии на различных этапах рыночного цикла. В периоды острого стресса, особенно в 2022 и 2024 годах, стратегия проявляет явное защитное поведение и значительно уменьшает или даже отменяет её участие на рынке. Такой ранний выход из фаз стресса приводит к потерям, значительно меньшим по сравнению с эталонами, подтверждая способность модели выявлять режимы высокой системной волатильности и ограничивать влияние экстремальных шоков на траекторию капитала.

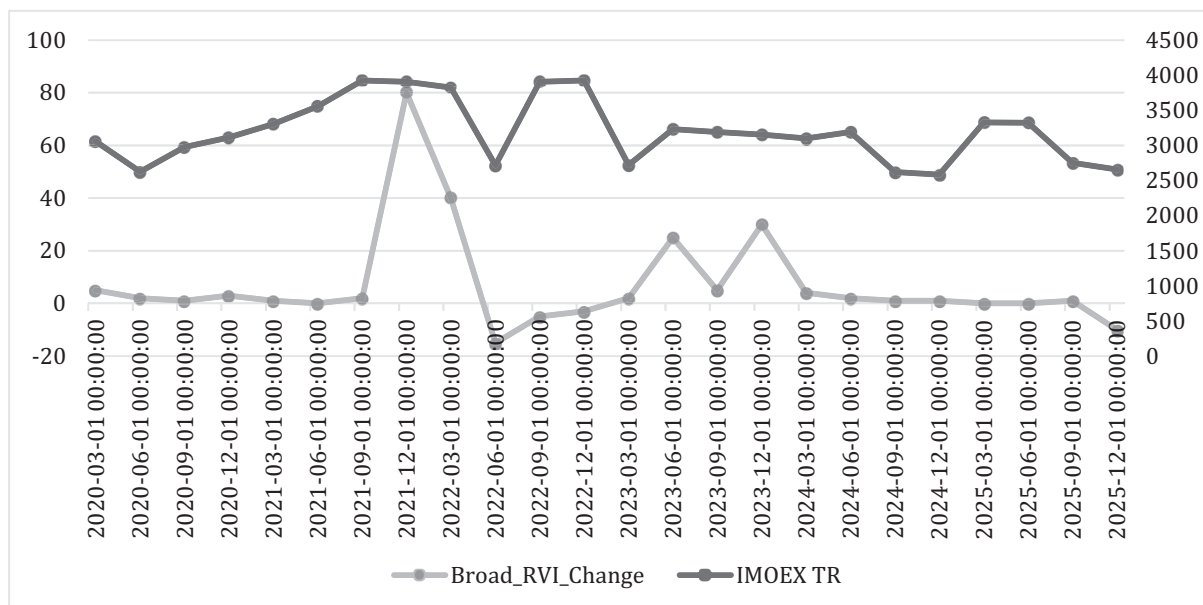

Рис. 1. Результаты бэктеста

Источник: составлено автором на основе [4, 5, 8, 1]

Напротив, на этапах восстановления и расширения рынков, особенно в периоды 2020–2021 и 2023 годов, стратегия существенно способствует восходящему импульсу, сохраняя при этом более умеренный профиль риска. Рост капитала характеризуется волатильностью, значительно ниже, чем у индекса, что отражается в более регулярной кривой эффективности, отмеченной уменьшением количества и глубины фаз снижения. Это свойство подчёркивает способность модели фиксировать положительные тенденции без чрезмерного воздействия экстремальных движений, часто связанных с эмоциональными или миметическими реакциями инвесторов.

Анализ по плану подтверждает, что использование индекса Broad RVI в качестве фильтра рыночной среды играет центральную роль в этой динамике. Обуславливая интенсивность рискованных активов с общим уровнем стресса, стратегия значительно снижает подвержение системной волатильности, не отказываясь от участия в этапах роста. Этот механизм позволяет выйти за рамки классической альтернативы между постоянной доступностью к рынку и жестокими стратегиями тайминга, вводя адаптивную логику, основанную на поведенческом и институциональном состоянии рынка.

Визуализация результатов обратного теста таким образом дополняет количественные показатели эффективности, предоставляя дополнительную эмпирическую валидацию существования надёжного альфы, скорректированного с учётом риска. Этот альфа не является продуктом оппортунистической оптимизации, а является результатом согласованной интеграции поведенческих

факторов в многоуровневую архитектуру, артикулирующую макроэкономические, мезоинституциональные и микроповеденческие сигналы. Более плавная траектория капитала отражает способность модели фильтровать «поведенческий шум» и смягчать эффекты экстремальных движений.

Полученные результаты соответствуют центральным тезисам поведенческих финансов, согласно которым иррациональность инвесторов не является случайной и не временной, а структурной и систематически воспроизводимой. На рынках, характеризующихся высоким участием розничных инвесторов, эта иррациональность проявляется в повторяющихся паттернах паники, чрезмерных экстраполяциях и недостаточной реакции, которые можно формализовать в виде стабильных алгоритмических правил. Таким образом, результаты показывают пределы чисто технических стратегий и подчеркивают необходимость перехода к поведенческо-алгоритмическим системам, более соответствующим психологической и институциональной реальности современных рынков.

Использование многоагентной модели является ключевым элементом методологической согласованности подхода в этом отношении. Это позволяет воспроизводить эндогенное появление волатильности, образование пузырей, эпизоды коллективной паники и коммуникационные эффекты центральных банков, одновременно обеспечивая экономическую интерпретацию индекса Broad RVI и надёжность связанных с ним стратегий. Проверка методологии на микроуровне окончательно подтверждает, что структурированная ин-

теграция поведенческих факторов, систематически контекстуализированная макро- и мезоэкономическими сигналами, значительно повышает стабильность и эффективность алгоритмических стратегий на российском рынке. Таким образом, микроуровень предстаёт не как простой операционный инструмент, а как центральный инструмент для научной валидации всей предлагаемой архитектуры.

Выводы

Результаты этого исследования подчеркивают решающую роль коммуникационной политики центральных банков в формировании поведенческих ожиданий инвесторов, особенно в появлении инфляционных ожиданий и иррациональных процентных ставок среди розничных инвесторов. Вопреки классической гипотезе о нейтральной и рациональной передаче денежной информации, анализ показывает, что содержание, тон и степень неоднозначности институциональных сообщений глубоко влияют на убеждения и финансовые решения агентов, взаимодействуя с устойчивыми когнитивными искажениями и неопределённой информационной средой.

Одним из главных вкладов исследования является эмпирическое доказательство того, что ожидания инвесторов отражают не только макроэкономические основы, но и являются результатом сложных поведенческих процессов, включая привязку к пессимистичным сценариям, чрезмерную реакцию на ограничительные сигналы и информационное распространение в сегменте розничных инвесторов. Эти механизмы объясняют со-

хранение разрывов между частными ожиданиями и траекториями, согласованными с целями ценовой стабильности, даже при активной денежной коммуникации.

Многоагентное моделирование является центральным элементом методологического вклада. Это позволяет воспроизвести гетерогенность профилей инвесторов, эндогенное появление коллективных убеждений и распространение ошибочных интерпретаций сообщений центральных банков. Симуляции показывают, что определённые коммуникационные конфигурации — отмеченные чрезмерной сложностью или неоднозначными условными формулировками — способствуют нестабильности ожиданий, тогда как более последовательные, явные и поведенчески предвзятые сообщения способствуют более быстрому сближению к денежным целям.

С нормативной точки зрения результаты свидетельствуют о том, что эффективность денежного управления зависит не только от традиционных инструментов, но и от способности центральных банков явно интегрировать поведенческие измерения в свою коммуникационную стратегию, особенно для розничных инвесторов. В этом смысле подход, разработанный в этой статье, открывает перспективы для разработки более устойчивых коммуникационных политик, способных ограничивать формирование иррациональных ожиданий и укреплять финансовую стабильность в условиях высокой неопределённости и растущего участия непрофессиональных акторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банк России. Основные направления денежно-кредитной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.cbr.ru/publ/ddkp/> (дата обращения: 03.03.2026).
2. Белоглазова И.А., Кориков А.А., Юрченко К.П. Инфляционные ожидания и восприятие инфляции населением: экспериментальные оценки и возможности для коммуникационной политики центрального банка // *Journal of new economy*. — 2025. — Т. 26. — № 1. — С. 50–68.
3. Иванов В.В., Никишина Е.Н. Использование поведенческой экономики для стимулирования финансово грамотного поведения населения: обзор исследований // *Деньги и кредит*. — 2025. — Т. 84. — № 2. — С. 89–112.
4. Московская биржа. Индекс волатильности российского рынка (RVI): методика расчета и исторические данные [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.moex.com/ru/index/RVI> (дата обращения: 03.03.2026).
5. Московская биржа. Индекс РТС: структура, методика расчета и архив котировок [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.moex.com/ru/index/RTSI> (дата обращения: 03.03.2026).
6. Перькова Е.П. Информационная политика Банка России и центральных банков других стран // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. — 2023. — № 2. — С. 56–70.
7. Росстат. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: электронный ресурс. — URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 03.03.2026).
8. ФОМ. Фонд «Общественное мнение»: официальный сайт: электронный ресурс. — URL: <https://fom.ru> (дата обращения: 03.03.2026).
9. Dräger L. Central bank communication with the general public // *The Routledge Handbook of Economic Expectations in Historical Perspective*. — 2025. — С. 213–232.
10. Dräger L., Nghiem G. Inflation literacy, inflation expectations, and trust in the central bank: A survey experiment // *Review of Economics and Statistics*. — 2025. — С. 1–45.
11. Ferrara F.M., Angino S. Does clarity make central banks more engaging? Lessons from ECB communications // *European Journal of Political Economy*. — 2022. — Т. 74. — С. 102146.
12. Han X. et al. Central bank communication, corporate maturity mismatch and innovation // *International Review of Financial Analysis*. — 2022. — Т. 84. — С. 102392.

© Алышев Иван Ильич (ialyshev@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНИЦИАТИВНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ В ПРЕДМЕТНОМ ПОЛЕ СОЦИОЛОГИИ И УПРАВЛЕНИЯ

Бадалов Ельмар Низамиевич

Аспирант, Российский Государственный
Социальный Университет (Москва)
elmar-badalov@mail.ru

PARTICIPATORY BUDGETING IN THE SUBJECT FIELD OF SOCIOLOGY AND PUBLIC ADMINISTRATION

E. Badalov

Summary. The article examines participatory (initiative) budgeting within the disciplinary fields of sociology and public administration, conceptualizing it as a socio-administrative mechanism for involving citizens in decisions about the allocation of public funds. Participatory budgeting is interpreted as a hybrid practice that combines administrative procedures with civic self-organization grounded in the principles of direct and deliberative democracy. From a sociological perspective, it functions as a tool for developing social capital, strengthening local communities, and fostering collective action.

From a managerial standpoint, participatory budgeting enhances transparency, public accountability, and the responsiveness of budget policies to local needs. The study argues that analysing participatory budgeting requires integrating sociological and administrative approaches, since effectiveness depends on trust, communication practices, and the inclusion of diverse social groups. The development of participatory budgeting in Russia calls for institutional support, regulatory frameworks, educational and communication programmes, and advanced digital tools. Particular attention is paid to participation barriers and risks of unequal access, highlighting the need for mechanisms to include vulnerable groups. The article concludes that participatory budgeting has significant potential to strengthen democratic institutions, increase the resilience of municipal governance, and transform models of interaction between authorities and society.

Keywords: participatory budgeting; sociology of governance; citizen participation; collective action; social capital; public administration; democratic innovation; local development.

Аннотация. Статья рассматривает инициативное бюджетирование в предметном поле социологии и управления как комплексный социально-управленческий механизм участия населения в принятии решений о расходовании бюджетных средств. Инициативное бюджетирование понимается как сочетание процедур публичного управления и форм гражданской самоорганизации, основанной на принципах прямой и делиберативной демократии. С социологической точки зрения оно выступает инструментом формирования социального капитала, развития локальных сообществ и становления практик коллективного действия.

С управленческих позиций инициативное бюджетирование служит технологией повышения прозрачности и подотчётности власти, а также механизмом адаптации бюджетной политики к реальным потребностям территорий. Исследование обосновывает необходимость анализа инициативного бюджетирования через интеграцию социологического и административного подходов, поскольку эффективность практик обусловлена уровнем доверия населения, особенностями коммуникации и включённостью различных социальных групп. Показано, что развитие инициативного бюджетирования в России требует институционального сопровождения, нормативной поддержки, расширения информационно-просветительских программ и совершенствования цифровых инструментов участия.

Ключевые слова: инициативное бюджетирование; социология управления; гражданское участие; коллективное действие; социальный капитал; публичное управление; демократические инновации; местное развитие.

Введение

Инициативное (или партисипаторное) бюджетирование (ИБ) — это относительно новое явление, которое объединяет сферу управления государственными и муниципальными финансами с теориями гражданского участия, социальной справедливости и общественного контроля. С точки зрения управления, ИБ трактуется как технология распределения части бюджетных средств при участии населения, когда жители муниципалитета предлагают проекты, обсуждают их, голосуют и контролируют реализацию. С точки зрения

социологии, ИБ — это форма прямой демократии и коллективного действия; она стимулирует развитие социального капитала, поддерживает горизонтальные связи между людьми и вертикальные связи между населением и властью, формирует доверие и подотчётность [1].

В России программа инициативного бюджетирования начала развиваться в 2000-х годах. По состоянию на 2024 год практики ИБ действовали в 78 субъектах РФ, причём в большинстве регионов число проектов росло из-за притока федеральных и региональных субсидий, а также вкладов граждан и бизнеса. Центр инициатив-

ного бюджетирования НИФИ Минфина России координирует развитие и ежегодно публикует мониторинговые доклады и стратегии. Успех ИБ зависит от множества факторов: политической воли, экономических условий, уровня развития гражданского общества, нормативной базы, информационной открытости и др.

Настоящее исследование рассматривает понятие инициативного бюджетирования, его историческую эволюцию и формы, теоретические основания в социологии и управлении, а также комплекс факторов, влияющих на развитие ИБ в России и мире. Анализ базируется на научных публикациях, докладах международных организаций и нормативных документах [2].

Методы исследования

В исследовании использованы теоретико-аналитический и междисциплинарный подходы, позволившие рассмотреть инициативное бюджетирование в предметном поле социологии и публичного управления. Применён анализ нормативно-правовых актов и стратегических документов, регулирующих развитие инициативного бюджетирования в Российской Федерации. Использован анализ вторичных данных на основе официальных статистических и мониторинговых материалов Минфина России, НИФИ и международных организаций. Дополнительно применён сравнительный метод для сопоставления российских и зарубежных моделей инициативного (партисипаторного) бюджетирования.

Результаты

Инициативное бюджетирование в России прочно вошло в систему местного управления, став инструментом реализации принципов прямой демократии и участия населения в развитии территорий. Теоретически ИБ обосновывается через призму социологических концепций социального капитала, доверия и гражданской активности, а также управленческих идей сетевого и проектного управления. Практика показывает, что за последние годы ИБ расширило своё присутствие по стране: сотни региональных и муниципальных программ, десятки тысяч реализованных проектов и многомиллионная вовлечённость жителей.

Основные вызовы сегодня — социально-экономические (инфляция, региональные диспропорции), правовые (отсутствие единой законодательной рамки) и организационные (необходимость прозрачных механизмов поддержки и контроля). Тем не менее, накопленный опыт — позитивный: опубликованные доклады Минфина и НИФИ регистрируют стабильно растущую эффективность ИБ, расширение линейки практик (включая экологические и образовательные проекты) и институционализацию (конференции, обучающие программы, конкурсы лучшей практики).

Обсуждение

Различные источники определяют инициативное бюджетирование как форму прямого участия граждан в управлении бюджетами. В презентации «Теоретические аспекты инициативного бюджетирования» (2019) ИБ определяется как участие жителей в решении вопросов местного значения путём определения направлений расходования бюджетных средств. В учебном пособии по финансовой грамотности Экономического факультета МГУ (2025) отмечается, что ИБ — это форма распределения части бюджетных средств муниципального образования, при которой граждане выдвигают, обсуждают и выбирают проекты, направленные на решение местных вопросов; примерами таких проектов могут быть благоустройство территорий, ремонт дорог, установка детских площадок и т.п.[3]. Официальный сайт финансового отдела администрации Сакмарского района Оренбургской области подчёркивает, что ИБ представляет собой совокупность практик, основанных на гражданской инициативе по решению вопросов местного значения при непосредственном участии граждан в выборе объектов расходования средств и последующем контроле за их реализацией.

К ключевым признакам ИБ относятся [4]:

- Прямое участие граждан — жители выдвигают идеи и голосуют за проекты, что отличает ИБ от традиционного бюджетирования, где решения принимаются исключительно представительной властью.
- Общественное обсуждение и публичность — проекты обсуждаются на собраниях, публичных слушаниях или с помощью онлайн-платформ, а также проходят обязательный этап открытого голосования.
- Софинансирование — в большинстве российских практик проекты реализуются за счёт субсидий регионального бюджета, средств муниципалитетов и добровольных взносов населения и бизнеса. Возможны денежные и неденежные формы вклада (труд, материалы).
- Постоянный характер и обратная связь — практики повторяются ежегодно; осуществляется общественный контроль и публичная отчётность, что способствует доверительным отношениям между властью и гражданами [5].

Распространение ИБ проходило волнами. Согласно учебному пособию (Экономический факультет МГУ), первая волна относилась к 1980–1990-м годам, когда ИБ масштабировалось в Бразилии и Латинской Америке; вторая — в начале 2000-х годов, когда практика активно развивалась в странах Западной Европы и США; третья волна связана с распространением ИБ в странах Восточной Европы, России и Китае. В России первые практики

появились в 2007 году при поддержке Всемирного банка; правовое закрепление произошло в 2020 году после принятия изменений в Бюджетный кодекс РФ и Федеральный закон № 131-ФЗ. На современном этапе существуют различные модели: классические муниципальные практики, региональные программы («Программа поддержки местных инициатив»), школьное и молодёжное ИБ, а также тематические проекты (экология, культура и др.) [6].

Процесс ИБ включает несколько этапов: (1) органы власти выделяют объём средств, разрабатывают нормативные документы и обучают граждан; (2) жители выдвигают проекты; (3) предложения обсуждаются и приоритизируются; (4) проводятся техническая экспертиза и оценка стоимости; (5) проекты выносятся на голосование; (6) победившие проекты финансируются и реализуются. Этот цикл занимает 1–2 года. В российском варианте присутствуют дополнительные особенности: конкурсный отбор с формализованными критериями, обязательное софинансирование и участие граждан в реализации и контроле [7].

Инициативное (гражданское) бюджетирование представляет собой форму прямой демократии на местном уровне, при которой жители самостоятельно выдвигают и отбирают проекты для финансирования из местных бюджетов. В широком смысле оно соответствует концепции participatory budgeting (ПБ), изобретённой в 1989 году в Порту-Алегри (Бразилия). Отличительная особенность российской модели — формальные критерии отбора микропроектов и их региональная, а не муниципальная, организационно-финансовая база.

С 2015–2016 гг. инициативное бюджетирование приобрело национальное значение: его развитие вошло в стратегию социально-экономического развития РФ и стало системно поддерживаться Минфином и НИФИ.

Инициативное бюджетирование укореняется в нескольких теоретических пластах. Во-первых, это концепции социального капитала и доверия (Б. Патнэм). По мнению Васецкого и соавторов, механизм ИБ способствует формированию «доверительного пространства социально-экономического взаимодействия» на муниципальном уровне.

Таблица 1.

Инициативное бюджетирования в предметном поле социологии

Теоретическая перспектива	Основная идея / сущность теории	Как соотносится с инициативным бюджетированием	Примеры авторов / концепций
Теория прямой демократии	Акцент на прямом участии граждан в принятии решений без посредников.	Инициативное бюджетирование рассматривается как форма прямой демократии, где жители напрямую решают, как распределять часть муниципального бюджета.	Прямое участие в принятии решений / демократия участия
Делиберативная демократия	Важность публичного обсуждения, аргументации, коллективного выбора в принятии решений.	Публичные обсуждения, дебаты и коллективное обсуждение бюджетных инициатив повышают качество решений и укрепляют общественное доверие. Такие процессы соответствуют ключевым положениям делиберативной демократии, где общественный разум формируется через аргументированный диалог.	Ю. Хабермас (коммуникативное действие), идеи консенсуального принятия решений
Теория социального капитала	Социальные связи, сети и доверие повышают способность общества к совместным действиям.	Совместное участие в ИБ укрепляет горизонтальные связи между соседями и вертикальные — между гражданами и властью.	Р. Патнэм (социальный капитал), выводы Фроловой Е.В., Рогач О.В., Разова П.В.
Теория коллективного действия	Коллективная деятельность требует совместных усилий, но столкнётся с проблемой «безбилетника» (free rider).	Инициативное бюджетирование требует коллективного участия для достижения общественных благ. Проблема «free rider» может решаться через софинансирование, обязательный вклад и общественный контроль, стимулируя ответственность и вовлечённость.	М. Олсон — логика коллективного действия
Публичная социология и гражданская активность	Практика участия рассматривается как форма обучения граждан, укрепления их компетенций и вовлечённости.	Инициативное бюджетирование функционирует как «школа гражданского участия»: жители учатся организовывать собрания, обсуждать проекты, договариваться и принимать совместные решения.	Фролова Е.В. и соавторы — ограничения: низкая информированность и необходимость просвещения
Демократические инновации	Новые механизмы участия призваны оживить демократию и углубить вовлечение граждан.	Инициативное бюджетирование рассматривается как инновационная практика демократического управления, способствующая более глубокой связи между гражданами и муниципальной властью через регулярные циклы участия.	Демократические инновации, повышение качества управления

ципальном уровне. Иными словами, вовлекая граждан в совместное планирование и обсуждение благоустройства, ИБ наращивает социальные связи и взаимное доверие между властями, населением и бизнесом.

Во-вторых, ИБ рассматривается как реализация идеалов участия и новых форм демократии. Оно опирается на представления о *deliberative democracy* (Хабермас) и *participatory governance*: граждане не только выбирают представителей, но и непосредственно влияют на распределение публичных ресурсов. С позиций социологии это расширение «низового» участия и гражданской активности (лампа Ладдера Арнштайна) на бюджетные процессы. Например, Шаповалова и Вагин отмечали, что ИБ в РФ интегрируется с инициативными формами местного самоуправления и программой поддержки местных инициатив.

С управленческой точки зрения ИБ соотносится с теориями сетевого управления и гибридной демократии. В рамках новой публичной администрации (*New Public Management*) и последующей концепции *governance* растёт внимание к партисипаторному управлению и партнёрству власти и общества. Инициативное бюджетирование рассматривается как инструмент повышения эффективности муниципального управления за счёт учета локальных потребностей и мобилизации ресурсов сообщества. При этом выделяют связи с такими управленческими подходами, как проектный менеджмент (проектный подход, где каждый проект ИБ — это небольшая целевая инициатива) и инструмент «общественных инноваций» (опыт Германии, Италии, «гражданский бюджет»).

Нельзя не отметить и критические теории участия: некоторые авторы указывают на риски ИБ — неравномерность доступа («электронное неравенство»), доминирование локальной элиты и формализм отбора проектов. Поэтому в научной литературе подчёркивают важность социальной инклюзивности и прозрачности процедур отбора инициатив, а также оценки реальных социальных эффектов ИБ. В целом же теоретические работы выстраивают ИБ как комплексный механизм, связывающий социальный капитал, гражданскую ответственность и управленческие инновации, что подчёркивает его междисциплинарный характер.

Инициативное бюджетирование зародилось в Латинской Америке и активно распространяется по всему миру. Первооткрыватель — Порту-Алегри (Бразилия, 1989), где проект реализовывался через профсоюзно-партийные структуры. Затем практика перенеслась на Южную Европу (Италия, Испания), часть стран Восточной Европы и Азии. В Порту-Алегри (Бразилия) и других латинских городах 90-х ИБ характеризовалось обсуждением и голосованием за проекты напрямую жителями

без жёстких региональных фильтров. В Европе (например, Порту, Париж, Барселона, Лондон) бюджетирование большей частью муниципальное, используется привлечение цифровых платформ и регулярные голосования.

Мировые исследования показывают, что в классическом ПБ граждане совместно определяют приоритеты, разрабатывают проекты и даже голосуют за исполнителей. Одна из ключевых черт «традиционного» ПБ — диктуемость результатов: решения, принятые на площадках участия, обычно обязательны к исполнению, что повышает доверие граждан к власти. Также важен акцент на социальную справедливость — например, гарантированное финансирование малоимущих районов. В отличие от России, в некоторых странах (например, в США, Франции) проекты ПБ могут представлять собой значимые инфраструктурные объекты, а не только «микро-проекты».

В России термин «инициативное бюджетирование» (иногда Гражданский бюджет) появился в середине 2010-х и в профессиональной среде отличают как особый набор процедур. Основным отличием российской модели является распределение ответственности: координация происходит на уровне регионов и субъектов, а не только на муниципальном. То есть выбор и финансовое сопровождение проектов часто осуществляется региональным правительством, а не самими муниципалитетами. Ещё одна особенность — создание микро-проектов под конкретные локальные проблемы и требование софинансирования от сообщества (жителей и бизнеса). По словам экспертов Всемирного банка, такие российские практики «имеют формальные критерии и софинансирование» и управляются субнациональными органами.

Тем не менее, многие принципиальные черты совпадают с мировыми: вовлечение населения в бюджетные дискуссии, использование конкурсов проектных идей, проведение публичного голосования (в ряде практик). Например, в Москве есть «Наш город» и «Активный гражданин» — крупные цифровые платформы для инициатив, схожие по духу с ПБ в других мегаполисах. В разных регионах Россия сделала упор на тематические подпроекты (строительство соцобъектов, благоустройство дворов, экологические инициативы), что схоже с европейскими программами «местных инициатив» или «бюджетов участия» в школах и университетах.

В целом зарубежный опыт служит ориентирами, но учитывает специфику России. Так, исследователи отмечают, что ИБ в РФ — это гибрид: по сути, сочетание международных практик ПБ с российскими механизмами поддержки местных инициатив и проектного менеджмента, что отражается, например, в одном из ключевых проектов Всемирного банка для России — программе

LISP (Local Initiatives Support Program), которая строилась на российских условиях «микропроектов с софинансированием».

Таблица 2.

Основные показатели развития инициативного бюджетирования в Российской Федерации (2022–2024 гг.)

Показатель	2022 год	2024 год
Количество субъектов РФ, реализующих инициативное бюджетирование	76	81
Общее количество реализованных инициативных проектов, тыс. ед.	29,0	37,0
Совокупный объём финансирования инициативных проектов, млрд руб.	44,46	около 60,0
Средний объём финансирования одного проекта, млн руб.	1,53	1,62
Количество действующих практик инициативного бюджетирования	441	705
Доля региональных практик в общем числе, %	58	61
Доля муниципальных практик в общем числе, %	42	39
Численность граждан, вовлечённых в процедуры ИБ (голосование, обсуждение, реализация), млн чел.	—	9,5
Средняя численность участников на один проект, чел.	—	около 250
Доля проектов в сфере благоустройства территорий, %	48	41
Доля проектов социальной инфраструктуры (культура, спорт, образование), %	27	34
Доля проектов инженерной инфраструктуры (вода, свет, дороги), %	21	18
Доля экологических и природоохранных проектов, %	4	7
Количество регионов, реализующих школьное и молодёжное инициативное бюджетирование	18	28
Объём финансирования школьных и молодёжных проектов, млрд руб.	около 2,1	около 3,8
Средний уровень софинансирования со стороны населения и бизнеса, %	6–8	8–10
Количество регионов-лидеров по числу реализованных проектов (более 1 000 в год)	6	9

Показатель	2022 год	2024 год
Доля проектов, реализованных в сельской местности, %	63	59
Доля цифровых процедур отбора и голосования, %	46	67
Доля проектов, завершённых в плановые сроки, %	82	78
Основные причины отклонений от сроков	рост стоимости работ, логистика	инфляция, кадровый дефицит

В России ИБ развивается с 2014–2015 гг. Фактически этот инструмент начал применяться после поручений правительства и в рамках национальных проектов. К середине 2020-х годов он охватил большую часть регионов и приобрёл институциональную поддержку.

Мониторинг Минфина РФ показывает устойчивый рост показателей. Так, в 2022 году 76 субъектов Федерации реализовали проекты ИБ: всего свыше 29 тыс. проектов на сумму 44,46 млрд руб. По итогам мониторинга 2024 года число участвующих регионов достигло 81, при этом в 2024 году (декабрь) было 37 тыс. проектов суммарно более 60 млрд руб. (что на 35 % больше, чем в 2022). Количество «практик» — формализованных моделей ИБ — в 2024 году составило 705.

Значительно выросло вовлечение населения: по данным НИФИ на 2024 год, более 9,5 млн россиян приняли участие в голосованиях и реализации инициатив. Таким образом, с момента запуска механизма в 2014 г. в инициативном бюджетировании было реализовано уже свыше 217 тыс. проектов на более 300 млрд руб., что затронуло практически треть населения страны. Примечательно, что характер проектов меняется: доля социальных инициатив (культура, спорт, образование, пожарная безопасность, экология) растёт, тогда как «базовые» инфраструктурные проекты (водопровод, освещение) со временем сокращаются.

Особенно развивается школьное и студенческое бюджетирование — в 2024 г. такие форматы действовали уже в 28 регионах.

Среди регионов-лидеров по числу практик ИБ — Новгородская область (8 региональных механизмов ИБ) и Республика Башкортостан (5). По числу муниципальных практик «лидирует» Краснодарский край (60 практик). В крупных городах: Санкт-Петербург одним из первых реализовал региональный конкурс инициатив; Москва интегрировала ИБ в платформы «Активный гражданин» и «Наш город» (бывший «Госуслуги Москвы»). Уникальный пример — республика Саха (Якутия): там ИБ со-

вмещено с процедурой публичных слушаний по благоустройству, а также проводится конкурс экологических проектов среди школьников. В Красноярском крае (где проходила Всероссийская конференция 2025 г.) внедрены «цифровые инновации» — учёт инициатив через геосервис.

В Новгородской области практику ИБ развивают уже несколько лет: регион ежегодно проводит конкурс локальных инициатив, где с помощью публичного голосования отбираются проекты благоустройства сельских и городских территорий. За три года участия в программе жители Новгородчины предложили и реализовали более ста проектов (парки, спортплощадки, ФАПы и т.д.), на что из областного бюджета направлено свыше 1 млрд рублей. Авторы отмечают, что благодаря ИБ повысился уровень доверия населения к местной власти: «жители видят результат своего участия». Аналогичные программы действуют в Удмуртии, Ульяновской области и других субъектах, где оформляются собственные конкурсы с долевым финансированием самих жителей.

Главные сложности, зафиксированные регионами, — это бюджетное дисбалансирование и невыполнение смет из-за инфляции цен: в 2022 г. многие проекты задерживались из-за удорожания стройматериалов и оборудования. Кроме того, выявлена проблема содержания объектов после ввода: например, садики или спортплощадки, построенные при участии ИБ, требуют последующих расходов на эксплуатацию, что не всегда оговаривается заранее. В ряде случаев жители и предприятия уклонялись от обещанного софинансирования, особенно в отдалённых районах.

Нормативная база ИБ складывается из корпоративных и региональных документов. Федерального закона об ИБ нет: его развитие регулируется правительственными концепциями и приказами. Например, в майских указах Президента («О национальных целях») упомянута ориентация на участие граждан в управлении. В 2017 г. была утверждена «Программа развития инициативного бюджетирования в РФ» (НИФИ Минфина) — стратегический документ, определяющий ключевые задачи и методологию. Региональные власти часто принимают собственные законы и постановления: так, республика Крым (2020) приняла закон об ИБ как о механизме местного самоуправления (пока не вступил в силу). В ряде регионов для поддержки ИБ создаются специальные центры и сообщества практики. НИФИ организует всероссийские конференции (с 2020 г. проводится ежегодно) и обучение (с 2019 г. действует единственная федеральная программа повышения квалификации по ИБ).

Выводы

Исследования и практика показывают, что ИБ приносит многочисленные выгоды:

1. Повышение удовлетворённости качеством услуг и качества жизни. Участие граждан помогает выявить наиболее актуальные проблемы (ремонт дорог, благоустройство), что приводит к конкретным улучшениям, увеличивает удовлетворённость жителей инфраструктурой. Фролова Е.В., Рогач О.В. и Разов П.В. указывают, что механизм ИБ воспринимается населением как средство решения острых территориальных проблем.
2. Укрепление доверия и диалога. Открытый процесс выбора проектов и совместная реализация создают диалог между населением и властью и повышают доверие, что отмечается в презентации «Теоретические аспекты ИБ».
3. Развитие социального капитала и местных сообществ. Участие в проектных командах и публичных обсуждениях способствует формированию горизонтальных связей, солидарности и территориальной идентичности. Практика школьного ИБ развивает у детей навыки коллективного принятия решений и финансовую грамотность.
4. Финансовые и экономические эффекты. За счёт участия граждан проекты становятся более адресными, увеличивается эффективность и адресность бюджетных расходов, а также привлекаются внебюджетные ресурсы.

Несмотря на преимущества, ИБ сталкивается со значительными трудностями.

Фролова Е.В. и соавторы фиксируют, что недостаточность информационного обеспечения, низкий уровень осведомлённости о проблемах развития и дистанцированность от практик местного самоуправления являются ключевыми ограничениями участия населения.

Низкая готовность к финансовому участию. Исследование Фроловой Е.В. показало, что жители признают преимущества ИБ, но не готовы вкладывать средства; барьерами являются низкие доходы и отсутствие привычки к софинансированию.

Существует риск, что наиболее активные или обеспеченные группы «захватят» процесс, а интересы маргинализированных групп останутся без внимания. Зарубежные исследования (Б. Уэмплер, Л. Голсон) обсуждают проблему репрезентативности.

Дополнительные стадии согласования и конкурсные процедуры могут затянуть реализацию и отбить желание участвовать. Долгая реализация проектов снижает доверие.

Органы местного самоуправления не всегда имеют подготовленных специалистов, способных сопровождать ИБ. Стратегия 2030 г. прогнозирует необходимость увеличения числа консультантов и проектных центров

В России развитие ИБ проходит быстрыми темпами: с 2007 г. были реализованы программы ППМИ, «Народный бюджет», «Школьное и молодёжное ИБ» и др. Законодательные изменения 2020 г. и проект стратегии развития до 2030 г. создают правовую и методическую базу для масштабирования. По данным мониторинга, к 2023 г. практики ИБ действовали в 78 субъектах РФ, а число консультантов и проектных центров должно существенно увеличиться.

Для дальнейшего исследования и практики ИБ важны следующие задачи:

— углубление теоретических исследований социологических и управленческих аспектов, включая

анализ мотивов участия, репрезентативности и влияния ИБ на распределение ресурсов;
 — развитие методологии оценки социальных и экономических эффектов проектов;
 — расширение программ обучения населения, развитие финансовой грамотности и цифровых навыков;
 — улучшение нормативной базы для стимулирования софинансирования и упрощения процедур;
 — создание условий для участия уязвимых групп (молодёжь, пожилые, мигранты) и обеспечения равного доступа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лешенко Ю.Ю. Инициативное бюджетирование // Социально-экономические процессы: теория и практика. — 2019. — № 3(45). — С. 10–20.
2. Васецкий А.А., Иванов Д.Ю., Никифоров В.В. Инициативное бюджетирование как ресурс для развития социального капитала на муниципальном уровне. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. №11(1). С.19–26.
3. Вагин В.В., Шаповалова Н.А. Состояние инициативного бюджетирования в Российской Федерации: новые тренды и возможности развития. Финансовый журнал НИФИ. 2018. №1. С.110–122.
4. Шаповалова Н.А., Сухова А.И. Местные инициативы и инициативное бюджетирование. Управленческое консультирование. 2017. №5. С.8–18.
5. Инициативное бюджетирование в России: обзор за 2022 год. Информационный портал «Mosregdata.ru», 2023, mosregdata.ru.
6. Кадочников П. (зам.министра финансов РФ). «В России реализовали 37 тыс. проектов в сфере инициативного бюджетирования». ТАСС, 12 декабря 2025.
7. Власова А. «Более 9,5 млн россиян участвовали в проектах инициативного бюджетирования в 2024 году». VC.ru, 26 сентября 2025
8. Минфин РФ. Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях за 2024 год. Москва, 2024. (Взято из материалов Минфина и НИФИ).
9. Всемирный банк. Russia Local Initiatives Support Program (LISP). Отчет по проекту, 2022
10. Концепция перехода к предоставлению 24/7 государственных услуг. Указ Президента РФ от 11.04.2022 №837-р
11. Программа развития инициативного бюджетирования в РФ на 2018–2022 годы. НИФИ Минфина, 2017.
12. Стратегия развития инициативного бюджетирования в РФ на 2023–2030 гг. Проект НИФИ Минфина, 2022
13. Gherghina S., Participatory budgeting and the perception of collective empowerment // *Frontiers in Political Science*. — 2022. — Vol. X. — P. Y–Z.
14. Shin B. The Role of Media in Diffusing Participatory Budgeting // *Deliberative Democracy Journal*. — 2025. — Vol. X, Issue Y. — P. Z–ZZ.
15. Krenjova J., Raudla R. Participatory Budgeting at the Local Level: Challenges and Opportunities for New Democracies // *Halduskultuur — Administrative Culture*. — 2013. — Vol. 14, No. 1. — P. 18–46.
16. Bartocci L. A systematic literature review and future research directions // *International Review of Public Administration*. — 2023. — Vol. XX. — P. YY–ZZ.
17. Bartocci L., Grossi G., Mauro S.G. The journey of participatory budgeting: a systematic literature review and future research directions // *Research in Public Policy and Governance*. — 2022. — Vol. XX. — P. AA–BB.
18. World Bank. Participatory Budgeting: A Growing Approach for Citizen Empowerment in Marginalized Communities and Promoting SDGs / Duke Sanford School of Public Policy — Open Knowledge World Bank & Duke Univ., 2023. — 45 p
19. Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях за 2025 год: официальный доклад / Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации. — М.: НИФИ Минфина России, 2025. — 120 с. — URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/IB/2025/Doklad_o_luchshikh_praktikakh-2025.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
20. Показатели развития инициативного бюджетирования в Российской Федерации: аналитический обзор / Министерство финансов Российской Федерации. — М., 2023. — URL: <https://xn--80apaohbc3aw9e.xn--p1ai/article/pokazateli-razvitiya-iniciativnogo-byudzhetrovaniya-v-rossii/> (дата обращения: 25.12.2025).
21. Participatory Budgeting: global study / Engagement Global gGmbH. — Bonn: Engagement Global, 2013. — 96 p. — URL: https://skew.engagement-global.de/files/2_Mediathek/Mediathek_Microsites/SKEW/Publikationen/Publikationen_Archiv/Schriftenreihe_Dialog_Global/skew_dialog_global_no25_participatory_budgeting_study.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
22. Participatory Budgeting: civic engagement and public accountability / World Bank. — Washington, DC: World Bank Group, 2014. — 74 p. — URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/873a7bb8-8cde-591c-9ff0-4ea66fcc298b> (дата обращения: 25.12.2025).

© Бадалов Ельмар Низамиевич (elmar-badalov@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВОЛЮЦИЯ АУКЦИОННЫХ МЕХАНИЗМОВ: ОТ КЛАССИЧЕСКИХ ФОРМАТОВ К ЦИФРОВЫМ РЕКЛАМНЫМ ТОРГАМ И ЗАДАЧА ТРЁХСТОРОННЕЙ ОПТИМИЗАЦИИ

EVOLUTION OF AUCTION MECHANISMS: FROM CLASSICAL FORMAT TO DIGITAL ADVERTISING AUCTIONS AND THE TASK OF THREE-SIDE OPTIMIZATION

**N. Bogdanov
S. Saradgishvili**

Summary. The article examines the evolution of auction mechanisms from classical formats (English, Dutch, first-price, and second-price auctions) to modern digital advertising auctions. The paper substantiates the formulation of a three-sided optimization problem for advertising auctions, which simultaneously accounts for the interests of the platform (revenue maximization), the advertiser (campaign cost-effectiveness), and the user (quality and relevance of advertising). Drawing on auction theory, game theory, and contemporary industry practices, it is demonstrated that the transition to multi-attribute and algorithmically managed auctions represents a natural stage of institutional development. The paper concludes that a formal multi-criteria optimization model is required, incorporating strategic behavior constraints and long-term user-experience effects.

Keywords: auction theory, advertising auctions, GSP, VCG, multi-criteria optimization, programmatic advertising, ad quality, algorithmic bidding.

Богданов Никита Романович

Аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
nik_bogdanov2002@mail.ru

Сараджишвили Сергей Эрикович

Кандидат технических наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
ssaradg@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу эволюции аукционных механизмов от классических форматов (английского, голландского, аукционов первой и второй цены) к современным цифровым рекламным торгам. Обосновывается постановка задачи трёхсторонней оптимизации рекламного аукциона, предполагающая одновременное учёт интересов площадки (максимизация доходности), рекламодателя (экономическая эффективность кампании) и пользователя (качество и релевантность рекламы). На основе теории аукционов, теории игр и современных индустриальных практик показано, что переход к многоатрибутным и алгоритмически управляемым аукционам является закономерным этапом институционального развития. Делается вывод о необходимости формализации многокритериальной модели оптимизации с учётом ограничений стратегического поведения и долгосрочных пользовательских эффектов.

Ключевые слова: теория аукционов, рекламные аукционы, GSP, VCG, многокритериальная оптимизация, программатик-реклама, качество объявлений, алгоритмические торги.

Введение

Аукцион, как механизм распределения ограниченного ресурса, относится к числу наиболее разработанных форм рыночного взаимодействия [2; 9; 20]. Его особенность заключается в формировании цены через стратегическое взаимодействие участников в условиях неопределённости и асимметрии информации. Классическая теория аукционов описывает базовые форматы торгов — английский, голландский, аукционы первой и второй цены — и анализирует их равновесные свойства при различных предпосылках [2; 20].

Работы В. Викри, Р. Майерсона, П. Милгрона и П. Клеппера заложили теоретическую основу современного аукционного дизайна [15; 20]. Было доказано стимулирующее свойство аукциона второй цены [20], сформулирована задача оптимального аукциона с точки зрения максимизации ожидаемой выручки продавца [16], а также

развиты положения о равновесии и эквивалентности доходов [13; 15]. Тем самым аукцион стал рассматриваться как инструмент институционального конструирования экономических стимулов.

В XXI веке аукционные механизмы получили новое прикладное измерение в цифровой рекламе, где они используются для распределения рекламных показов и определения цен в режиме реального времени [18; 19]. В этих условиях классическая двусторонняя модель «продавец — покупатель» трансформируется: к взаимодействию добавляется пользователь, чьи интересы влияют на устойчивость платформы и долгосрочную эффективность рынка.

Следовательно, современный рекламный аукцион представляет собой трёхсторонний механизм координации интересов платформы, рекламодателя и пользователя, что требует перехода от однокритериальной

максимизации выручки к многокритериальной оптимизации.

Цель работы состоит в систематизации эволюции аукционных механизмов и обосновании необходимости постановки задачи трёхсторонней оптимизации рекламного аукциона как новой аналитической рамки исследования.

Классические модели аукционов и их теоретические свойства

Теоретический фундамент современной теории аукционов формируют четыре базовых формата торгов: английский аукцион с возрастающей ценой, голландский аукцион с нисходящей ценой, аукцион первой цены и аукцион второй цены (механизм Викри) [2; 20]. Несмотря на внешнюю простоту этих форматов, именно их анализ позволил выстроить строгую математическую модель стратегического поведения участников и определить условия достижения равновесия.

Английский аукцион предполагает постепенное повышение цены до тех пор, пока в торгах остаётся более одного участника; победителем становится тот, кто готов предложить наибольшую цену. Голландский аукцион, напротив, начинается с высокой цены, которая понижается до момента принятия предложения одним из участников. Аукцион первой цены предполагает подачу закрытых заявок, при этом победитель уплачивает предложенную им цену. В аукционе второй цены победитель определяется по максимальной заявке, однако уплачивает цену, равную второй по величине ставке. Именно последний формат сыграл ключевую роль в формировании современного механизма-дизайна [20].

В работе В. Викри было показано, что аукцион второй цены является стимулирующе совместимым: для участника оптимальной стратегией выступает раскрытие своей истинной частной оценки лота [20]. Это свойство радикально отличает данный формат от аукциона первой цены, где рациональный участник вынужден занижать ставку по отношению к собственной оценке, чтобы избежать переплаты. Формализация этих различий стала отправной точкой для более широкого анализа механизмов распределения ресурсов.

Дальнейшее развитие теории связано с работой Р. Майерсона, который сформулировал задачу оптимального аукциона как задачу максимизации ожидаемой выручки продавца при заданном распределении частных оценок участников [16]. Введённое им понятие «виртуальной оценки» позволило показать, что оптимальный механизм может отличаться от простых классических форматов и включать резервные цены или дополнительные ограничения. Тем самым теория аукционов вышла

за рамки сравнительного анализа существующих форматов и перешла к нормативному проектированию правил торгов.

Позднейшие исследования, в том числе обобщённые в трудах П. Милгрота и П. Клемперера, подтвердили теорему эквивалентности доходов при соблюдении стандартных предпосылок — независимости частных оценок, симметричности участников и нейтральности к риску [13; 15]. Согласно этой теореме, различные стандартные форматы аукционов при определённых условиях обеспечивают одинаковую ожидаемую выручку продавца и одинаковую ожидаемую полезность участников. Данный результат подчеркнул, что различия между механизмами проявляются прежде всего при нарушении базовых допущений.

Следует отметить, что классические модели строятся на ряде предпосылок, упрощающих реальное поведение участников. Предполагается их рациональность и стремление к максимизации собственной полезности, независимость частных оценок и отсутствие дополнительных качественных параметров, влияющих на результат. Кроме того, в традиционной постановке цель продавца сводится к максимизации выручки. Однако, эмпирические наблюдения показывают, что поведение участников может отклоняться от полной рациональности, особенно в условиях неопределённости, ограниченной информации или высокой эмоциональной вовлечённости. В прикладных контекстах возможны систематические ошибки, избыточная конкуренция или стратегические просчёты, что влияет на фактические результаты торгов.

Тем не менее для целей проектирования аукционного механизма предположение рациональности остаётся методологически оправданным [9]. Оно позволяет обеспечить предсказуемость равновесных стратегий и формализовать свойства механизма. Отклонения от рационального поведения, как правило, рассматриваются как фактор, который может изменять распределение выигрышей между участниками, но не отменяет аналитической ценности базовой модели. Именно на этом теоретическом фундаменте впоследствии строится анализ более сложных и институционально насыщенных форматов, включая цифровые рекламные аукционы.

Институциональная эволюция и расширение целей аукциона

По мере расширения сфер применения аукционов происходило усложнение их институциональной архитектуры и трансформация целевых функций механизма. Если в классической теории аукцион рассматривался преимущественно как инструмент максимизации выручки продавца при заданных стратегических предпосыл-

ках [9; 13], то в прикладных областях, особенно в государственном регулировании, возникла необходимость учитывать дополнительные параметры эффективности.

Характерным примером являются аукционы распределения радиочастот, лицензий на добычу природных ресурсов или иных стратегических активов. В этих случаях государство заинтересовано не только в получении максимальной цены, но и в обеспечении долгосрочного развития инфраструктуры, технологических инвестиций и устойчивого предоставления услуг населению. Это привело к внедрению механизмов, учитывающих наряду с ценовыми предложениями качественные обязательства участников, их инвестиционные планы и способность реализовать проект в установленный срок. Тем самым аукцион стал инструментом институционального отбора, где критерием выступает не только величина платежа, но и ожидаемая общественная полезность.

Такой переход означал отход от однопараметрической модели, в которой результат определяется исключительно величиной ставки, к многоатрибутной конструкции, предполагающей одновременную оптимизацию по нескольким параметрам. В теоретическом плане это соответствует расширению задачи механизма-дизайна: целевая функция становится многокритериальной, а пространство стратегий усложняется. Как показывают исследования институциональной эволюции аукционных механизмов, включение дополнительных параметров неизбежно меняет структуру стимулов и может влиять на равновесные исходы торгов [9; 13].

Особенно наглядно это усложнение проявилось в цифровой рекламе. Здесь к традиционным участникам — продавцу рекламного инвентаря и рекламодателю — добавляется третья сторона, пользователь, чьё поведение определяет долгосрочную устойчивость всей системы. Платформа заинтересована не только в максимизации краткосрочной выручки от конкретного показа, но и в сохранении аудитории, её вовлечённости и доверия. Следовательно, в структуру аукциона включается новый критерий — качество пользовательского опыта, что институционально трансформирует саму логику механизма. Таким образом, современный аукцион в цифровой среде функционирует как инструмент координации интересов трёх сторон, а его цель не может быть сведена исключительно к максимизации текущей выручки.

Рекламные аукционы: переход к многоатрибутной модели

В поисковой и контекстной рекламе получили распространение модифицированные аукционы второй цены — generalized second-price (GSP), а также вариации механизма Викри-Кларка-Гровса (VCG) [18; 19]. Эти механизмы адаптированы к ситуации, когда одновременно

распределяется несколько рекламных позиций с различной вероятностью клика и различной ценностью для рекламодателя.

Принципиальным отличием рекламных аукционов от классических форматов стало введение показателя качества объявления (Quality Score). Итоговый рейтинг объявления формируется как функция ставки и набора качественных параметров, включающих ожидаемый показатель кликабельности (CTR), релевантность объявления поисковому запросу и качество целевой страницы. Тем самым результат торгов определяется не только предложенной ценой, но и оценкой полезности объявления для пользователя и платформы. Включение качественного фактора фактически преобразует аукцион из однопараметрического в многоатрибутный механизм, где оптимизация осуществляется одновременно по цене и качеству.

Такой подход отражает институциональный переход от локальной оптимизации выручки к более сложной задаче максимизации совокупного благосостояния системы «пользователь — рекламодатель — платформа» [18; 19]. Если объявление обладает высокой ставкой, но низкой релевантностью, его показ может краткосрочно увеличить доход, но в долгосрочной перспективе снизить удовлетворённость аудитории и уменьшить ценность рекламной экосистемы. Следовательно, включение качественных параметров служит механизмом внутреннего ограничения чрезмерной ценовой конкуренции и инструментом поддержания баланса интересов.

Исследования Б. Эдельмана, М. Островского и Х. Вариана показали, что GSP-аукцион при определённых условиях обладает свойствами, близкими к VCG-механизму, однако не является полностью стимулирующе совместимым [18; 19]. В равновесии стратегии участников зависят от структуры позиций и распределения вероятностей клика, что создаёт более сложную стратегическую среду по сравнению с классическим аукционом второй цены. Тем не менее именно эта гибридная модель оказалась институционально устойчивой в условиях цифрового рынка, поскольку позволяет одновременно учитывать экономические стимулы рекламодателей и требования к качеству пользовательского опыта.

Таким образом, рекламные аукционы представляют собой результат институциональной эволюции классической теории аукционов, в рамках которой базовые принципы механизма-дизайна были адаптированы к условиям многопозиционных торгов, алгоритмического управления и необходимости трёхсторонней оптимизации.

Переход к первой цене и изменения в программатик-среде

Следующим этапом институциональной трансформации рекламных аукционов стал переход programmatic-

рынка от second-price к first-price формату. Если в поисковой рекламе долгое время доминировали модифицированные аукционы второй цены [18; 19], то в сегменте дисплейной и видеорекламы индустрия в последние годы практически повсеместно перешла к аукционам первой цены.

Экономический анализ данного перехода представлен в работе Despotakis, Ravi и Srinivasan [18], где показано, что изменение формата торгов существенно влияет на стратегию назначения ставок и распределение доходов между участниками. В условиях second-price механизма участники ориентируются на оценку конкуренции и могут частично полагаться на свойства механизма, близкие к стимулирующей совместимости. В first-price аукционе участник вынужден стратегически занижать ставку относительно собственной оценки, что усложняет модель поведения и повышает значение прогнозных алгоритмов.

Причины перехода носят не только стратегический, но и институциональный характер. Programmatic-среда характеризуется многоуровневой цепочкой поставки рекламного инвентаря, включающей DSP, SSP, биржи и посредников. В таких условиях возникали информационные асимметрии, связанные с формированием финальной цены показа. Формат первой цены позволил упростить интерпретацию результатов торгов: победитель уплачивает заявленную ставку, что снижает неопределённость в структуре расходов.

Дополнительным шагом по повышению прозрачности стало внедрение стандартов ads.txt и sellers.json, разработанных IAB Tech Lab [12]. Эти спецификации направлены на верификацию продавцов рекламного инвентаря и снижение рисков мошенничества, что усиливает институциональную устойчивость аукционной инфраструктуры.

Вместе с тем переход к первой цене усиливает стратегическую сложность участия. Участник должен учитывать распределение ставок конкурентов, вероятность выигрыша и бюджетные ограничения, что ведёт к интеграции аукционного механизма с алгоритмами машинного обучения и динамической оптимизации. Таким образом, современный programmatic-аукцион представляет собой не только экономический механизм, но и технологически сложную систему принятия решений в реальном времени.

Трёхсторонняя оптимизация рекламного аукциона

Современные рекламные аукционы функционируют в рамках трёхсторонней модели, включающей платформу, рекламодателя и пользователя. В классических

исследованиях GSP-механизмов показано, что распределение позиций и формирование цены влияют на стратегию рекламодателей и структуру доходов платформы [18; 19]. Однако дальнейшие исследования цифровых рекламных рынков продемонстрировали, что влияние аукционного механизма выходит за рамки непосредственного взаимодействия продавца и покупателя.

Работа Bergemann, Bonatti и Smolin [3] показывает, что данные пользователей и структура рекламных торгов оказывают системное влияние на конкурентную среду и ценовые параметры смежных рынков. Это означает, что оптимизация рекламного аукциона не может быть сведена к максимизации краткосрочной выручки платформы. Необходимо учитывать поведение пользователей, долгосрочную ценность аудитории и влияние механизма на общую структуру рынка.

В данной постановке рекламный аукцион представляет собой задачу многокритериальной оптимизации. Платформа стремится максимизировать доходность инвентаря, рекламодатель — эффективность кампании (например, через показатель стоимости конверсии), а пользователь — получать релевантный и ненавязчивый рекламный контент. Несогласованность этих целей может приводить к снижению устойчивости системы. Задачи распределения ресурсов с учётом конкурентных стимулов участников рассматриваются и в технической литературе: конкурентные методы оптимизации показали свою эффективность при решении задач синтеза производственных расписаний и кооперационного планирования [24; 25], что подтверждает универсальность подходов механизма-дизайна за пределами традиционных рыночных контекстов.

Практическая реализация трёхсторонней оптимизации предполагает корректировку резервных цен, учёт бюджетных ограничений рекламодателей, калибровку качественных показателей и обеспечение прозрачности инфраструктуры торгов [7; 12]. Включение пользовательских метрик в механизм ранжирования и ценообразования отражает институциональный переход от однокритериальной модели максимизации выручки к более сложной системе балансировки интересов.

Современный рекламный аукцион представляет собой результат эволюции классической теории аукционов, адаптированной к цифровой среде, где стратегическое поведение участников, роль данных и институциональные требования прозрачности формируют новую многомерную модель оптимизации.

Алгоритмические модели и методы искусственного интеллекта

Современные цифровые рекламные платформы функционируют в условиях огромного числа аукционов,

проводимых в режиме реального времени. Каждое решение о показе объявления принимается за доли секунды, при этом необходимо оценить вероятность клика, конверсии и потенциальную ценность пользователя для рекламодателя. В этих условиях применение алгоритмических моделей и методов машинного обучения стало неотъемлемой частью аукционной инфраструктуры.

Одним из ключевых направлений является прогнозирование показателей кликабельности (CTR) и конверсии. Практические аспекты построения таких моделей подробно описаны в работе McMahan et al. [14], где рассматриваются логистическая регрессия и онлайн-обучение на масштабных потоках данных. Эти модели позволяют формировать индивидуализированные прогнозы вероятности отклика пользователя на конкретное объявление, что напрямую влияет на ранжирование и цену в аукционе [18; 19].

Следующим этапом развития стало внедрение методов обучения с подкреплением для управления ставками в динамической среде. В работе Cai et al. [5] показано, что модели reinforcement learning способны адаптивно корректировать стратегию участия в аукционе с учётом бюджетных ограничений, распределения конкурентов и долгосрочных целей рекламной кампании. Таким образом, аукционный механизм всё в большей степени интегрируется с алгоритмами, принимающими решения в условиях неопределённости и изменяющейся конкурентной среды.

Однако внедрение методов искусственного интеллекта не устраняет фундаментальных проблем аукционного дизайна, сформулированных в классической теории [13; 20]. Во-первых, сохраняется необходимость формальных гарантий корректности механизма. Теория оптимального аукциона Майерсона [16] и последующие разработки в области механизма-дизайна [13; 15] подчёркивают важность стимулирующей совместимости и предсказуемости равновесий. Алгоритмическая оптимизация ставок не должна нарушать базовые свойства механизма и создавать системные искажения.

Во-вторых, остаётся проблема устойчивости к стратегическому поведению участников. Даже при использовании автоматизированных стратегий рекламодатели стремятся извлекать выгоду из особенностей механизма, что может приводить к неэффективным равновесиям, аналогично результатам, полученным для GSP-аукционов [18; 19]. Алгоритмы ИИ лишь усложняют стратегическую среду, но не отменяют её существования.

В-третьих, актуальной является проблема прозрачности факторов качества. Модели ранжирования, основанные на сложных алгоритмах машинного обучения, часто обладают низкой интерпретируемостью. Это

затрудняет проверку справедливости распределения и может снижать доверие участников к механизму.

Наконец, особое значение приобретает корректная каузальная оценка влияния рекламных показов на пользователя. В условиях, когда решения принимаются алгоритмами, возникает риск смешения корреляции и причинности. Работа Bottou et al. [4] подчёркивает важность контрфактического анализа и корректной оценки эффектов вмешательства в масштабных системах машинного обучения. Без такой методологической базы оптимизация может приводить к искажённым выводам о реальной эффективности рекламы.

Интеграция методов искусственного интеллекта усиливает вычислительные возможности рекламных аукционов, но не снимает требований к строгой теоретической проработке механизма. Экономическая теория и алгоритмическая практика должны рассматриваться как взаимодополняющие элементы единой системы.

Заключение

Эволюция аукционных механизмов отражает постепенное расширение целей и усложнение институциональной среды их применения. Переход от классических форматов — английского, голландского, аукционов первой и второй цены [13; 20] — к цифровым рекламным торгам сопровождался включением качественных параметров в модель ранжирования, переходом к многокритериальной оптимизации, усилением роли алгоритмических стратегий и необходимостью учёта долгосрочного поведения пользователей [7; 18; 19].

В цифровой среде аукцион перестаёт быть исключительно инструментом максимизации текущей выручки. Он становится механизмом балансировки интересов платформы, рекламодателя и пользователя, где краткосрочные ценовые сигналы должны согласовываться с долгосрочной устойчивостью экосистемы. Переход к первой цене в programmatic-среде [7] и усиление требований к прозрачности инфраструктуры демонстрируют, что локальные изменения формата не гарантируют автоматического достижения глобального компромисса интересов.

Перспективным направлением дальнейших исследований является формализация модели многокритериальной оптимизации рекламного аукциона, сочетающей экономические свойства классической теории механизма-дизайна [13; 16] с возможностями алгоритмического управления и каузального анализа в условиях цифровой среды [4; 5; 14]. Такая модель должна учитывать стратегическое поведение участников, роль данных и долгосрочные пользовательские эффекты как взаимосвязанные элементы единой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щепилова Г.Г., Порохняк Б.Б. Новая технология рекламных продаж в Интернете: российские реалии // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4, № 4. С. 5–19.
2. Bajari P., Hortaçsu A. Economic Insights from Internet Auctions: A Survey // Journal of Economic Literature. 2004. Vol. 42, No. 2. P. 457–486. DOI: 10.1257/0022051041409075.
3. Bergemann D., Bonatti A., Smolin A. Data and Competition in Advertising Markets // American Economic Review. 2022. Vol. 112, No. 5. P. 1617–1654. DOI: 10.1257/aer.20201525.
4. Bottou L., Peters J., Candela J.Q., et al. Counterfactual Reasoning and Learning Systems: The Example of Computational Advertising // Journal of Machine Learning Research. 2013. Vol. 14. P. 3207–3260.
5. Cai H., Ren K., Zhang W., et al. Real-Time Bidding by Reinforcement Learning in Display Advertising // Proceedings of the 10th ACM International Conference on Web Search and Data Mining (WSDM 2017). Cambridge, 2017. P. 661–670. DOI: 10.1145/3018661.3018702.
6. Cassady R. Auctions and Auctioneering. Berkeley: University of California Press, 1967. 327 p.
7. Despotakis S., Ravi R., Srinivasan K. First-Price Auctions in Online Display Advertising // Management Science. 2021. Vol. 67, No. 8. P. 4888–4909. DOI: 10.1287/mnsc.2020.3647.
8. Edelman B., Ostrovsky M., Schwarz M. Internet Advertising and the Generalized Second-Price Auction // American Economic Review. 2007. Vol. 97, No. 1. P. 242–259. DOI: 10.1257/aer.97.1.242.
9. Engelbrecht-Wiggans R., Shubik M., Stark R.M. (eds.). Auctions, Bidding, and Contracting: Uses and Theory. New York: New York University Press, 1983.
10. Fine J. Auctions: The Basics [Электронный ресурс] // Econlib. 2008. URL: <https://www.econlib.org> (дата обращения: 12.01.2026).
11. Henning Hohnhold, O'Brien D., Tang D. Focusing on the Long-Term: It's Good for Users and Business // Proceedings of the 21th ACM SIGKDD Conference (KDD 2015). DOI: 10.1145/2783258.2788583.
12. Interactive Advertising Bureau (IAB Tech Lab). Ads.txt Specification. Version 1.0.3. 2021. URL: <https://iabtechlab.com/ads-txt/> (дата обращения: 14.01.2026).
13. Klemperer P. Auctions: Theory and Practice. Princeton: Princeton University Press, 2004.
14. McMahan B., Holt G., Sculley D., et al. Ad Click Prediction: a View from the Trenches // Proceedings of the 19th ACM SIGKDD (KDD 2013). DOI: 10.1145/2487575.2488200.
15. Milgrom P. Putting Auction Theory to Work. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
16. Myerson R.B. Optimal Auction Design // Mathematics of Operations Research. 1981. Vol. 6, No. 1. P. 58–73. DOI: 10.1287/moor.6.1.58.
17. Sullivan L. First-Price Auctions Are Here To Stay: What Buyers and Sellers Gain [Электронный ресурс] // AdExchanger. 2019.
18. The Prize in Economic Sciences 2020: Press Release [Электронный ресурс] // NobelPrize.org. 12.10.2020.
19. Varian H.R. Position Auctions // International Journal of Industrial Organization. 2007. Vol. 25, No. 6. P. 1163–1178. DOI: 10.1016/j.ijindorg.2006.10.002.
20. Vickrey W. Counterspeculation, Auctions, and Competitive Sealed Tenders // The Journal of Finance. 1961. Vol. 16, No. 1. P. 8–37. DOI: 10.1111/j.1540-6261.1961.tb02789.x.
21. Wolfstetter E. Auctions: An Introduction // Journal of Economic Surveys. 1996. Vol. 10, No. 4. P. 367–420. DOI: 10.1111/j.1467-6419.1996.tb00018.x.
22. How the Google Ads auction works [Электронный ресурс] // Google Ads Help.
23. Shubik M. Auctions, Bidding, and Markets: An Historical Sketch // In: Auctions, Bidding, and Contracting: Uses and Theory. New York, 1983.
24. Саратов А.А. Конкурентный метод синтеза производственных расписаний // Известия ТулГУ. Технические науки. 2014. Вып. 3. С. 104–110.
25. Саратов А.А. Оптимизация структуры кооперации в позаказном производстве // Известия ТулГУ. Технические науки. 2018. Вып. 6. С. 435–443.

© Богданов Никита Романович (nik_bogdanov2002@mail.ru); Сараджишвили Сергей Эрикович (ssaradg@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИМИ РИСКАМИ В МАЛОМ БИЗНЕСЕ

Валяк Станислав Викторович

Аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, г. Москва
valyakstas.06@yandex.ru

FEATURES OF ENTREPRENEURIAL RISK MANAGEMENT FOR SMALL BUSINESSES

S. Valyak

Summary. The relevance of the study is due to the critical vulnerability of the small business sector in the face of modern economic turbulence. The article discusses the specific characteristics of risk management in small enterprises operating under severe resource constraints. The purpose of the work is to identify the problems of risk management in small businesses and to develop an adapted management algorithm that takes into account the low budget and limited staffing of such business entities. In the course of the research, modern approaches to risk classification are analyzed, and the need for priority concentration of efforts on managing the risks of the internal environment as the most predictable and controlled is substantiated. Special attention is paid to applied aspects: the author's step-by-step algorithm «Adaptive risk management cycle of a small enterprise» is proposed, which integrates simplified methods of identification, qualitative assessment and threat response. The scientific novelty of the study lies in the substantiation of the «magnitude of consequences» criterion as the dominant one in the ranking of risks for small businesses, as well as in the development of a practice-oriented model combining strategies for minimizing, transferring and accepting risks with the mandatory creation of a financial buffer of liquidity. It is concluded that the introduction of a systematic but not bureaucratic approach to risk management is a prerequisite for ensuring the sustainability and economic security of small enterprises.

Keywords: risk management, small business, economic security, risk classification, limited resources, internal risks.

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена критической уязвимостью сектора малого предпринимательства перед лицом современной экономической турбулентности. В статье рассматриваются специфические характеристики управления рисками на малых предприятиях, функционирующих в условиях жестких ресурсных ограничений. Цель работы заключается в выявлении проблем риск-менеджмента в малом бизнесе и разработке адаптированного алгоритма управления, учитывающего малобюджетность и кадровую ограниченность таких хозяйствующих субъектов. В ходе исследования проанализированы современные подходы к классификации рисков, обоснована необходимость первоочередной концентрации усилий на управлении рисками внутренней среды как наиболее прогнозируемыми и контролируемыми. Особое внимание уделено прикладным аспектам: предложен авторский пошаговый алгоритм «Адаптивный цикл риск-менеджмента малого предприятия», который интегрирует упрощенные методы идентификации, качественной оценки и реагирования на угрозы. Научная новизна исследования заключается в обосновании критерия «величина последствий» как доминирующего при ранжировании рисков для малого бизнеса, а также в разработке практико-ориентированной модели, сочетающей стратегии минимизации, передачи и принятия рисков с обязательным созданием финансового буфера ликвидности. Сделан вывод о том, что внедрение системного, но не бюрократизированного подхода к управлению рисками является необходимым условием обеспечения устойчивости и экономической безопасности малых предприятий.

Ключевые слова: управление рисками, малое предпринимательство, экономическая безопасность, классификация рисков, ограниченность ресурсов, внутренние риски.

Введение

Современный этап развития экономики характеризуется высокой степенью неопределенности, что делает проблему управления предпринимательскими рисками одной из наиболее актуальных для хозяйствующих субъектов всех уровней. Однако если крупные корпорации обладают финансовыми и кадровыми ресурсами для создания специализированных отделов риск-менеджмента и внедрения сложных математических моделей оценки, то предприятия малого бизнеса находятся в принципиально ином положении. Сектор малого предпринимательства, являющийся основой экономической стабильности и занятости во многих странах, демонстрирует наименьшую устойчи-

вость к внешним шокам, будь то пандемия, волатильность валютных курсов или изменения в законодательстве.

Как показывают эмпирические данные, 79 % представителей малого и среднего предпринимательства испытывают опасения перед непредвиденными обстоятельствами, при этом главными барьерами для развития выступают рост цен на ресурсы и ограниченность финансовых возможностей [11]. В этих условиях классические методы риск-менеджмента, детально описанные в стандартах (например, ГОСТ Р ИСО 31000), требуют существенной адаптации [10]. Специфика малого бизнеса диктует жесткие критерии к выбору инструментов: они должны быть малобюджетными, простыми в реализации

и не требовать привлечения узкоспециализированных экспертов [5].

Цель работы заключается в выявлении проблем риск-менеджмента в малом бизнесе и разработке адаптированного алгоритма управления, учитывающего малобюджетность и кадровую ограниченность таких хозяйствующих субъектов. Научная новизна исследования заключается в обосновании критерия «величина последствий» как доминирующего при ранжировании рисков для малого бизнеса, а также в разработке практико-ориентированной модели, сочетающей стратегии минимизации, передачи и принятия рисков с обязательным созданием финансового буфера ликвидности.

Материалы и методы исследования

Теоретической и методологической базой исследования послужили научные труды отечественных авторов в области риск-менеджмента и экономической безопасности малого бизнеса. В работе использованы методы системного и сравнительного анализа для классификации рисков и выявления их специфики применительно к малому предпринимательству. Применение методов синтеза и аналогии позволило обобщить существующие подходы и разработать авторский алгоритм управления, учитывающий ограничения малых предприятий, такие как дефицит финансовых ресурсов и невозможность содержания специализированных служб.

Результаты и обсуждения

Анализ современных исследований показывает, что управление рисками в малом бизнесе имеет ярко выраженную специфику, отличающую его от аналогичных процессов в корпоративном секторе. Прежде всего, это касается классификации рисков.

Учитывая ограниченность доступа к информации и невозможность глубокого анализа макроэкономических показателей, для малого предприятия наиболее рациональным представляется разделение всех угроз на риски внешней и внутренней среды [5]. Такой подход позволяет сконцентрировать усилия на том, что поддается управлению. Ю.С. Коноплина считает, что риски внутренней среды (управленческие ошибки, кадровые проблемы, производственные сбои) являются более доступными для прогнозирования. Предприятие может напрямую влиять как на вероятность их реализации, так и на масштаб последствий [5]. В то время как внешние риски (изменение законодательства, действия конкурентов, форс-мажоры) преимущественно отслеживаются методами мониторинга, и главная задача здесь — своевременная адаптация. Однако, как показывает практика, многие владельцы малого бизнеса допускают стратегическую ошибку, пытаясь управлять именно внешней средой, игнорируя очевидные внутренние проблемы.

Е.В. Кисель, А.В. Дмитриев делят угрозы малого бизнеса на категории, представленные на рисунке 1.

Рис. 1. Специфические угрозы экономической безопасности малых предприятий
 Источник: составлено автором по данным [3]

Еще одной важной особенностью является критерий ранжирования рисков. В условиях ограниченных финансовых ресурсов предприятие не может позволить себе страховать от всех возможных угроз или создавать избыточные резервы. В этой связи приоритетным параметром становится не столько вероятность наступления риска, сколько величина возможных последствий [4, 5]. Риск, который может привести к банкротству или длительной остановке деятельности (даже с низкой вероятностью), требует первоочередного внимания. Риски с высокими последствиями должны быть минимизированы или переданы (например, через страхование), в то время как риски с низкими последствиями могут быть приняты [10].

Финансовый аспект управления рисками для малого бизнеса критичен. Д.С. Кондухов в своем исследовании подчеркивает, что оценка должна строиться от наиболее уязвимого элемента — динамической ликвидности [4]. Кассовые разрывы являются основной причиной гибели малых предприятий. Поэтому система риск-менеджмента должна быть неразрывно связана с финансовым планированием, включая стресс-тестирование денежных потоков и создание ликвидного буфера.

Однако главная проблема заключается в отсутствии системного подхода. Как отмечают О.В. Григоренко и соавторы, управление рисками зачастую не встроено в бизнес-процессы малого предприятия, а реализуется спонтанно, в момент наступления кризиса [1]. Это приводит к тому, что любые значительные экономические потрясения становятся условием делового краха. Необходимо преодолеть разрыв между теоретическим пониманием важности риск-менеджмента и его практической реализацией.

Основываясь на анализе перечисленных проблем и обобщении практических рекомендаций, содержащихся в работах [2, 6, 7-10], автором данной статьи предлагается разработка, представляющая собой адаптированный алгоритм управления рисками для предприятий малого бизнеса. Данный алгоритм, названный «Адаптивный цикл риск-менеджмента малого предприятия» (АЦРМ-МП), ориентирован на минимизацию затрат и интеграцию в текущую деятельность.

Алгоритм состоит из пяти последовательных, циклически повторяющихся этапов.

Первый этап: идентификация и первичный реестр. В отличие от крупных компаний, малый бизнес не может позволить себе масштабный аудит. На этом этапе предлагается использовать метод «кабинетного аудита» и «мозгового штурма» с основными сотрудниками. Собственник совместно с заместителями и ведущими специалистами составляет список всех событий за последний год, которые привели к убыткам или сбоям в работе.

Сюда включаются задержки поставок, поломки оборудования, ошибки персонала, претензии клиентов [10]. Дополнительно анализируются угрозы, характерные для данной отрасли, выявленные конкурентами. Результатом становится простой реестр рисков в электронной таблице.

Второй этап: качественная оценка и ранжирование по ущербу. На этом этапе каждый риск из реестра оценивается по двухфакторной модели, но с приоритетом ущерба. Для этого вводится упрощенная шкала последствий: «критические» (остановка бизнеса, потеря более 50 % оборотных средств), «значительные» (серьезный сбой, потеря 10–20 % прибыли), «допустимые» (незначительные потери, решаемые в рабочем порядке). Вероятность оценивается качественно как «высокая», «средняя» или «низкая». В матрице рисков особое внимание уделяется ячейкам «критические последствия / любая вероятность» и «значительные последствия / высокая вероятность». Именно эти риски становятся объектами для активного управления на следующем этапе [4].

Третий этап: выбор стратегии реагирования. Для отобранных критических и значительных рисков разрабатываются меры. Предлагается использовать три базовые стратегии, доступные малому бизнесу. Стратегия минимизации (снижения) применяется к внутренним управляемым рискам: например, для снижения риска поломки оборудования вводится график регулярного ТО, для снижения кадровых рисков — перекрестное обучение сотрудников. Стратегия передачи реализуется через доступные страховые продукты: страхование имущества, ответственности, а в некоторых случаях — финансовых рисков (например, страхование дебиторской задолженности) [10]. Стратегия принятия предполагает сознательное решение не тратить ресурсы на защиту от риска, но с обязательным учетом его последствий в финансовом планировании. Для рисков с низкими последствиями это наиболее экономичный вариант.

Четвертый этап: создание финансового буфера и интеграция. Данный этап является ключевым. Предлагается не просто создать резервный фонд, а привязать его размер к результатам ранжирования рисков. Суммарный потенциальный ущерб от трех-пяти наиболее критических рисков (в денежном выражении) должен стать ориентиром для минимального размера резервного фонда (подушки безопасности), который должен храниться на отдельном счете и покрывать минимум 3–6 месяцев операционных расходов. Это позволяет перейти от абстрактного «риска» к конкретной цифре, понятной собственнику. На этом же этапе результаты анализа рисков интегрируются в текущие договоры с контрагентами (включение штрафных санкций, пунктов о форс-мажоре) и в кадровую политику.

Пятый этап: мониторинг и пересмотр. Карта рисков — это живой документ. Раз в квартал или полугодие на оперативном совещании реестр актуализируется: исключаются устаревшие риски, добавляются новые (например, появление нового конкурента, изменение законодательства). Ответственность за актуализацию несет собственник бизнеса или назначенный им заместитель.

Предложенный алгоритм АЦРМ-МП решает основную проблему малого бизнеса — отсутствие системности. Он не требует создания громоздкой документации, базируется на доступных инструментах (таблицы, регулярные совещания) и жестко увязывает управление рисками с финансовой устойчивостью через механизм целевого резервирования средств.

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что эффективное управление предпринимательскими рисками в малом бизнесе не только возможно, но и жизненно необходимо. В условиях жестких ресурсных ограничений малые предприятия не могут позволить

себе игнорировать системный подход в пользу спонтанных реакций на уже случившиеся кризисы. Главными особенностями управления рисками в данном сегменте являются: приоритизация рисков по величине последствий, а не по вероятности; концентрация усилий на управлении внутренними, контролируруемыми факторами; использование малобюджетных методов идентификации и оценки. Важнейшим выводом является необходимость интеграции риск-менеджмента в общую систему управления предприятием. Предложенный авторский алгоритм «Адаптивный цикл риск-менеджмента малого предприятия» позволяет на практике реализовать эту интеграцию. Его внедрение дает собственнику возможность не только минимизировать потери от неблагоприятных событий, но и повысить инвестиционную привлекательность бизнеса, укрепить доверие контрагентов и обеспечить устойчивое развитие в долгосрочной перспективе. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой отраслевых методик оценки рисков и созданием цифровых инструментов (простых мобильных приложений) для автоматизированного ведения реестра рисков и расчета необходимого размера резервного фонда для микропредприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григоренко, О.В. Экономические риски и проблемы устойчивого развития компаний малого и среднего бизнеса / О.В. Григоренко, Т.Ю. Гавриленко, Е.К. Каченко // *Управленческий учет*. — 2021. — № 11-3. — С. 659–667. — DOI: 10.25806/uu11-32021659-667.
2. Ермолина, Л.В. Использование новых технологий в управлении экономическими рисками / Л.В. Ермолина, А.С. Челноков // *Экономика и предпринимательство*. — 2025. — № 2 (175). — С. 705–708. — DOI 10.34925/EIP.2025.175.2.127.
3. Кисель, Е.В. Финансовые, операционные и рыночные угрозы экономической безопасности малых предприятий [Электронный ресурс] / Е.В. Кисель, А.В. Дмитриев // *Бизнес и общество*. — 2025. — № 2 (46). — URL: https://business-society.ru/2025/2-46/48_kisel.pdf.
4. Кондухов, Д.С. Методы оценки финансовых рисков малых предприятий в сфере торговли / Д.С. Кондухов // *Journal of Monetary Economics and Management*. — 2026. — №1. — С. 66–71.
5. Конопина, Ю.С. Особенности управления рисками на малом предприятии / Ю.С. Конопина // *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. — 2025. — № 2 (53). — С. 106–114. — DOI: 10.21777/2587-554X-2025-2-106-114.
6. Минаков, А.В. Управление финансовыми рисками на предприятиях малого бизнеса / А.В. Минаков // *Russian Journal of Management*. — 2022. — Т. 10, № 2. — С. 31–35. — DOI 10.29039/2409-6024-2022-10-2-31-35.
7. Наумова, Е.А. Особенности формирования системы управления рисками для субъектов малого предпринимательства / Е.А. Наумова, А.М. Тюрин // *Ученые записки Российской академии предпринимательства*. — 2025. — Т. 24, № 3. — С. 101–107. — DOI: 10.24182/2073-6258-2025-24-3-101-107.
8. Покоёвец, Д. Как спасти бизнес от убытков: 7 практических шагов / Д. Покоёвец // *РБК Компании*. — 2026. — URL: <https://companies.rbc.ru/amp/news/533becce-bda4-40ef-b962-e517963f9591/> (дата обращения: 12.03.2026).
9. Рекуц, К.А. Управление рисками в малом бизнесе: методы и практические рекомендации / К.А. Рекуц; науч. рук. Н.В. Дашкевич // *Экономика и маркетинг в промышленности: материалы научно-технической конференции «Экономика и маркетинг в промышленности», 14–25 апреля 2025 года*. — Минск: БНТУ, 2025. — С. 49–52.
10. Риск-менеджмент в МСБ: как управлять бизнес-рисками на практике [Электронный ресурс] // *РБК*. — 2026. — URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/697b1fdc9a79476daeecasa> (дата обращения: 12.03.2026).
11. 79 % представителей МСП опасаются непредвиденных обстоятельств — исследование «Ингосстраха» [Электронный ресурс] // *Ингосстрах*. — 2025. — URL: <https://www.ingos.ru/company/news/2025/e038626c-1364-4dda-81ec-69f6dbd57223> (дата обращения: 12.03.2026).

© Валяк Станислав Викторович (valyakstas.06@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ТУРИЗМ В БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

INDUSTRIAL TOURISM IN THE BRYANSK REGION: RESOURCE POTENTIAL, PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

*M. Dolganova
V. Demikhov
D. Chuchin*

Summary. This article examines the resource potential of industrial tourism in the Bryansk region as a tool for diversifying the regional economy and developing a new tourism product. The study identified industrial enterprises in the region that are or could be targets for industrial tourism. Based on ratings and a typology of municipalities, the territorial structure of the resource potential of industrial tourism in the region was determined. Content analyses of industrial enterprise and tourism company websites, a SWOT analysis, and a student survey helped identify the challenges and prospects for the development of this tourism sector. Conclusions regarding the structure of the regional industrial tourism market are also provided. The findings can be used in developing a strategy and roadmap for the development of industrial tourism in the Bryansk region.

Keywords: industry, tourism, industrial tourism, resource potential, industrial enterprises, industrial geography, Bryansk region.

Долганова Марина Владимировна

кандидат биологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
dolganova0801@yandex.ru

Демихов Владимир Тихонович

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
fir-sasha@yandex.ru

Чучин Дмитрий Иванович

кандидат географических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
chuchin.dmitrii@list.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию ресурсного потенциала промышленного туризма в Брянской области как инструмента диверсификации региональной экономики и формирования нового туристского продукта. В ходе исследования были выявлены промышленные предприятия области, которые являются или могут являться объектами промышленного туризма. На основе рейтинговой оценки и типологии муниципальных образований были определены особенности территориальной структуры ресурсного потенциала промышленного туризма в регионе. Проведенные контент-анализы сайтов промышленных предприятий и туристских фирм, SWOT-анализ, анкетирование студенческой молодежи — позволили определить проблемы и перспективы развития исследуемого направления туризма. Сформулированы выводы относительно структуры рынка промышленного туризма области. Полученные результаты могут быть использованы при разработке стратегии и дорожной карты развития промышленного туризма в Брянской области.

Ключевые слова: промышленность, туризм, промышленный туризм, ресурсный потенциал, промышленные предприятия, география промышленности, Брянская область.

Введение

В XXI веке туризм является катализатором региональной экономики, который позволяет не только задействовать весь комплекс туристско-рекреационных ресурсов, но и максимально эффективно использовать производственный и социально-культурный потенциал территории [7, 10].

Брянская область характеризуется значительным совокупным туристско-рекреационным потенциалом,

включающим комплекс природных, историко-культурных и социально-экономических ресурсов, обеспечивающих условия для эффективного развития как внутреннего, так и въездного туризма. Однако, несмотря на наличие существенного ресурсного базиса, регион классифицируется как территория с низким уровнем развития региональной туристской отрасли, что обусловлено комплексом сдерживающих факторов, включающих недостаточную инфраструктурную обеспеченность, низкий уровень маркетингового продвижения туристского продукта и ряд других ограничивающих об-

стоятельств. Данное противоречие между имеющимся потенциалом и текущим состоянием туристской отрасли требует разработки и реализации комплексных мер по оптимизации механизмов управления туристско-рекреационной деятельностью в регионе [5].

В последнее время четко прослеживается тенденция к росту интереса к качественно новым направлениям в туризме. В связи с чем, на арену туристского рынка вполне может выйти и успешно конкурировать, являющийся видом активного туризма — промышленный туризм, связанный с организацией регулярных туров в промышленно развитые регионы на действующие промышленные предприятия с целью удовлетворения познавательных, профессиональных, деловых, научных, образовательных и иных интересов, без осуществления оплачиваемой деятельности в месте временного пребывания [1, 10].

Актуальность исследования

Промышленный туризм в России демонстрирует крайне незначительные показатели рыночной доли, составляя приблизительно 1 % от общего объема туристского рынка [4].

В контексте регионального развития данная ниша туристической отрасли также практически незанята, что свидетельствует о существенном потенциале для расширения данного сегмента. Особую актуальность приобретает необходимость проведения прикладных исследований в области разработки маркетинговой стратегии развития промышленного туризма с учётом особых характеристик туристско-рекреационного потенциала региона. При этом следует отметить недостаточный уровень проработки методологических аспектов формирования и реализации индустриального туристского продукта на территории Брянской области, что требует комплексного научного осмысления и разработки соответствующих рекомендаций.

Цель исследования — комплексный анализ ресурсного потенциала промышленного туризма Брянской области, выявление системных проблем, сдерживающих его развитие, и обоснование перспективных направлений и механизмов формирования конкурентоспособного туристского продукта в данном сегменте.

В исследовании были использованы следующие *методы*: сравнительно-географический, статистический, метод социологических обследований, обработка, анализ, обобщение полученных данных. Были проведены контент-анализы сайтов промышленных и туристских предприятий региона. Для определения сильных и слабых сторон в развитии данного туристского направления в регионе, использовался аналитико-экспертный метод — SWOT-анализ.

Информационная база исследования включала материалы, в т.ч. статистические, предоставляемые Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Брянской области, Департаментом промышленности, транспорта и связи Брянской области, Департаментом культуры Брянской области. Использовались фондовые материалы библиотеки ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского», Брянской областной научной универсальной библиотеки им. Ф.И. Тютчева и официальных интернет-сайтов промышленных предприятий и туристских организаций Брянской области.

Результаты исследования

В настоящее время регион позиционируется как индустриально-аграрный субъект Российской Федерации, демонстрирующий следующие социально-экономические показатели: доля промышленного производства составляет 0,6 % от общероссийского объема, сельскохозяйственный сектор формирует 1,7 % совокупного производства страны, инвестиционная активность характеризуется показателем 0,3 % от общероссийских показателей [13]. Промышленность выступает системообразующей элементом экономической системы Брянской области, занимая доминирующую позицию в структуре материального производства региона (22 % ВРП в 2024 году) [2].

Область, входящая в число старейших индустриальных территорий России, демонстрирует высокие темпы развития промышленного комплекса среди субъектов ЦФО. Анализ производственной деятельности промышленных предприятий за 2024 год демонстрирует следующие статистические показатели: объем отгруженной продукции собственного производства составил 544895,9 млн рублей, индекс промышленного производства достиг значения 105,2 %. Доминирующую позицию в структуре промышленного производства занимают обрабатывающие производства, на долю которых приходится 93,4 % от общего объема отгруженной продукции, с индексом промышленного производства 105,4 %.

По итогам 2024 года предприятия области обеспечили следующие доли в структуре отечественного производства: 100 % магистральных грузовых тепловозов, 87 % маневровых тепловозов (АО «УК «Брянский машиностроительный завод»), 100 % специальных колёсных шасси и тягачей тяжёлого класса (АО «Брянский автомобильный завод»), 100 % асфальтоукладчиков (ООО «Группа компаний машиностроения и приборостроения»), 60 % автогрейдеров (ЗАО «Брянский Арсенал»), 50 % снегоболотоходов, 60 % велосипедов и 25 % снегоходов (ООО «Жуковский веломотозавод»), 26 % автомобильных кранов (АО «Клинцовский автокрановый завод»), 30 % кормоуборочных и 16 % зерноуборочных

комбайнов (АО «Брянксельмаш»), 90 % карбида вольфрама, 75 % штабика молибденового и вольфрамового, 50 % ферровольфрама (ООО «Унечский завод тугоплавких металлов»), 14 % стального вагонного литья (АО «ПО Бежицкая сталь»), лидерство в производстве микроэлектроники (АО «Группа Кремний ЭЛ»), 28 % электрических прямоугольных соединителей (АО «Карачевский завод «Электродеталь»), 80 % металена (АО «Метаклэй»), 100 % аморфного диоксида кремния (ООО «Экокремний»), что свидетельствует о существенном вкладе промышленного комплекса Брянской области в формирование отраслевой структуры национальной экономики и значительном вкладе региона в формирование общероссийского промышленного товарного рынка [11].

Ведущая роль, как было отмечено, принадлежит обрабатывающим производствам (1285 предприятий) [2]. Распределение предприятий по отраслям промышленности отражено на рисунке 1.

Структурный анализ формирования промышленного производства показывает, что 87,0 % объёма отгруженной продукции формируется предприятиями следующих направлений: пищевая промышленность — 38,4 %, производство: транспортных средств и оборудования — 17,6 %, машин и оборудования (не включённых в другие группировки) — 5,6 %, металлических изделий (за исключением машин и оборудования) — 5,2 %, неметаллической минеральной продукции — 4,5 %, автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов — 4,0 %, бумажной продукции — 3,3 %, химическое производство — 3,3 %, металлургическое производство — 2,8 % [2].

Представленные данные свидетельствуют о диверсифицированной структуре обрабатывающей промышлен-

ности региона с явным преобладанием пищевой промышленности и производства транспортных средств, что определяет специализацию промышленного комплекса области.

Проанализированные статистические данные за последние пять лет свидетельствуют о положительной динамике развития промышленного сектора региона и его растущем вкладе в промышленный потенциал страны. Наблюдается тенденция к расширению производственных мощностей и диверсификации выпускаемой продукции.

Одной из проблем является существенный дисбаланс в промышленном развитии территорий. Основной формой сосредоточения промышленного производства являются промышленные узлы и центры. В них сконцентрировано более 80 % стоимости основных промышленно-производственных фондов и 75 % численности промышленного персонала региона. Самым значительным территориально-промышленным элементом территориальной организации производства является Брянский промышленный узел, вокруг которого сформировался одноименный промышленный район. По стоимости основных фондов он принадлежит к крупным. К прочим (малым) узлам области относится Клиновский промузел. Существенное место среди территориальных элементов промышленности области занимают промышленные центры, не входящие в состав узлов и функционирующие самостоятельно (Дятьково, Новозыбков, Жуковка, Трубчевск, Унеча, Почеп, Карачев, Стародуб, Сураж).

На основе проведенного пространственного-статистического анализа ряда показателей (общее количе-

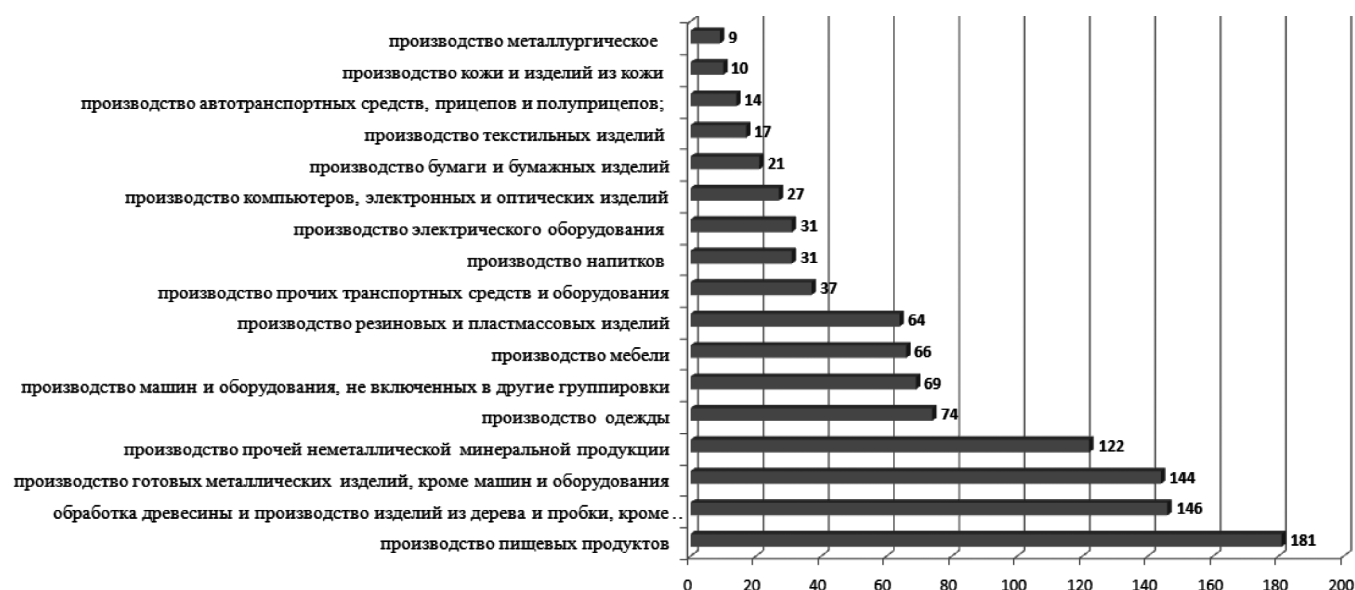

Рис. 1. Распределение предприятий обрабатывающей промышленности по видам экономической деятельности, единиц [2]

ство промышленных предприятий, объем отгруженных товаров собственного производства, транспортная обеспеченность (плотность автодорог), была осуществлена типология муниципальных районов Брянской области, позволяющая пространственно дифференцировать туристские возможности региона и выявить наиболее перспективные территории для развития промышленного туризма [3, 9]. В группу с высоким промышленным потенциалом вошли: 3 города областного значения — Брянск, Клинцы, Новозыбков и 4 района — Брянский, Карачевский, Дятьковский и Трубчевский. В районах и центрах здесь функционируют такие лидеры промышленности, как: АО УК «БМЗ», ОАО ПО «Бежицкая сталь», ЗАО СП «Брянсксельмаш», ЗАО «Брянский арсенал», ЗАО ПО «Дизельный завод», ЗАО «Группа Кремний Эл», ОАО «Карачевский завод «Электродеталь», ООО «Дятьковский хрустальный завод плюс», ЗАО «МЕТАКЛЭЙ», ОАО «Монолит», ОАО «Новозыбковский машиностроительный завод», АО «Клинцовский автокрановый завод», ОАО «Клинцовский завод поршневых колец», ООО «Брянский камвольный комбинат», ОАО «Силуэт», ЗАО «Мальцовский портландцемент». Кроме того, они имеют более развитую транспортную и иную туристскую инфраструктуру. Районы, входящие в состав второй группы — средний потенциал — Навлинский, Жуковский, Унечский, Суражский, Выгоничский, Почепский, Стародубский и Севский — имеют резервы быстрого наращивания конкурентных преимуществ для ведения активной промышленной деятельности, однако существует ряд проблем, требующих скорейшего решения. Низкий потенциал имеют 15 районов (из 27): Дубровский, Злынковский, Погарский, Красногорский, Гордеевский, Брасовский, Жирятинский, Суземский, Клетнянский, Климовский, Комаричский, Мглинский, Рогнединский, Клинцовский и Новозыбковский.

Для анализа и оценки ресурсного потенциала промышленного туризма также был проведен контент-анализ сайтов 50 предприятий области для того, чтобы идентифицировать промышленные предприятия, которые вовлечены или могут быть вовлечены в туристскую деятельность, разрабатывают или могут разработать продукты, которые могут быть интересны туристам. Сайты самих промышленных предприятий являются источником первичной информации о туристическом предложении. В первую очередь исследовалось такое понятие, как «адресность». В данной категории оценивалась информативность контактной информации, по которой потенциальный потребитель сможет понять, как ему попасть на экскурсию [11].

К наиболее информативно обеспеченным предприятиям можно отнести ЗАО УК «Брянский машиностроительный завод», ООО «Брянский автомобильный завод», ЗАО «Брянский арсенал», ОАО «Брянсконфи», ОАО «Брянскспиртпром». По открытости, т.е. возможности по-

сещения предприятия области можно разделить на три группы: открытые для всех желающих: «ЗАО УК «БМЗ», ООО «Торговый Дом «Русская Броня», ОАО «Брянсконфи», ОАО «БрянскСпиртПром», ООО «Дятьковский Хрустальный завод плюс», ООО ССПХ «Женьшень», ООО «Интерьер-промысел», СПК «Агрофирма Культура»; по предварительному согласованию с руководством: ООО «БАЗ», ЗАО «Брянский Арсенал», ЗАО «Термотрон-завод», ЗАО «Группа Кремний Эл», ООО «ПО Бежицкая сталь», ОАО «Брянский камвольный комбинат», ОАО «Брянскпиво», ОАО «ПищекOMBинат Бежицкий», ОАО «Жуковский мотовелозавод», ООО «Экокремний», ОАО «Консервсушпрод», АО «Пролетарий»; закрытые: НПФ «Электроаппарат», ОАО «Монолит», ООО «Завод Нерусса», ОАО «Ивотстекло», ЗАО «Жуковский завод технологического оборудования», ООО «Завод «Клинцы-Полимер», ОАО «Навлинский автоагрегатный завод», ОАО «Индуктор» [11].

ООО «Дятьковский Хрустальный завод плюс», «Брянский машиностроительный завод», «Брянский Арсенал», ЗАО «Группа Кремний Эл», ООО «Интерьер-промысел» имеют на своей территории музеи. Крупные заводы, такие как «Брянский Машиностроительный Завод», «Брянская бумажная фабрика» идут в ногу со временем — их сайты обеспечены виртуальными турами по музеям. На сайтах таких предприятий, как «Бежицкий пищевкомбинат», ТНВ «Сыр Стародубский», «Погарская картофельная фабрика», ООО «Экокремний» и МК «Катюша» размещены видеоэкскурсии по производственным цехам. «Обувное предприятие «Стелла плюс», АООТ «Суражанка», «Брянскпиво», «Брянский мясокомбинат» и ООО «Почепская швейная фабрика «Надежда-Стиль» имеют магазины со своей продукцией в ряде муниципальных образований области.

Контент-анализ сайтов туристских фирм также позволил идентифицировать промышленные предприятия, которые уже вовлечены в туристическую деятельность и разрабатывают продукты, которые могут быть интересны для посещения туристами и экскурсантами. В г. Брянске 139 туристских компаний, из них только восемь предлагают экскурсии на 20 предприятий области [12].

В целом можно сделать вывод о невысокой вовлеченности, в первую очередь, крупных и средних предприятий, обладающих значительным технологическим и инновационным потенциалом, в туристско-экскурсионную деятельность, что можно объяснить спецификой производственной деятельности, способствующей ограниченному доступу для внешних посетителей, строгими регламентами по технике безопасности, отсутствие практики открытости производств для экскурсионного обслуживания.

Для выявления интереса к исследуемому направлению туризма было проведено анкетирование студентов ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» в количестве 300 человек, показавшее, что основным фактором при выборе места отдыха является цена услуг — 39,7 %, наличие достопримечательностей значимо для 25,5 %, качество услуг важно для 22,3 % респондентов. Наиболее привлекательными видами организации досуга являются культурно-массовые мероприятия и экскурсии, что составило 33,4 % и 26,4 % соответственно. Интерес к обзорным экскурсиям имеют 76,6 % опрошенных. Для 36,8 % промышленные объекты представляют интерес, а для 41,9 % имеет значение вид промышленного производства. Наиболее привлекательными являются предприятия пищевой (35,5 %) и легкой промышленности (19,7 %), машиностроительные предприятия интересны 17 % опрошенных. При посещении промышленных объектов проведение дегустаций вызывает наибольший интерес у 45 % респондентов, на втором месте — возможность приобрести продукцию со скидкой (27,7 %), история завода интересна только 15,3 %. 76,3 % респондентов считают развитие данного вида туризма перспективным и только 23,7 % считают его неперспективным и экономически неоправданным направлением.

В целом, анкетирование показало, что промышленные объекты представляют интерес для студенческой молодежи, и данное направление вполне может развиваться и найти своего потребителя на туристском рынке региона.

Проведенный системный анализ, позволил выделить факторы, лимитирующие развития промышленного туризма в Брянской области: дефицит мотивационного компонента в деятельности промышленных предприятий, выражающийся в недостаточной заинтересованности производственных субъектов в реализации имеющегося туристско-экскурсионного потенциала; коммуникационная недостаточность промышленных предприятий, проявляющаяся в слабом взаимодействии с целевыми аудиториями, включая потенциальных потребителей, местное население и кадровый потенциал; спорадический характер организации промышленных экскурсий, осуществляемых исключительно по индивидуальным запросам, что не способствует системному развитию данного направления; отсутствие структурированной маршрутной сети, способной эффективно демонстрировать промышленный потенциал региона и обеспечивать комплексное представление о производственных достижениях территории; дефицит сувенирной продукции регионального уровня, не отражающей специфику промышленного развития территории, особенности производственной деятельности и номенклатуру выпускаемой продукции, что снижает потенциал брендинга промышленного туризма.

Представленные факторы формируют комплексную проблематику, требующую системного подхода к их устранению в рамках развития промышленного туризма региона. Необходимо: 1) институциональное обеспечение посредством создания проектного офиса по промышленному туризму, обеспечивающего координацию и управление процессами развития данного направления и формирование единого информационно-аналитического центра, выполняющего такие функции как каталогизация объектов промышленного туризма через ведение реестра предприятий, готовых к приему экскурсантов, информационное сопровождение участников туристского рынка, мониторинг деятельности субъектов промышленного туризма региона; 2) интеграция промышленных предприятий в туристские маршруты регионального и межрегионального уровня; 3) создание современной технической базы экскурсионного обслуживания с применением технологий 3D-моделирования и дополненной реальности, разработку цифровых аудиогидов промышленной направленности; 4) создание системы сувенирной продукции, отражающей промышленный потенциал территории, разработку брендированных туристских продуктов промышленного профиля; 5) кадровое обеспечение через организацию образовательных программ для представителей промышленных предприятий, методическое сопровождение разработки экскурсионных программ и консалтинговую поддержку в создании информационно-методической базы. Важен Event-менеджмент, направленный на организацию событийных мероприятий промышленной направленности, проведение научно-практических конференций и развитие культурно-просветительских проектов с участием промышленных предприятий [5, 7, 8].

Реализация предложенного комплекса мер позволит сформировать эффективную модель развития промышленного туризма в регионе, способствующую не только диверсификации туристского продукта и повышению конкурентоспособности области на туристском рынке, но и обеспечит его эффективное функционирование и продвижение на региональном и межрегиональном уровнях.

Залогом успешного развития промышленного туризма в регионе является эффективное взаимодействие между основными стейкхолдерами развития промышленного туризма: региональными органами исполнительной власти, предприятиями различных отраслей и туроператорами. Координация интересов вышеуказанных участников предполагает: разработку механизмов взаимовыгодного сотрудничества, формирование единой стратегии развития промышленного туризма, создание эффективных каналов коммуникации между участниками процесса и согласование интересов всех сторон в рамках реализации туристских проектов.

Заключение

Формирование конкурентоспособной туристской индустрии представляет собой стратегически значимое направление модернизации региональной экономической системы. Концептуальные основы устойчивого развития туристского сектора в промышленном регионе базируются на разработке и имплементации комплексной маркетинговой стратегии, идентификации конкурентных преимуществ территории, систематическом наращивании потенциала региона и эффективном управлении туристскими ресурсами.

Проведенный анализ ресурсного потенциала показал, что Брянская область обладает достаточно высоким промышленным потенциалом, многоотраслевой структурой промышленности, наличием высокотехнологичных производств и историко-промышленным наследием

территории. В связи с чем промышленный туризм обладает существенным потенциалом для диверсификации туристского продукта региона и расширения спектра туристских услуг, повышения туристской привлекательности территории и укрепления его конкурентных позиций на туристском рынке.

Результаты проведенного исследования обладают значительным прикладным потенциалом и могут быть интегрированы в процесс разработки Стратегии развития промышленного туризма Брянской области. Ключевая цель которой заключается в идентификации факторов эффективности промышленного туризма, формировании механизмов повышения социально-экономического потенциала региона и оптимизации использования туристско-рекреационных ресурсов территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонец В.Г. Маркетинговая стратегия развития промышленного туризма: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. — Донецк, 2017. — 231 с.
2. Брянская область в цифрах. 2025: Краткий статистический сборник / Брянскстат. — Брянск, 2025. — 180 с.
3. Гончарова В.В., Журавлева М.А. Анализ объектов промышленного туризма Брянска и Брянской области // Проблемы и перспективы современного туризма: Сборник тезисов по материалам XVI Международной научно-практической студенческой конференции. — Тула: Тульский государственный университет, 2024. — С. 36–37.
4. Даракчян Г.О. Рынок промышленного туризма в РФ // Транспорт. Экономика. Социальная сфера (Актуальные проблемы и их решения): Сборник статей XII Международной научно-практической конференции. — Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2025. — С. 343–347.
5. Долганова М.В. Ресурсный потенциал Брянской области для развития промышленного туризма // Тенденции и проблемы развития индустрии туризма и гостеприимства: Материалы 9-й межрегиональной научно-практической конференции. — Рязань: РГУ имени С.А. Есенина, 2024. — С. 54–57.
6. Инвестиционный паспорт Брянской области [Электронный ресурс] / Официальный сайт Департамента экономического развития Брянской области. — URL: https://www.bryanskobl.ru/docs/investment-passport/20141212_ipo_rus.pdf (дата обращения: 26.01.2026).
7. Константинова А.С., Панченко О.Л. Промышленный туризм: особенности и перспективы развития в России // Казанский вестник молодых учёных. — 2022. — Т. 6, № 3. — С. 82–91.
8. Костиков А.К., Лихачев Е.Н. Комплексная модель объектов промышленного туризма // Творчество и современность. — 2020. — № 1(12). — С. 27–34.
9. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований Брянской области [Электронный ресурс] — Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Брянской области. — URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst15/#1> (дата обращения: 22.01.2026).
10. Промышленный туризм / Г.А. Карпова, А.В. Александров, М.В. Волошинова [и др.]. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2025. — 159 с.
11. Промышленный туризм Брянской области [Электронный ресурс] / Официальный сайт Департамента промышленности, транспорта и связи Брянской области. — URL: <http://bryanskprom.ru/?cat=38> (дата обращения: 20.01.2026).
12. Промышленный туризм [Электронный ресурс] / Официальный сайт туристического портала Брянской области. — URL: <https://turizm-bryansk.ru/vidy-turizma-bryanskoj-oblasti/2683/> (дата обращения: 19.01.2026).
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: Статистический сборник / Росстат. — Танкиева Т.А., Смолина Д.С. Научно-популярный и промышленный туризм как инструменты технологического развития в РФ // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. — 2024. — № 4(80). [Электронный ресурс] — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80314068> (дата обращения: 12.01.2026).

© Долганова Марина Владимировна (dolganova0801@yandex.ru); Демихов Владимир Тихонович (fir-sasha@yandex.ru);
Чучин Дмитрий Иванович (chuchin.dmitrii@list.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА КАК ИНСТРУМЕНТА СТАБИЛИЗАЦИИ ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ТОРГОВЫХ СЕТЕЙ

ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF PARALLEL IMPORTS AS A TOOL FOR STABILIZING THE FINANCIAL RESULTS OF RETAIL CHAINS

A. Zakharova

Summary. The relevance of this study stems from the fundamental transformation of logistics and distribution chains in the Russian economy after 2022, when the legalization of parallel imports became a necessary measure to saturate the consumer market. The aim of this study is to qualitatively assess the impact of parallel imports on key financial indicators of retail chains operating under sanctions. This article examines the evolution of the regulatory framework for parallel imports in the Russian Federation, analyzing changes in the cost structure of goods, turnover dynamics, and gross margin levels using the example of chains selling household appliances, electronics, and mass-market goods. The scientific novelty of this study lies in its assessment of the effectiveness of parallel imports, taking into account not only the commercial but also the financial aspects of retail enterprises' activities. It is concluded that parallel imports are solely an anti-crisis tool for short-term stabilization, but cannot be considered a strategic basis for long-term efficiency gains and require complementary measures to develop private labels and diversify imports from friendly countries.

Keywords: parallel imports, retail chains, financial results, profitability, logistics costs, sanctions, product range, inventory turnover, gross margin, import substitution.

Захарова Анна Алексеевна

*Консультант отдела внутреннего аудита,
Федеральное агентство
воздушного транспорта, г. Москва
angelok91@inbox.ru*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена кардинальной трансформацией логистических и товаропроводящих цепочек в российской экономике после 2022 года, когда легализация параллельного импорта стала вынужденной мерой для насыщения потребительского рынка. Целью данной работы является качественная оценка влияния параллельного импорта на ключевые финансовые показатели деятельности розничных торговых сетей, функционирующих в условиях санкционных ограничений. В статье рассмотрена эволюция нормативно-правовой базы параллельного импорта в РФ, проанализированы изменения в структуре себестоимости товаров, динамика товарооборота и уровень валовой маржи на примере сетей, реализующих бытовую технику, электронику и товары масс-маркета. Научная новизна работы заключается в оценке эффективности параллельного импорта, учитывающей не только коммерческую, но и финансовую составляющую деятельности торговых предприятий. Сделан вывод о том, что параллельный импорт является исключительно антикризисным инструментом краткосрочной стабилизации, но не может рассматриваться как стратегическая основа для долгосрочного роста эффективности и требует дополнения мерами по развитию собственных торговых марок и диверсификации импорта из дружественных стран.

Ключевые слова: параллельный импорт, торговые сети, финансовые результаты, рентабельность, логистические издержки, санкции, товарный ассортимент, оборачиваемость запасов, валовая маржа, импортозамещение.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальными изменениями условий функционирования российского потребительского рынка, вызванными беспрецедентным санкционным давлением, введённым в 2022 году. Уход с рынка значительного числа зарубежных производителей и поставщиков, а также разрыв устоявшихся логистических цепочек поставили под угрозу не только ассортиментную наполненность розничных торговых сетей, но и их финансовую устойчивость в целом [1]. В ответ на данные вызовы государством была легализована процедура параллельного импорта, призванная насытить внутренний рынок товарами критического импорта в обход разрешений правообладателей. За период 2022–2024 годов параллельный

импорт превратился из временной антикризисной меры в системный фактор, определяющий структуру товарооборота, ценовую политику и конечные финансовые результаты деятельности торговых предприятий [2].

Теоретические основы анализа товарных рынков в условиях неопределённости заложены в трудах классиков экономической теории, в то время как современные аспекты адаптации ритейла к санкциям рассматриваются в работах [3], акцентирующих внимание на трансформации товаропроводящих цепочек. Вопросы потребительского поведения и эластичности спроса на товары, введённые по параллельному импорту, находят отражение в аналитических отчётах маркетинговых агентств [4; 5].

Целью данной работы является качественная оценка влияния параллельного импорта на ключевые финан-

совые показатели деятельности розничных торговых сетей, функционирующих в условиях санкционных ограничений.

Теоретические аспекты и нормативно-правовая база параллельного импорта

Эволюция понятия «параллельный импорт» в российском законодательстве прошла несколько этапов, кардинально изменивших отношение государства к данному явлению. До 2022 года российское право исходило из принципа исчерпания исключительного права на товарный знак по национальному принципу, что означало запрет на ввоз товаров без согласия правообладателя, а параллельный импорт квалифицировался как нарушение интеллектуальных прав и преследовался в административном и гражданско-правовом порядке [6]. Переломным моментом стало принятие Постановления Правительства РФ № 506, которое фактически легализовало параллельный импорт для утверждённого перечня товаров [7]. Впоследствии перечень неоднократно корректировался приказами Минпромторга, расширяясь и сужаясь в зависимости от реакции рынка и появления отечественных аналогов [8]. Важно отметить, что законодатель не ввёл полную свободу параллельного импорта, а создал механизм точечного разрешения на ввоз конкретных категорий товаров, что позволяет рассматривать данную меру как инструмент государственного регулирования рынка, а не как либерализацию внешней торговли в чистом виде [3].

Механизмы работы параллельного импорта в современных условиях характеризуются высокой сложностью и многовариантностью логистических схем. Основными странами-донорами, через которые осуществляется ввоз товаров в Россию, выступают Казахстан, Киргизия, Турция, Объединённые Арабские Эмираты и Китай, причём роль последнего существенно возросла в связи с переориентацией внешнеторговых потоков на Восток [9; 10]. Технически поставки могут осуществляться как напрямую через границы стран ЕАЭС с использованием упрощённых таможенных процедур, так и через третьи страны с полным таможенным оформлением. Особенностью современного этапа является высокая доля транзакционных издержек, связанных с поиском надёжных поставщиков, проверкой чистоты сделок, валютным контролем и трансграничными расчётами, которые зачастую осуществляются через дружественные банки с использованием сложных финансовых схем [11]. При этом ответственность за подлинность товара и соблюдение требований технического регулирования полностью ложится на импортёра, что создаёт дополнительные риски для торговых сетей, вынужденных самостоятельно организовывать сертификацию и декларирование соответствия ввозимой продукции [2].

Теоретические модели влияния товарного предложения на финансовый результат торгового предприятия требуют пересмотра в условиях активного использования параллельного импорта. Классическая теория финансового менеджмента рассматривает ассортиментную политику как один из ключевых факторов формирования прибыли, однако она исходит из предпосылки стабильности закупочных цен и предсказуемости логистических издержек [12]. В условиях параллельного импорта нарушается действие эффекта операционного рычага, поскольку рост выручки за счёт сохранения ассортимента может сопровождаться непропорционально высоким ростом переменных издержек, что нивелирует положительный эффект масштаба. Кроме того, замедление оборачиваемости товарных запасов, вызванное увеличением сроков доставки и необходимостью формирования страховых запасов, ведёт к росту потребности в оборотном капитале и снижению рентабельности совокупных активов.

Таким образом, традиционная маржинальная модель анализа «затраты-объем-прибыль» требует корректировки с учётом введения коэффициентов логистической нестабильности и транзакционных рисков, что и составляет теоретическую основу настоящего исследования.

Анализ влияния параллельного импорта на деятельность торговых сетей

Объектами исследования выступают крупнейшие розничные сети Российской Федерации, функционирующие в сегментах, наиболее пострадавших от санкционных ограничений и, одновременно, наиболее активно использующих механизмы параллельного импорта. К таким сегментам относятся, прежде всего, бытовая техника и электроника, а также ритейл, включающий как люксовые бренды, так и бренды среднего ценового сегмента, а также рынок автозапчастей и комплектов для иностранных автомобилей [13]. Выбор данных сегментов обусловлен высокой долей импортной составляющей в ассортименте и критической зависимостью потребительского спроса от наличия привычных брендов, что позволяет наиболее репрезентативно оценить эффекты внедрения параллельного импорта.

Анализ динамики ассортимента показывает, что легализация параллельного импорта позволила предотвратить коллапс потребительского рынка в 2022 году и восстановить товарную матрицу в 2023–2024 годах, однако структура ассортимента претерпела существенные изменения. По данным маркетинговых агентств, доля товаров, ввезённых по параллельному импорту, в общем объёме продаж в категории бытовой техники и электроники достигла пика в первом полугодии 2023 года, составив до 40 %, после чего несколько снизилась за счёт активизации поставок из Китая по официальным каналам и развития собственных торговых марок [4; 5].

Влияние параллельного импорта на ценовую политику и потребительский спрос носит неоднозначный характер. С одной стороны, наличие товара на полке позволяет сохранить покупательский трафик и удовлетворять отложенный спрос, что подтверждается данными о восстановлении выручки в номинальном выражении во второй половине 2022 года [14]. С другой стороны, рост закупочных цен вынуждает торговые сети повышать розничные цены, что при снижении реальных располагаемых доходов населения приводит к падению физических объёмов продаж и изменению структуры потребительского выбора в пользу более дешёвых альтернатив. Анализ эластичности спроса показывает, что для большинства товарных категорий, особенно в сегменте бытовой техники, потребители готовы платить премию за привычный бренд, однако размер этой премии ограничен, тогда как фактический рост цен под влиянием параллельного импорта может достигать 50 % [5].

Проблемы и риски применения параллельного импорта

Несмотря на очевидную стабилизирующую роль параллельного импорта в санкционный период, его применение сопряжено с комплексом системных проблем и рисков, которые существенно ограничивают эффективность данного инструмента с точки зрения долгосрочной финансовой устойчивости торговых сетей. Первую группу рисков составляют риски контрафакта и проблемы гарантийного обслуживания, которые приобретают критическое значение в условиях отсутствия прямых контрактов с производителями.

Вторую группу рисков составляют валютные риски и сложности трансграничных расчётов, которые в условиях санкционного давления приобрели хронический характер. Многозвенные схемы платежей через банки дружественных стран, использование различных валют-посредников и длительные сроки прохождения платежей приводят к удорожанию финансовых операций и увеличению времени оборота денежных средств.

Третья группа рисков связана с зависимостью от «серых» схем и нестабильностью поставок, что выражается в отсутствии долгосрочных контрактных отношений с производителями и высокой вероятности перебоев в снабжении. Логистические цепочки параллельного импорта часто строятся на разовых сделках с посредниками, что не позволяет гарантировать стабильность ассортимента и прогнозировать сроки поставок.

Направления оптимизации и перспективы развития параллельного импорта

В сложившихся условиях торговые сети вынуждены адаптировать свои стратегии для минимизации выяв-

ленных рисков и повышения эффективности использования параллельного импорта. Первым стратегическим направлением выступает диверсификация каналов поставок и постепенный переход на прямые контракты с производителями из дружественных стран, прежде всего из Китая, Турции и государств ЕАЭС. Опыт 2023–2024 годов показывает, что многие китайские производители, ранее поставлявшие продукцию через европейские штаб-квартиры, готовы к прямому сотрудничеству с российскими торговыми сетями, что позволяет снизить долю параллельного импорта в пользу официальных поставок, сохранив при этом необходимый ассортимент [3].

Вторым важнейшим направлением является развитие собственных торговых марок как долгосрочной альтернативы ушедшим западным брендам. Инвестиции в разработку и продвижение собственных торговых марок позволяют торговым сетям не только снизить зависимость от импорта, но и контролировать качество продукции, управлять ценообразованием и формировать лояльность потребителей к самой торговой сети, а не к бренду производителя [2].

Третье направление связано с совершенствованием логистики и оптимизацией товаропроводящих цепочек, что предполагает консолидацию грузов, использование мультимодальных перевозок и создание совместных логистических центров несколькими торговыми сетями для экономии на масштабе.

Прямые контракты с производителями из дружественных стран представляют собой промежуточное решение, обеспечивающее баланс между скоростью реализации и уровнем риска, тогда как развитие собственных торговых марок и импортозамещение являются стратегическими направлениями, способными в долгосрочной перспективе обеспечить финансовую устойчивость и независимость от внешних шоков [15].

Заключение

Анализ влияния параллельного импорта на деятельность торговых сетей выявил ключевую закономерность исследуемого периода: параллельный импорт решает проблему сохранения выручки и покупательского трафика, но ценой существенного ухудшения качественных показателей эффективности.

Систематизация проблем и рисков применения параллельного импорта позволила выделить три основные группы ограничений, препятствующих его эффективному использованию. Риски контрафакта и отсутствие гарантийного обслуживания создают репутационные издержки и требуют дополнительных инвестиций в развитие собственных сервисных мощностей.

Диверсификация каналов поставок и постепенный переход на прямые контракты с производителями из дружественных стран, развитие собственных торговых марок, а также совершенствование логистической

инфраструктуры представляют собой взаимодополняющие элементы долгосрочной стратегии адаптации торговых сетей к новым геополитическим и экономическим реалиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ламбина, В.С. Эффективность механизма параллельного импорта в условиях современной геополитической ситуации / В.С. Ламбина // Аудиторские ведомости. — 2024. — № 4. — С. 229–232. — DOI 10.24412/1727-8058-2024-4-229-232
2. Смирнов, Е.Н. Параллельный импорт как новый инструмент сглаживания последствий экономических санкций / Е.Н. Смирнов, Е.С. Сероштан // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2023. — № 11-1. — С. 107–112. — DOI 10.17513/vaael.3040
3. Антропов, В.В. Параллельный импорт в системе российской внешней торговли в 2025 году / В.В. Антропов // Экономика. Налоги. Право. — 2025. — Т. 18, № 1. — С. 53–62. — DOI 10.26794/1999-849X-2025-18-1-53-62
4. Обзор рынка бытовой техники и электроники (БТиЭ) 2024–2025 [Электронный ресурс] // AdIndex. — Режим доступа: https://adindex.ru/publication/analytics/search/335395/img/Antr%D0%9E%D0%B1%D0%B7%D0%BE%D1%80_%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BA%D0%B0_%D0%B1%D1%8B%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8_%D0%B8_%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8_%D0%91%D0%A2%D0%B8%D0%AD_2024_2025.pdf (дата обращения: 07.03.2026).
5. NielsenIQ. FMCG 2025: Как изменятся покупатель, бренды и ритейл в будущем году? [Электронный ресурс] / NielsenIQ // AdIndex. — Режим доступа: https://adindex.ru/publication/analytics/strategy/327244/img/!%D0%95%D0%B6%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%9D%D0%B8%D0%BB-%D1%8C%D1%81%D0%B5%D0%BD_2024_TG_PRORETAIL_DAILY.pdf (дата обращения: 07.03.2026).
6. Григорьева, О.Г. Легализация параллельного импорта как юридическое средство обеспечения национальных интересов России в условиях санкционных ограничений / О.Г. Григорьева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2023. — № 1 (150). — С. 150–155. — DOI 10.24412/2227-7315-2023-1-150-155
7. Российская Федерация. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. — Режим доступа: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1535728/> (дата обращения: 07.03.2026).
8. Российская Федерация. Министерство промышленности и торговли. Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 21 июля 2023 г. № 2701 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/407484679/> (дата обращения: 07.03.2026).
9. Стеблякова, Л.П. Мониторинг влияния уровня социально-экономического развития государства на его финансовую безопасность / Л.П. Стеблякова, А.С. Мартынова, О.А. Кузмина // Экономика, предпринимательство и право. — 2025. — Т. 15, № 5. — С. 3383–3394. — DOI 10.18334/epp.15.5.123315
10. Абулеева, А. Р. Экономика параллельного импорта: институты, эффективность и долгосрочные последствия в условиях структурного шока (на примере России 2022–2024 гг.) / А.Р. Абулеева, В.Н. Шитов // Вестник науки. — 2025. — Т. 3, № 12 (93). — С. 43–54.
11. Уличкина, Л.Ш. Эффективность действия режима параллельного импорта в условиях экономических санкций / Л.Ш. Уличкина // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2023. — Т. 13, № 3. — С. 152–158. — DOI 10.26794/2226-7867-2023-13-3-152-158
12. Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития [Электронный ресурс] / под ред. В.С. Гуревича, С.М. Дробышевского, А.В. Колесникова, В.А. Мау, С.Г. Синельникова-Мурылева; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. — 2022. — № 9 (162), август. — 35 с. — Режим доступа: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2022_9-162_August.pdf (дата обращения: 07.03.2026).
13. INFOLine. Розничная торговля Non-Food и потребительский рынок России: итоги 2023 года и тенденции 2024 года [Электронный ресурс]: аналитический отчет / INFOLine. — Режим доступа: <https://infoline.spb.ru/upload/iblock/180/180c2f654d8ed9ec0151b08dfb440a27.pdf> (дата обращения: 07.03.2026).
14. Росстат. Торговля в России в 2023 [Электронный ресурс]: статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. — Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Torgov_2023.pdf (дата обращения: 07.03.2026).
15. Бабанов, А.Б. Перспективы использования параллельного импорта в Российской Федерации / А.Б. Бабанов, П.А. Бохан, А.А. Шетов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2023. — № 1. — С. 54–60.

© Захарова Анна Алексеевна (angelok91@inbox.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОФИОРИЕНТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВУЗА КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИЕЙ

CAREER GUIDANCE ACTIVITIES OF A UNIVERSITY AS A TOOL FOR MANAGING AN INDIVIDUAL EDUCATIONAL TRAJECTORY

*M. Krekova
N. Huseynzade*

Summary. The article examines the career guidance activities of a university as one of the key tools for managing a student's individual educational trajectory. The relevance of this study stems from the increasing complexity of a professional choice in the context of a dynamic labor market, the expanding range of educational programs, and the growing need for the conscious design of one's professional future. The paper argues that career guidance in modern higher education should be understood not as a one-time support mechanism provided to applicants at the stage of admission, but as a continuous process involving the early identification of professional interests, support in choosing a field of study, adjustment of the educational pathway during the period of study, and preparation for entering the labor market. It is demonstrated that career guidance activities help to reduce professional uncertainty, strengthen academic motivation, increase the stability of professional choice, and align educational decisions with the demands of the economy. It is concluded that the university acts not only as an institution responsible for student recruitment, but also as a coordinator of professional self-determination, ensuring the integrity and sustainability of a student's educational trajectory.

Keywords: career guidance, higher education, individual educational trajectory, professional self-determination, professional choice, university, labor market.

Крекова Марина Михайловна

д.э.н., профессор, ФГАОУ ВО «Московский
Политехнический Университет»,
kmm1901@mail.ru

Гусейнзаде Наби Адиль оглы

Аспирант, ФГАОУ ВО «Московский
Политехнический Университет»,
huseynzadenabi@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается профориентационная деятельность вуза как один из ключевых инструментов управления индивидуальной образовательной траекторией обучающегося. Актуальность исследования обусловлена усложнением профессионального выбора в условиях динамичного рынка труда, расширением спектра образовательных программ и возрастающей потребностью в осознанном проектировании профессионального будущего. Обосновывается положение о том, что профориентация в современной высшей школе должна пониматься не как разовое сопровождение абитуриента на этапе поступления, а как непрерывный процесс, включающий раннее выявление профессиональных интересов, поддержку выбора направления подготовки, коррекцию образовательного маршрута в период обучения и подготовку к выходу на рынок труда. Показано, что профориентационная деятельность способствует снижению профессиональной неопределенности, укреплению учебной мотивации, повышению устойчивости профессионального выбора и согласованию образовательных решений с запросами экономики. Сделан вывод о том, что вуз выступает не только субъектом набора, но и координатором профессионального самоопределения, обеспечивающим целостность и устойчивость образовательной траектории обучающегося.

Ключевые слова: профориентация, высшая школа, индивидуальная образовательная траектория, профессиональное самоопределение, профессиональный выбор, вуз, рынок труда.

Введение

Современная высшая школа развивается в условиях высокой изменчивости профессиональной среды. Технологические инновации, появление новых сфер занятости, обновление требований работодателей, усиление конкуренции между образовательными организациями и рост числа направлений подготовки значительно усложняют процесс выбора будущей профессии. В этих условиях образовательное решение перестает быть единичным актом и превращается в последовательный маршрут, включающий выбор направления подготовки, адаптацию к обучению, уточнение профес-

сиональных намерений и последующее профессиональное становление.

На этом фоне профориентационная деятельность приобретает особое значение. Ее содержание уже не может ограничиваться информированием о профессиях и правилах поступления. Более значимой задачей становится формирование у обучающегося готовности к осмысленному профессиональному самоопределению, способности соотносить личные интересы и способности с требованиями профессиональной среды, а также готовности к образованию на протяжении жизни.

Действующая система профориентации не в полной мере удовлетворяет потребность молодежи в информации, необходимой для сознательного выбора профессионального пути. Это связано как с быстрыми социально-экономическими изменениями, так и с недостаточной разработанностью современных инструментов сопровождения профессионального самоопределения. В результате профессиональный выбор нередко оказывается ситуативным, а образовательная траектория — недостаточно устойчивой.

Проблема усугубляется тем, что у значительной части обучающихся сохраняется неопределенность в отношении будущей профессии, собственных возможностей и перспектив трудоустройства. Старшеклассники определяются лишь с направлением подготовки, но не с конкретной профессией, либо колеблются между слабо связанными профессиональными вариантами; кроме того, значительная часть молодежи слабо представляет свое будущее место работы. Это позволяет рассматривать профориентационную деятельность как инструмент не только выбора профессии, но и управления логикой дальнейшего образования.

Именно поэтому все более актуальным становится понимание профориентации как механизма сопровождения индивидуальной образовательной траектории. Такая трактовка позволяет рассматривать профориентационную деятельность вуза как систему работы, направленную на обеспечение преемственности между школьным этапом, поступлением, обучением, профессиональной адаптацией и выходом выпускника на рынок труда.

Цель статьи — обосновать роль профориентационной деятельности вуза как инструмента управления индивидуальной образовательной траекторией обучающегося.

Формы и методы профориентационной поддержки образовательной траектории

Эффективность профориентационной деятельности зависит не только от ее непрерывности, но и от разнообразия используемых форм и методов. Результативная профориентация строится на сочетании традиционных и инновационных технологий, поскольку именно их интеграция способствует более осмысленному выбору, ранней социальной адаптации и формированию профессиональной идентичности.

К числу наиболее значимых форм относятся проектная деятельность, ролевые и деловые игры, консультационные практики, портфолио, экскурсии, профессиональные пробы, встречи со специалистами, а также

информационные ресурсы, позволяющие изучать образовательные и профессиональные возможности¹.

Проектные технологии важны тем, что ориентируют обучающегося на самостоятельный поиск информации, критическое осмысление профессиональных вариантов и решение практико-ориентированных задач. Они способствуют развитию ключевых компетенций, необходимых для построения образовательного и профессионального маршрута.

Ролевые и деловые игры позволяют моделировать профессиональные ситуации, анализировать различные варианты поведения, преодолевать внутренние барьеры и формировать более реалистичное представление о профессиональной среде. Такие технологии особенно значимы в контексте выбора траектории, поскольку переводят процесс профессионального выбора из чисто информационной плоскости в плоскость личностного переживания и действия.

Отдельную роль играют информационные и цифровые ресурсы. Они расширяют доступ к сведениям о профессиях, образовательных программах, требованиях к поступлению и характеристиках вузов, а также позволяют проходить тестирование и получать предварительные рекомендации. Однако исследователи подчеркивают, что наибольший эффект такие инструменты дают только в сочетании с другими формами профориентационной работы, а не в изолированном виде.

Таким образом, управление индивидуальной образовательной траекторией требует комплексной профориентационной среды, в которой различные формы работы взаимно дополняют друг друга.

Теоретические основы исследования

В научной литературе профориентация трактуется как многомерный социально-педагогический процесс, выходящий за пределы простого ознакомления с миром профессий². Ее назначение состоит не только в помощи при первичном выборе профессионального пути, но и в сопровождении формирования профессионального самоопределения личности. При этом подчеркивается, что более значимой задачей становится не столько обеспечение «правильного» выбора в конкретный момент времени, сколько формирование готовности к профессиональному самоопределению и к обучению на протяжении всей жизни.

¹ Пряжников Н.С. Профориентация в школе: игры, упражнения, опросники (8–11 классы) / Н.С. Пряжников. — М.: ВАКО, 2020. — 288 с.

² Пряжников, Н.С. Профессиональное и личностное самоопределение / Н.С. Пряжников. — М.: Изд-во «Институт практической психологии». — Воронеж: НПО «МОДЭК», 2016. — 512 с.

Такое понимание особенно важно в контексте высшей школы, поскольку профессиональное самоопределение рассматривается исследователями не как одномоментный акт, а как длительный процесс поиска себя в профессии, имеющий разное содержание на разных возрастных этапах. Это означает, что профориентационная деятельность должна быть встроена в образовательную логику непрерывно, а не ограничиваться этапом поступления.

Существенное значение имеет различие понятий «профессиональное самоопределение» и «профориентация». Профессиональное самоопределение понимается как активная деятельность личности по поиску собственного места в профессиональном мире, формированию образа профессионального будущего и выбору карьерной перспективы. Профориентация же представляет собой специально организованное взаимодействие, помогающее обучающемуся ориентироваться в сложной системе профессий, образовательных возможностей и общественных потребностей.

Следовательно, профориентационная деятельность вуза может рассматриваться как институциональный механизм сопровождения профессионального самоопределения. Ее задача состоит в том, чтобы соединить личностные ресурсы обучающегося, содержание образовательной программы и реальные требования рынка труда. Такая позиция усиливает управленческий потенциал профориентации и позволяет трактовать ее как средство формирования осмысленной образовательной траектории.

Профориентация и индивидуальная образовательная траектория

Индивидуальная образовательная траектория представляет собой персонализированный маршрут профессионального и образовательного развития, в рамках которого обучающийся не просто осваивает учебный план, а постепенно выстраивает собственную систему целей, мотивов, компетенций и профессиональных ориентаций. Качество этой траектории во многом определяется тем, насколько осознанным является исходный выбор и насколько последовательно осуществляется его сопровождение.

Профориентационная помощь способствует не только выбору профессии, но и организации учебной деятельности. Осознанное отношение к профессиональному будущему позволяет обучающемуся более мотивированно воспринимать содержание образования, видеть смысл изучаемых дисциплин и соотносить учебные усилия с долгосрочными целями.

Вместе с тем выбор траектории не может быть качественным, если обучающийся ограничен случайной или

фрагментарной информацией. Исследования показывают, что значительная часть молодых людей ориентируется на престиж, внешнюю привлекательность профессии, экономическую стабильность или мнение окружающих, тогда как интерес к содержанию деятельности и готовность к качественному освоению профессии занимают менее значимое место³. В такой ситуации образовательная траектория может изначально строиться на внешней мотивации, что увеличивает риск разочарования и последующей коррекции профессионального выбора.

Следовательно, профориентационная деятельность должна обеспечивать не только выбор направления подготовки, но и его последующую проверку на устойчивость, соответствие интересам личности и требованиям профессиональной среды. В этом смысле она становится механизмом управления траекторией, а не разовой консультационной услугой.

Роль вуза как координатора индивидуальной образовательной траектории

Одним из ключевых условий эффективности профориентации является ее непрерывный характер. Необходимо последовательно рассматривать развитие обучающегося на стыке этапов «школьник — абитуриент — студент», поскольку именно в переходных зонах наиболее отчетливо проявляются трудности самоопределения, адаптации и согласования ожиданий с реальностью высшего образования.

Непрерывный подход предполагает несколько взаимосвязанных уровней. На довузовском этапе акцент делается на выявлении интересов, склонностей, ценностных ориентаций и первичном знакомстве с миром профессий. На этапе поступления — на соотношении образовательного выбора с индивидуальными возможностями и профессиональными перспективами. В период обучения — на уточнении профессиональных намерений, развитии рефлексии, укреплении мотивации и коррекции траектории. В перспективе трудоустройства — на переходе от образовательного маршрута к профессиональной реализации⁴.

Вуз обладает особыми возможностями для координации индивидуальной образовательной траектории, поскольку находится на пересечении интересов личности, системы образования и рынка труда. В отличие от школы, университет связан с конкретными профес-

³ Afanasiev V. et al. Directions of Increasing the Effectiveness of Career Guidance System for Students in Russia //Astra Salvensis. — 2018. — №. 12.

⁴ Данилова, Е.Е. Особенности мотивационной сферы современных российских школьников: содержание, возрастная динамика, роль образовательной среды / Е.Е. Данилова // Вестник Мининского университета. — 2022. — Т. 10, №1. — С. 6.

сиональными направлениями, работодателями, научной и практической деятельностью, а значит способен не только информировать о профессиях, но и создавать условия для их осмысленного освоения.

Особого внимания заслуживает идея университетской профориентационной структуры, способной выстраивать своего рода «дорожную карту» развития обучающегося. В этой модели образовательная траектория рассматривается как маршрут, который формируется еще на раннем этапе, затем уточняется в ходе обучения и может корректироваться в зависимости от изменения профессиональных целей, интересов и внешних условий.

Подобная трактовка усиливает управленческую функцию вуза. Университет в данном случае выступает не только как поставщик образовательной услуги, но и как институт, способный координировать профессиональное самоопределение, обеспечивать содержательную связь между выбором программы и будущей занятостью, а также создавать условия для переосмысления образовательных решений.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что профориентационная деятельность вуза должна рассматриваться как важный инструмент управления индивидуальной образовательной траекторией обучающегося. Ее значение не сводится к информированию

абитуриента о профессиях и правилах поступления. В современных условиях профориентация выступает как системный механизм сопровождения профессионального самоопределения, обеспечивающий связь между интересами личности, содержанием образования и запросами рынка труда.

Установлено, что профориентационная деятельность оказывает влияние на осознанность выбора направления подготовки, устойчивость образовательной мотивации, успешность адаптации к вузовской среде и готовность к последующей профессиональной реализации. Особенно значимыми являются принципы непрерывности, преемственности, индивидуализации и интеграции различных форм работы.

Вуз в данной модели выступает не только организацией, осуществляющей набор, но и координатором профессионального самоопределения. Именно в этом качестве он способен обеспечивать сопровождение обучающегося на разных этапах формирования образовательной траектории — от первичного интереса к профессии до осмысленного выхода на рынок труда.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой критериев оценки эффективности профориентационной деятельности в контексте устойчивости образовательной траектории, а также с анализом организационно-экономических механизмов ее развития в системе высшей школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция МОТ №142 «О профессиональной ориентации и профессиональной подготовке в области развития человеческих ресурсов».
2. Федеральный закон «Об образовании в РФ» от 29.12.2012 № 273-ФЗ
3. Герус Е.А. Система профессиональной ориентации как средство поддержки профессионального самоопределения подростков // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАИТ). 2022. № 1 (9). С. 115–123. <https://doi.org/10.17853/2686-8970-2022-1-115-123>
4. Данилова, Е.Е. Особенности мотивационной сферы современных российских школьников: содержание, возрастная динамика, роль образовательной среды / Е.Е. Данилова // Вестник Мининского университета. — 2022. — Т. 10, №1. — С. 6
5. Дрянных Н.В., Королева А.Н., Ракова С.С. Организация профориентационной работы с обучающимися в общеобразовательном учреждении // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 5 (110). С. 208–217. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-5-110-17>.
6. Климов, Е.А. (1985). Профориентация и психология. Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, (1), 3–6.
7. Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 5. С. 146–151 Society: Sociology, Psychology, Pedagogics. 2025. No. 5. P. 146–151
8. Пряжников Н.С. Профориентация в школе: игры, упражнения, опросники (8–11 классы) / Н.С. Пряжников. — М.: ВАКО, 2020. — 288 с.
9. Пряжников, Н.С. Профессиональное и личностное самоопределение / Н.С. Пряжников. — М.: Изд-во «Институт практической психологии». — Воронеж: НПО «МОДЭК», 2016. — 512 с.
10. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. — Санкт-Петербург: Питер, 2019. — 713 с.
11. Сотникова С.И., Прокудина О.А. Профессиональная ориентация в контексте концепции непрерывного образования // Экономика труда. 2019. № 3. С. 1059–1078. <https://doi.org/10.18334/et.6.3.40858>.
12. Томильцев А.В. Проблемы оценки профессиональной подготовки: методологические подходы / А.В. Томильцев, А.В. Мальцев // Образование и наука. 2018
13. Afanasiev V., Vrazhnova M., Nechaev M., Frolova S., Shypovskaia L. Directions of Increasing the Effectiveness of Career Guidance System for Students in Russia // *Astra Salvensis*. 2018. Vol. VI. No. 12. P. 193–209.
14. Sibgatova K.I., Ilchinskaya E.P., Bastrikova E.M., Kuramshina L.L., Makarov A.L., Chernova N.Y., Khairullina E.R., Murugova V.V. The Traditional and Innovative Technologies of Vocational Guidance Work with Pupils and Students // *International Review of Management and Marketing*. 2016. Vol. 6. Special Issue S2. P. 97–103.
15. Safargaliev E.R., Zinurova G. Kh., Mardanova G. Managing Career Guidance in a Higher Education Establishment // *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference on Sustainable Development of Regional Infrastructure (ISSDRI 2021)*. 2021. P. 572–577.

© Крекова Марина Михайловна (kmm1901@mail.ru); Гусейнзаде Наби Адиль оглы (huseynzadenabi@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ТРУДА ТУРИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД: РОССИЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Ли Татьяна Владимировна

Аспирант,

Алтайский государственный университет, (г. Барнаул)

tanyali752@gmail.com

TRANSFORMATION OF THE LABOR MARKET IN THE TOURISM INDUSTRY IN THE POST-PANDEMIC PERIOD: RUSSIAN TRENDS AND REGIONAL SPECIFICS OF ALTAI KRAI

T. Lee

Summary. The article examines the processes of labor market transformation in the tourism industry during the post-pandemic period, using Altai Krai as a case study. It is shown that the recovery of domestic tourism after the COVID-19 pandemic is accompanied by structural changes in employment, manifested in a reduction of the labor reserve, an increase in the share of unstable forms of employment, and an intensification of the shortage of qualified personnel.

The aim of the study is to identify key trends in the development of the tourism labor market in the post-pandemic period, taking into account nationwide processes and the regional specifics of Altai Krai. The methodological framework of the study includes statistical and comparative analysis, as well as an analysis of official data from Rosstat and federal and regional tourism authorities.

It has been established that the recovery of tourist flows in 2022–2024 is not accompanied by a corresponding increase in employment. At the regional level, a persistent imbalance is forming between the demand for tourism services and the capacity to reproduce the industry's workforce. The presence of a health-resort complex in Altai Krai plays a stabilizing role in the labor market, providing relative employment stability; however, this factor does not offset the labor shortage in seasonal segments of tourism activities.

The study concludes that the labor shortage in the tourism industry has a structural character, caused by a combination of seasonal employment, insufficient attractiveness of working conditions, and inter-industry outflow of workers. The results can be used to develop regional employment policies and improve mechanisms for staffing the tourism industry.

Keywords: tourism, labor market, employment in tourism, tourism industry, labor shortage, seasonal employment, regional economy, Altai Krai, health-resort complex, post-pandemic transformation.

Аннотация. В статье рассматриваются процессы трансформации рынка труда туристической отрасли в постпандемийный период на примере Алтайского края. Показано, что восстановление внутреннего туризма после пандемии COVID-19 сопровождается структурными изменениями занятости, выражающимися в сокращении кадрового резерва, росте доли нестабильных форм занятости и усилении дефицита квалифицированного персонала. Целью исследования является выявление ключевых тенденций развития рынка труда туристической отрасли в постпандемийный период с учетом общероссийских процессов и региональной специфики Алтайского края. Методологическую основу работы составили методы статистического и сравнительного анализа, а также анализ официальных данных Росстата, федеральных и региональных органов управления туризмом.

Установлено, что восстановление туристического потока в 2022–2024 гг. не сопровождается сопоставимым ростом занятости. На региональном уровне формируется устойчивый дисбаланс между спросом на туристические услуги и возможностями воспроизводства трудовых ресурсов отрасли. Показано, что наличие санаторно-курортного комплекса в Алтайском крае выполняет стабилизирующую функцию на рынке труда, обеспечивая относительную устойчивость занятости, однако данный фактор не компенсирует кадровый дефицит в сезонных сегментах туристической деятельности.

Сделан вывод о структурном характере кадрового дефицита в туристической отрасли, обусловленного сочетанием сезонности занятости, недостаточной привлекательности условий труда и межотраслевого оттока работников. Полученные результаты могут быть использованы при разработке региональной политики занятости и совершенствовании механизмов кадрового обеспечения туристической отрасли.

Ключевые слова: туризм, рынок труда, занятость в туризме, туристическая отрасль, кадровый дефицит, сезонность занятости, региональная экономика, Алтайский край, санаторно-курортный комплекс, постпандемийная трансформация.

Введение

Туристическая отрасль относится к числу сфер экономики, наиболее чувствительных к внешним шокам, что в полной мере проявилось в период пандемии COVID-19. Ограничения на передвижение,

закрытие границ и снижение мобильности населения в 2020–2021 гг. привели к резкому сокращению туристических потоков и занятости, последствия которого оказались более продолжительными, чем спад спроса на туристические услуги [1; 2].

Несмотря на восстановление внутреннего туризма в 2022–2024 гг., рынок труда туристической отрасли демонстрирует признаки структурного дисбаланса. Во многих регионах рост турпотока не сопровождается сопоставимым увеличением численности занятых, сохраняется дефицит квалифицированного персонала, усиливается зависимость от временной и сезонной занятости, возрастает текучесть кадров [3; 4; 5]. Это позволяет говорить не о краткосрочном кризисе, а о трансформации механизмов воспроизводства трудовых ресурсов в отрасли.

Особую значимость в этих условиях приобретает региональный анализ рынка труда туризма [6; 7]. На общероссийском уровне статистические данные фиксируют агрегированные показатели занятости, не отражающие различий между регионами с разной структурой туристического предложения. Между тем специфика региональной туристической экономики — соотношение круглогодичных и сезонных сегментов, роль санаторно-курортного комплекса, уровень диверсификации туристических продуктов — напрямую влияет на характер занятости и устойчивость кадрового потенциала.

Алтайский край представляет собой показательный пример региона, в котором туристическая отрасль сочетает выраженную сезонность с наличием относительно стабильного санаторно-курортного ядра. С одной стороны, край демонстрирует устойчивый рост внутреннего турпотока после 2021 года, с другой — сталкивается с хроническим дефицитом кадров, особенно в сегментах размещения, общественного питания и сервисных услуг. Это противоречие делает регион репрезентативным кейсом для анализа постпандемийных изменений рынка труда в туризме [8; 9].

Основные результаты

Целью настоящей статьи является выявление ключевых тенденций трансформации рынка труда туристической отрасли в постпандемийный период на примере Алтайского края с учетом общероссийских процессов. В рамках исследования анализируются динамика занятости, структура кадрового спроса, влияние сезонности и роль санаторно-курортного комплекса как стабилизирующего элемента регионального рынка труда.

В постпандемийный период рынок труда туристической отрасли в России характеризуется рядом устойчивых тенденций: сокращением кадрового резерва, ростом доли нестабильных форм занятости, усилением текучести кадров и хроническим дефицитом персонала в сегментах размещения и общественного питания (Иванов, 2022; Петрова, 2023; WTTC, 2023). Эти процессы носят системный характер и проявляются в большинстве туристических регионов страны независимо от их специализации.

На этом фоне Алтайский край демонстрирует типичную для туристических регионов России комбинацию общенациональных тенденций и региональной специфики, обусловленной высокой сезонностью спроса и наличием санаторно-курортного комплекса как круглогодичного ядра отрасли.

По данным регионального Министерства экономического развития и территориальных органов Росстата, численность занятых в туристической отрасли Алтайского края в 2019 году составляла около 32 тыс. человек, включая гостиничное хозяйство, санаторно-курортный комплекс, предприятия общественного питания и экскурсионные услуги. В 2020 году вследствие ограничительных мер занятость сократилась более чем на 18 %, при этом наиболее значительные потери пришлось на малые предприятия и индивидуальных предпринимателей [10].

В 2021–2023 гг. наблюдалось постепенное восстановление туристического потока, который в 2023 году превысил докризисный уровень и составил более 2 млн человек. Однако восстановление занятости происходило значительно медленнее. По состоянию на 2023 год численность занятых в туристической сфере края оценивалась в 29–30 тыс. человек, что на 6–8 % ниже уровня 2019 года [12].

Таким образом, рост спроса на туристические услуги сопровождался не расширением, а перераспределением трудовых ресурсов внутри отрасли. Предприятия адаптировались за счет увеличения нагрузки на персонал, расширения практик временной занятости и привлечения неквалифицированных работников в пиковые периоды.

Ключевой особенностью рынка труда туристической отрасли Алтайского края является доминирующая роль санаторно-курортного комплекса. На его долю приходится до 35–40 % всех занятых в туризме региона, при этом санатории и курортные комплексы обеспечивают круглогодичную занятость медицинского, административного и обслуживающего персонала [13; 14].

Среднегодовая загрузка санаторно-курортных учреждений в 2022–2023 гг. составляла 75–80 %, что существенно выше показателей коллективных средств размещения сезонного типа. Это позволило сохранить относительно стабильный кадровый состав и снизить масштабы высвобождения работников в межсезонье. В то же время предприятия активного, экологического и событийного туризма демонстрировали высокую зависимость от сезонных колебаний и краткосрочных трудовых контрактов.

Таким образом, санаторно-курортный сегмент выполняет функцию институционального ядра регионального

рынка труда туризма, сглаживая сезонные и кризисные колебания занятости. Однако его стабилизирующий эффект ограничен и не компенсирует кадровые разрывы в периферийных сегментах отрасли.

Несмотря на формальное восстановление объемов туристической деятельности, в Алтайском крае сохраняется устойчивый дефицит кадров. По данным региональных служб занятости, в 2023–2024 гг. уровень незакрытых вакансий в сфере туризма и гостеприимства превысил среднерегиональные значения в 1,5–1,7 раза [15; 16]. Наиболее острый дефицит наблюдался по профессиям горничных, поваров, официантов, администраторов, а также среднего медицинского персонала в санаторно-курортных учреждениях.

Причины кадрового дефицита носят структурный характер. Во-первых, пандемия привела к оттоку работников в смежные отрасли с более стабильным доходом. Во-вторых, сезонный характер занятости снижает привлекательность туристической сферы для молодежи и квалифицированных специалистов. В-третьих, рост турпотока не сопровождается адекватным ростом заработной платы, особенно в сегменте малого бизнеса [17; 18].

В результате формируется ситуация, при которой увеличение туристического спроса не трансформируется в устойчивое расширение занятости, а воспроизводство кадрового потенциала отрасли осуществляется на суженной основе.

Сезонность остается ключевым фактором, определяющим нестабильность занятости в туристической отрасли Алтайского края. В период высокого сезона (июнь–август) численность временно занятых увеличивается на 25–30 %, тогда как в межсезонье значительная часть работников переводится на неполную занятость либо покидает отрасль [19; 20].

Даже в условиях развития зимних программ и событийного туризма сезонные колебания сохраняются, что препятствует формированию устойчивых трудовых отношений и снижает мотивацию работников к долгосрочной занятости в отрасли. Это усиливает текучесть кадров и ограничивает возможности накопления человеческого капитала.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что рынок труда туристической отрасли в постпандемийный период претерпевает не циклические, а структурные изменения. Восстановление внутреннего туризма в 2022–2024 гг. не сопровождается эквивалентным ростом занятости, что свидетельствует о формировании устойчивого дисбаланса между спросом на туристические услуги и возможностями воспроизводства трудовых ресурсов отрасли.

По своим структурным характеристикам Алтайский край сопоставим с рядом туристских регионов России, в которых сочетаются сезонные формы туризма и ограниченное число круглогодичных объектов занятости. К таким регионам относятся Республика Алтай, Республика Бурятия, Ставропольский край, Краснодарский край (за исключением крупных курортных агломераций), а также отдельные субъекты Сибирского и Северо-Кавказского федеральных округов [21; 22]. Для данных территорий характерны аналогичные проблемы воспроизводства кадрового потенциала: зависимость от сезонного спроса, дефицит линейного персонала и высокая текучесть кадров.

На общероссийском уровне ключевыми характеристиками текущего этапа развития рынка труда туризма являются сокращение кадрового резерва, рост доли временной и сезонной занятости, а также усиление текучести кадров, прежде всего в сегментах размещения и общественного питания. Эти тенденции подтверждаются региональными данными и проявляются наиболее отчетливо в туристских регионах с выраженной сезонностью спроса.

Выводы

Анализ Алтайского края показал, что наличие санаторно-курортного комплекса как круглогодичного ядра туристической отрасли выполняет стабилизирующую функцию на региональном рынке труда, обеспечивая относительную устойчивость занятости и сохранение квалифицированного персонала. Вместе с тем данный стабилизирующий эффект имеет ограниченный характер и не компенсирует кадровые разрывы в периферийных сегментах туризма, ориентированных на сезонный спрос.

Выявленный устойчивый дефицит кадров в туристической отрасли Алтайского края носит структурный характер и обусловлен сочетанием сезонности занятости, недостаточной привлекательности условий труда и оттока работников в альтернативные сектора экономики. В этих условиях рост туристического потока приводит не к расширению занятости, а к интенсификации труда и использованию нестабильных форм занятости, что в долгосрочной перспективе снижает качество человеческого капитала отрасли.

В условиях устойчивого кадрового дефицита предприятия туристической отрасли Алтайского края все чаще прибегают к компенсаторным механизмам восполнения трудовых ресурсов. К ним относятся привлечение вахтового и межрегионального персонала в высокий сезон, расширение практик совмещения должностей, а также использование неквалифицированной рабочей силы с последующим обучением на рабочем месте (Кузнецова, 2022; данные региональных обследований).

Однако данные механизмы носят краткосрочный характер и не решают проблему воспроизводства кадрового потенциала в долгосрочной перспективе. Использование вахтового труда снижает устойчивость трудовых коллективов и усиливает текучесть кадров, тогда как ориентация на временную занятость ограничивает накопление человеческого капитала в отрасли.

Это позволяет сделать вывод о том, что преодоление кадрового дефицита в туристической отрасли невозможно без укрепления круглогодичных сегментов занятости и повышения институциональной привлекательности отрасли на региональном уровне.

Полученные результаты подтверждают необходимость смещения акцента в исследованиях рынка труда туризма от преимущественно микроуровневого анализа к комплексному рассмотрению институциональных и региональных факторов занятости. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его выводов при разработке региональной кадровой политики в сфере туризма, ориентированной на снижение сезонных рисков, укрепление круглогодичных сегментов и формирование устойчивых механизмов воспроизводства трудовых ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Travel & Tourism Council. Economic Impact Report 2021: Global Tourism Sector Recovery. — London: WTTC, 2021.
2. Международная организация труда. Влияние пандемии COVID-19 на занятость в сфере услуг и туризма. — Женева, 2021.
3. Министерство экономического развития Российской Федерации. О состоянии и перспективах развития туристской отрасли в Российской Федерации в 2022–2023 гг.: аналитический доклад. — М., 2023.
4. Федеральная служба по труду и занятости (Роструд). Мониторинг потребности в кадрах в сфере туризма и гостеприимства в 2022–2023 гг. — М., 2023.
5. Александрова А.Ю. Рынок труда в туризме: постпандемийные трансформации // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2022. — № 4. — С. 78–92.
6. Квартальнов В.А. Региональная экономика туризма. — М.: Финансы и статистика, 2019.
7. Зорин И.В., Квартальнов В.А. Туризм как социально-экономическая система. — М.: Финансы и статистика, 2020.
8. Министерство экономического развития Алтайского края. Стратегия развития туризма в Алтайском крае до 2035 года. — Барнаул, 2022.
9. Правительство Алтайского края. Государственная программа «Развитие туризма в Алтайском крае». — Барнаул, 2023.
10. Федеральная служба государственной статистики. Занятость населения по видам экономической деятельности в субъектах Российской Федерации в 2019–2020 гг. — М., 2021.
11. Министерство экономического развития Алтайского края. Итоги развития туристической отрасли Алтайского края в 2023 году: статистический отчёт. — Барнаул, 2024.
12. Аналитический центр при Правительстве РФ. Трансформация рынка труда в сфере услуг в постпандемийный период. — М., 2023.
13. Министерство здравоохранения Алтайского края. Санаторно-курортный комплекс региона: состояние и перспективы развития. — Барнаул, 2023.
14. Грачёва Т.П. Санаторно-курортный туризм как фактор устойчивого развития регионов // Региональная экономика: теория и практика. — 2021. — № 12. — С. 64–78.
15. Роструд. Рынок труда в сфере туризма и гостеприимства: региональный разрез. — М., 2023.
16. Министерство труда и социальной защиты Алтайского края. Состояние и динамика занятости в сфере туризма и услуг. — Барнаул, 2023.
17. Богданова Е.В. Кадровый дефицит в индустрии гостеприимства: причины и последствия // Экономика труда. — 2022. — № 3. — С. 41–53.
18. Ковальчук Н.В. Текучесть кадров в туристической отрасли: региональные аспекты // Вопросы экономики и управления. — 2021. — № 6. — С. 89–101.
19. Федеральная служба государственной статистики. Туризм в Российской Федерации: статистический сборник. — М., 2023.
20. Александрова А.Ю., Евдокимов С.П. Сезонность в туризме: влияние на занятость и доходы населения // Региональные исследования. — 2020. — № 2. — С. 112–124.
21. Министерство экономического развития РФ. Развитие туристских регионов России: сравнительный анализ. — М., 2023.
22. Квартальнов В.А., Гусев Б.В. Туристские регионы России: типология и социально-экономические эффекты развития. — М.: Юрайт, 2022.

© Ли Татьяна Владимировна (tanyali752@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНТЕГРАЦИЯ МАЛЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В АГРОПРОМЫШЛЕННЫЕ КЛАСТЕРЫ БАРЬЕРЫ И МОДЕЛИ КООПЕРАЦИИ

Миндлин Юрий Борисович

К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина»
mindliny@mail.ru

INTEGRATION OF SMALL BUSINESS FORMS INTO AGRO-INDUSTRIAL CLUSTERS BARRIERS AND MODELS OF COOPERATION

Yu. Mindlin

Summary. The article examines the problem of the inclusion of small forms of management — peasant farms and private subsidiary farms — in the agro-industrial clusters of Russia. The relevance of the study is due to the structural deformation of the domestic agro-industrial complex, expressed in the polarization between large agricultural holdings and millions of small producers in the absence of a developed middle management and effective cooperative ties. Based on the analysis of scientific literature, regulatory legal acts and empirical research materials, the barriers preventing the integration of small farms into cluster structures are systematized. Three groups of barriers are identified: institutional and economic, related to the inequality of market power and discriminatory conditions of access to sales markets; structural and organizational, due to the lack of cooperation infrastructure and a shortage of qualified personnel; socio-cultural, rooted in a low level of trust and lack of traditions of networking. The conclusion is substantiated that it is necessary to reorient the state cluster policy from supporting formal cluster formations to stimulating real cooperative ties and creating institutional conditions for the integration of small businesses. This implies abandoning the practice of «assigning» clusters «from above», switching to supporting initiatives emanating from manufacturers themselves, and developing flexible, differentiated tools to stimulate cooperation that take into account regional and industry specifics.

Keywords: small business forms, agro-industrial cluster, small business, cooperation, cluster policy.

Аннотация. В статье исследуется проблема включения малых форм хозяйствования — крестьянско-фермерских хозяйств и личных подсобных хозяйств — в состав агропромышленных кластеров России. Актуальность исследования обусловлена структурной деформацией отечественного агропромышленного комплекса, выраженной в поляризации между крупными агрохолдингами и миллионами мелких товаропроизводителей при отсутствии развитого среднего звена и эффективных кооперационных связей. На основе анализа научной литературы, нормативно-правовых актов и материалов эмпирических исследований систематизированы барьеры, препятствующие интеграции малых хозяйств в кластерные структуры. Выделены три группы барьеров: институционально-экономические, связанные с неравенством рыночной власти и дискриминационными условиями доступа к рынкам сбыта; структурно-организационные, обусловленные отсутствием инфраструктуры кооперации и дефицитом квалифицированных кадров; социокультурные, коренящиеся в низком уровне доверия и отсутствии традиций сетевого взаимодействия. Обоснован вывод о необходимости переориентации государственной кластерной политики с поддержки формальных кластерных образований на стимулирование реальных кооперационных связей и создание институциональных условий для интеграции малого бизнеса. Это предполагает отказ от практики «назначения» кластеров «сверху», переход к поддержке инициатив, исходящих от самих производителей, и разработку гибких, дифференцированных инструментов стимулирования кооперации, учитывающих региональную и отраслевую специфику.

Ключевые слова: малые формы хозяйствования, агропромышленный кластер, малый бизнес, кооперация, кластерная политика.

Введение

Актуальность темы исследования определяется тремя фундаментальными обстоятельствами. Во-первых, несмотря на формальные успехи политики импортозамещения, программа продовольственной безопасности остается невыполненной по мясу, овощам, молоку и продуктам его переработки. Интеграция миллионов малых товаропроизводителей в эффективные производственные цепочки могла бы внести существенный вклад в решение этой проблемы. Во-вторых, сохраняющийся диспаритет цен и неравенство рыночной власти между сельхозпроизводителями, переработ-

чиками и торговыми сетями создают устойчивые «ножницы цен», при которых основная доля добавленной стоимости оседает в сфере обращения. Малые производители, не обладающие рыночной властью, оказываются в наиболее уязвимом положении. В-третьих, санкционные ограничения и необходимость ускоренного импортозамещения требуют мобилизации всех имеющихся ресурсов, включая потенциал малого агробизнеса, что невозможно без создания эффективных кооперационных механизмов.

Цель настоящего исследования заключается в системном анализе барьеров, препятствующих интеграции

малых форм хозяйствования в агропромышленные кластеры России, и разработке типологии моделей кооперации, позволяющих преодолеть эти барьеры. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: выявление и классификация экономических, институциональных и социокультурных барьеров интеграции; анализ существующих практик и форм кооперации малых сельхозпроизводителей в рамках кластерных структур; обобщение и систематизация моделей интеграции, апробированных в отечественной и зарубежной практике; разработка рекомендаций по совершенствованию государственной политики в сфере поддержки кластерных инициатив малого агробизнеса.

Научная новизна исследования определяется следующими положениями. Во-первых, в работе впервые предложена комплексная классификация барьеров интеграции малых хозяйств в агропромышленные кластеры, дифференцирующая препятствия по источникам их возникновения и механизмам воздействия. Во-вторых, осуществлена операционализация понятия «интеграция малых форм хозяйствования в кластер», предполагающая разграничение формального членства и реальной включенности в кооперационные связи. В-третьих, разработана оригинальная типология моделей кооперации, учитывающая как характер связей между участниками (горизонтальные, вертикальные, гибридные), так и степень их институционализации. В-четвертых, обоснован тезис о необходимости переориентации государственной кластерной политики с поддержки кластеров как статических образований на стимулирование кластеризации как динамического процесса установления кооперационных связей.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составляют фундаментальные положения институциональной экономической теории, теории кластеров М. Портера, концепции вертикальной конкуренции и сетевого взаимодействия. Эмпирическую базу работы образуют научные публикации российских и зарубежных авторов по проблемам кластеризации АПК и развития малого агробизнеса, материалы докладов о состоянии конкуренции в субъектах Российской Федерации, официальные данные Федеральной службы государственной статистики.

В процессе исследования применялись следующие методы: системный анализ, позволивший рассматривать интеграцию малых хозяйств в кластеры как многомерный процесс, детерминированный совокупностью разнородных факторов; сравнительно-правовой анализ, использованный для выявления институциональных условий функционирования кластерных структур; метод типологизации, на основе которого разработана классификация барьеров и моделей кооперации.

Результаты и обсуждения

Агропромышленный комплекс России демонстрирует парадоксальную структурную конфигурацию. Наряду с крупными агрохолдингами, интегрирующими полные производственно-сбытовые цепочки и получающими масштабную государственную поддержку, в отрасли функционирует значительный сектор малых форм хозяйствования. В масштабах страны численность малых сельхозпроизводителей исчисляется миллионами, они производят существенную долю картофеля, овощей, молока и мяса. Однако их экономическое положение характеризуется хронической неустойчивостью, ограниченным доступом к рынкам сбыта, финансовым ресурсам и современным технологиям.

Кластерный подход, активно продвигаемый в российской экономической политике на протяжении полутора десятилетий, рассматривается как перспективный инструмент преодоления разобщенности сельхозпроизводителей и интеграции малого бизнеса в эффективные производственно-сбытовые сети [2]. В России происходит регистрация агропромышленных кластеров, декларирующих основным видом деятельности сельское хозяйство и рыболовство: в Брянской, Новгородской, Вологодской, Ростовской и Астраханской областях. Однако, как свидетельствуют результаты исследований, реальная интеграция малых форм хозяйствования в эти кластерные образования остается крайне ограниченной. Более того, как отмечают эксперты, создавать агропромышленные кластеры в России крайне проблематично именно из-за отсутствия среднего звена, которое в мировой практике является основой кластерных структур [9].

Проведенный анализ позволяет выделить три укрупненные группы барьеров, препятствующих полноценной интеграции малых сельскохозяйственных товаропроизводителей в кластерные структуры: институционально-экономические, структурно-организационные и социокультурные.

Институционально-экономические барьеры имеют фундаментальный характер и коренятся в сложившейся конфигурации рыночной власти в агропродовольственных цепочках. Главная проблема заключается в неравенстве рыночной власти смежных предприятий, порождающем недобросовестную вертикальную конкуренцию [3]. Монополисты — производители минеральных удобрений, химических средств защиты растений, сельскохозяйственной техники — реализуют продукцию по завышенным ценам. Организации, занимающие монопольное положение (перерабатывающие предприятия, крупные торговые сети), напротив, приобретают сырье по заниженным ценам. В результате основные транзакционные издержки несут малые и средние сель-

скохозяйственные производители, которые не имеют возможности диктовать условия контрагентам.

Особую остроту эта проблема приобретает во взаимоотношениях малых производителей с торговыми сетями. К примеру, Доклад о состоянии конкуренции в Калининградской области фиксирует развернутую систему дискриминационных условий, навязываемых сетевым ритейлом поставщикам: годовые фиксированные скидки от оборота, базовые скидки от цены прайс-листа, ежемесячные и единовременные премии, плата за размещение на паллетных местах, скидки на реализацию акционного товара, плата за изучение потребительского спроса [5]. Многие из этих платежей дублируют друг друга либо взимаются за действия, выгодные в первую очередь самому продавцу. При этом ответственность поставщика в договорах прописана тщательнейшим образом, тогда как ответственность покупателя за ненадлежащее исполнение обязательств практически отсутствует.

Столь же серьезным барьером являются длительные отсрочки платежей. Как свидетельствуют материалы обсуждения проблем малого агробизнеса, производители зачастую ожидают оплаты за поставленную продукцию по полгода и более, что при высокой кредитной нагрузке и ограниченном доступе к заемным средствам ставит их на грань банкротства.

Структурно-организационные барьеры связаны с отсутствием развитой инфраструктуры кооперации и дефицитом компетенций, необходимых для эффективного сетевого взаимодействия. Российское сельское хозяйство, как отмечают эксперты, представлено либо крупными агрохолдингами, либо мелкими фермерскими хозяйствами, тогда как среднее звено, призванное связывать эти два крайних состояния, фактически отсутствует [2]. Крупный бизнес не заинтересован в привлечении мелких производителей, предпочитая диктовать цены и условия поставок сырья. Малые хозяйства, в свою очередь, не обладают ни финансовыми, ни организационными ресурсами для самостоятельного создания кооперативных структур.

Тем не менее, подчеркиваются преимущества кластеризации: такие эффекты, как снижение транспортных затрат внутри кластера, уменьшение расходов на создание объектов инфраструктуры, формирование базы для повышения квалификации сотрудников, упрощение доступа к информации по программам государственной поддержки [1, 4, 8]. Однако реализация этих преимуществ требует предварительных инвестиций в координацию и организацию взаимодействия, которые малый бизнес осуществить не в состоянии.

Показательным примером является кластер «Донские молочные продукты» в Ростовской области. При ли-

дерстве по количеству занятых сотрудников (более 7 тысяч человек) и существенном интересе со стороны малых производителей в 2018 году заявки на вступление подали 22 предприятия и КФХ. Однако из проекта по строительству 45 молочно-товарных ферм не было реализовано ни одной постройки, что власти объяснили отсутствием кормовой базы — фермерам выгоднее сеять подсолнечник и зерновые [2]. Данная ситуация наглядно демонстрирует, что формальное членство в кластере не тождественно реальной интеграции и не обеспечивает автоматического согласования экономических интересов участников.

Социокультурные барьеры представляются наименее изученными, но едва ли не наиболее трудно преодолимыми. Исследователи в качестве одной из ключевых проблем развития кластеров в аграрной сфере называют отсутствие доверия между потенциальными участниками [10]. Аграрии не видят преимуществ в объединении, упоывая на поддержку государства для отдельного сельхозпредприятия. Длительный период трансформационных преобразований, сопровождавшийся разрывом сложившихся кооперационных связей и дискредитацией коллективных форм хозяйствования, сформировал устойчивую установку на индивидуальное выживание.

П.А. Лобанов в своем исследовании сетевых структур в российском аграрном секторе приходит к выводу о необходимости смещения акцентов в государственной политике поддержки кооперации: от помощи сельскохозяйственным потребительским кооперативам как организационно-правовым формам — к развитию сотрудничества фермеров и владельцев личных подсобных хозяйств между собой и с другими участниками агропромышленного комплекса [6]. Это принципиально важное положение: не формальные кооперативы, создаваемые «под программу», а реальные, зачастую неформальные сети взаимодействия, основанные на доверии и взаимной выгоде, должны стать объектом государственной поддержки. Однако действующая система государственного администрирования с ее жесткими формальными критериями и отчетностью плохо приспособлена к работе с такими «мягкими» объектами.

Преодоление выделенных барьеров требует не просто активизации государственной поддержки, но концептуального переосмысления самой модели интеграции малых форм хозяйствования в кластерные структуры.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что главная проблема интеграции малых форм хозяйствования в агропромышленные кластеры заключается не в отсутствии организационно-правовых форм или моделей кооперации, а в неблагоприятной институциональной среде, в рамках которой эти модели реализуются.

Формальное создание кластеров, включение в реестры, разработка стратегий и программ развития не приводят к кардинальному улучшению положения малых производителей до тех пор, пока сохраняются фундаментальные диспропорции в распределении рыночной власти вдоль производственно-сбытовых цепочек. Такой формальный подход к созданию кластеров, при котором основное внимание уделяется отчетным показателям и соответствии определенным критериям, должен уступить место политике, направленной на формирование реальных кооперационных связей и институтов доверия.

Существенным ресурсом развития кооперации малых хозяйств является использование потенциала региональных центров кластерного развития. Необходимо применять новые инструменты кластерной политики, включая расширение форм государственной поддержки за счет механизмов методической, информационно-консультационной, финансовой, правовой и образовательной поддержки. Важно подчеркнуть, что речь идет не о замещении рыночных механизмов государственным администрированием, а о создании условий, при которых кооперация становится для малого бизнеса экономически рациональным выбором, а не вынужденной мерой выживания.

Принципиальное значение имеет адресность государственной поддержки. Основным инвестиционным источником для развития села остаются кредитные ресурсы финансовых организаций, однако доступность кредитов для малых сельхозтоваропроизводителей крайне низка [5, 7, 8]. Программы льготного кредитования ориентированы преимущественно на крупный бизнес, способный предоставить ликвидное обеспечение и продемонстрировать устойчивые финансовые показатели. Малые хозяйства, даже объединенные в кластеры, остаются вне периметра этих программ.

Альтернативой может стать развитие специализированных финансовых инструментов, адаптированных к потребностям малого агробизнеса: кредитной кооперации, микрофинансирования, взаимного страхования. В настоящее время все это находится на начальной стадии развития и масштабы такой поддержки несопоставимы ни с потребностями отрасли, ни с объемами финансирования, направляемыми на льготное кредитование крупных агрохолдингов.

Обобщение результатов анализа позволяет сформулировать ряд рекомендаций по совершенствованию государственной политики в сфере интеграции малых форм хозяйствования в агропромышленные кластеры.

Во-первых, необходимо преодолеть терминологическую неопределенность и формализм в оценке кластерных инициатив. Пока в открытых публикациях государ-

ственной статистики отсутствуют систематизированные данные о наличии кластеров и результатах их развития, говорить об эффективности кластерной политики преждевременно. Требуется разработка четких, операционализируемых критериев отнесения тех или иных объединений к агропромышленным кластерам, причем эти критерии должны фиксировать не столько формальные признаки (наличие соглашения, утвержденной программы, специализированной организации), сколько реальные показатели интенсивности кооперационных связей и их влияние на экономическое положение участников, особенно малых.

Во-вторых, целесообразно смещение акцентов с поддержки кластеров как статических образований на стимулирование процессов кластеризации как динамического установления и развития кооперационных связей. Это предполагает переход от конкурсного отбора и наделения статусом «кластера» ограниченного числа объединений к широкой поддержке разнообразных форм кооперации малых хозяйств между собой и с крупным бизнесом. Принципиальное значение имеет отказ от практики «назначения» кластеров «сверху» и переход к поддержке инициатив, исходящих от самих производителей, их ассоциаций и других форм самоорганизации.

В-третьих, необходима интеграция антимонопольного и кластерного регулирования. До тех пор, сохраняется неравенство рыночной власти в производственно-сбытовых цепочках, кластерная политика рискует остаться декоративным мероприятием, не затрагивающим глубинных причин неэффективности. Ограничение дискриминационных практик торговых сетей и перерабатывающих предприятий, обеспечение прозрачности ценообразования, сокращение сроков расчетов с поставщиками, запрет скрытых комиссий и бонусов — эти меры, реализуемые в рамках антимонопольного законодательства, создают необходимые институциональные предпосылки для развития равноправных кооперационных отношений в кластерах.

В-четвертых, следует пересмотреть подходы к финансовой поддержке малого агробизнеса в рамках кластерных инициатив. Практика субсидирования процентных ставок по кредитам доказала свою низкую эффективность для малых хозяйств, не имеющих доступа к банковскому кредитованию. Более перспективными представляются механизмы, основанные на разделении рисков и затрат: софинансирование создания объектов кооперативной инфраструктуры (хранилищ, цехов первичной переработки, логистических центров), предоставление гарантий и поручительств, развитие лизинга с пониженной ставкой для малых хозяйств — участников кластеров.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Интеграция малых форм хозяйствования в агропромышленные кластеры в России сталкивается с комплексом взаимосвязанных барьеров, которые не могут быть преодолены в рамках действующей модели кластерной политики. Институционально-экономические барьеры, обусловленные неравенством рыночной власти и дискриминационными практиками взаимодействия с переработчиками и торговыми сетями, имеют фундаментальный характер и требуют системных изменений в антимонопольном регулировании. Структурно-организационные барьеры, связанные с отсутствием развитой инфраструктуры кооперации и дефицитом управленческих компетенций, могут быть снижены за счет целевых программ поддержки и развития региональных центров кластерного развития. Социокультурные барьеры, коренящиеся в дефиците доверия и отсутствии традиций сетевого взаимодействия, являются наиболее инерционными и требуют долгосрочных инвестиций в формирование кооперативной культуры.

Главным условием реальной, а не формальной интеграции малых хозяйств в кластеры является переориентация государственной политики с поддержки кластеров как организационно оформленных образований на стимулирование процессов кластеризации — установления и развития устойчивых кооперационных связей между экономически самостоятельными субъектами. Это предполагает отказ от практики «назначения» кластеров «сверху», переход к поддержке инициатив, исходящих от самих производителей, и разработку гибких, дифференцированных инструментов стимулирования кооперации, учитывающих региональную и отраслевую специфику.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка методики количественной оценки интенсивности кооперационных связей в агропромышленных кластерах и степени реальной интеграции малых форм хозяйствования. Необходимо также сравнительный анализ эффективности различных моделей государственной поддержки кластерных инициатив малого агробизнеса в регионах России с целью выявления и тиражирования успешных практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации (утв. Минэкономразвития РФ 26.12.2008 № 20615-ак/д19) // СПС Консультант плюс. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113283/ (дата обращения: 28.01.2026).
2. Агропромышленные кластеры в России: перспективы, проблемы и пути развития // Особые экономические зоны. ОЭЗ.рф. — URL: <https://xn--g1an9b.xn--p1ai/articles/agropromyshlennye-klastery-v-rossii-perspektivy-problemy-i-puti-razvitiya/>
3. Аничин, В.Л., Чугай Д.Ю. От кластерной политики к регулированию вертикальной конкуренции // Научный результат. Экономические исследования. — 2022. — Т. 8, № 4. — С. 67–81. — DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-4-0-5.
4. Воронин, Б. А. Кластеры в системе АПК: экономико-правовые аспекты: монография / Б. А. Воронин, Я. В. Воронина, С. Г. Головина [и др.]. — Екатеринбург: Издательство Уральского ГАУ, 2020. — 168 с.
5. Доклад о состоянии конкуренции в Калининградской области // СПС Гарант. — URL: <https://base.garant.ru/9756624/1a021ee51cf500830e99510141278135/> (дата обращения: 28.01.2026).
6. Лобанов, П.А. Сетевые структуры в российском аграрном секторе // Экономические и социальные проблемы России. — 2025. — № 2. — С. 99–121. — DOI: 10.31249/espr/2025.02.05.
7. Менлебаев, Р.Р. Роль и влияние государственной поддержки на развитие технологических кластеров в АПК / Р.Р. Менлебаев // Продовольственная политика и безопасность. — 2024. — Т. 11, № 4. — DOI 10.18334/ppib.11.4.122011.
8. Мирзаев, Ш., Артыкбаев А. Кластерный подход в развитии сельского хозяйства // Alfraganus. — 2024. — №1 (6). — С. 41–44.
9. Моттаева, А.Б. Актуальные тенденции кластерного развития промышленности в Российской Федерации // E-Management. — 2025. — Т. 8, №3. — С. 44–62.
10. Moga, I.S., Baykov F.Yu., Sidorenko V.S. Analysis of factors limiting the import-substituting effect of cluster development in the agro-industrial complex // BIO Web of Conferences. — 2025. — Vol. 161. — Article 00003. — DOI: 10.1051/bioconf/202516100003.

© Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИНАНСОВЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ БАНКРОТСТВА ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ЭКОНОМИКИ

FINANCIAL MEASURES TO PREVENT ENTERPRISE BANKRUPTCY IN CONDITIONS OF ECONOMIC INSTABILITY

V. Nezamaikin
V. Zvonik

Summary. This article examines modern tools used to prevent corporate bankruptcy in the context of significantly changing external conditions in which most modern companies operate. The author provides a detailed examination of financial recovery measures employed by consulting firms in the Russian Federation. While the set of methods identified by the author is not exhaustive, they provide the basis for developing models for stabilizing operations across all sectors of the national economy.

Keywords: bankruptcy prevention, consulting, financial management, finance, insolvency.

Незамайкин Валерий Николаевич

доктор экономических наук, профессор,
Российский Государственный Гуманитарный
Университет (Москва),
nezamaikinvn@mail.ru

Звоник Виктор

Российский Государственный Гуманитарный
Университет (Москва)
kakakatuw@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию современных инструментов, применяемых в рамках реализации мер по предупреждению банкротства предприятий в условиях существенного изменения условий внешней среды, в которых работает большинство современных компаний. Детально рассматриваются меры в сфере финансового оздоровления, применяемые консалтинговыми компаниями в РФ. Выделенная совокупность методов не является исчерпывающей, но именно они становятся основой для выстраивания моделей стабилизации работы во всех отраслях национальной экономики.

Ключевые слова: предупреждение банкротства, консалтинг, управление финансами, финансы, несостоятельность.

Финансовая несостоятельность предприятий становится все более актуальной проблемой не только в РФ, но и во всем мире. В значительной степени, на развитие процессов, связанных с массовыми банкротствами предприятий практически во всех отраслях, повлияли существенные социально-экономические изменения. Они вызваны как сложностями в области обеспечения стабильности деятельности компаний в условиях постпандемийного периода, СВО, дальнейшего усиления санкционного давления на РФ со стороны отдельных стран, так и экономическими сложностями, характерными для всей глобальной экономики. В таких условиях на первое место в системах управления развитием предпринимательской деятельности выходят различные финансовые меры предупреждения банкротств, что определяет необходимость их исследования.

В рамках современной теории и практики предупреждения финансовой несостоятельности выделяется значительное число различных подходов к определению сущности понятия «финансовые меры предупреждения банкротства». Это связано с тем, что в составе таких мер выделяется значительное число различных мероприятий и востребованных компаниями инструментов, которые ориентированы как на комплексное решение возникших проблем, так и на точечные воздействия на финансовое состояние предприятия и т.д.

Исходя из итогов анализа различных литературных источников (в частности, работ З.Р. Набиуллиной¹, Г.Р. Ахмиевой, Х.М. Сагаевой² и т.д.), такие меры должны рассматриваться как решения в области восстановления платежеспособности компании и предупреждения ее несостоятельности на основе развития практики управления финансовыми средствами. Такие меры могут реализовываться как со стороны менеджмента компании, так и со стороны различных групп заинтересованных лиц (собственников бизнеса, государства, инвесторов и т.д.). Последнее особенно актуально для компаний с наличием определенной социальной составляющей, а также потенциальных значительных социально-экономических последствий для общества при банкротстве таких организаций.

Общее повышение внимания к вопросам внедрения наиболее эффективных финансовых мер предупреждения банкротства связано с кратным увеличением числа

¹ Набиуллина, З.Р. Финансовая несостоятельность (банкротство) компании: сущность, проблемы, меры предупреждения / З.Р. Набиуллина // Студенческий вестник. — 2024. — № 10-5(296). — С. 18–19

² Ахмиева, Г.Р. Банкротство предприятия: причины и меры предупреждения / Г.Р. Ахмиева, Х.М. Сагаева // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2025. — Т. 13, № 5(158). — С. 39–48.

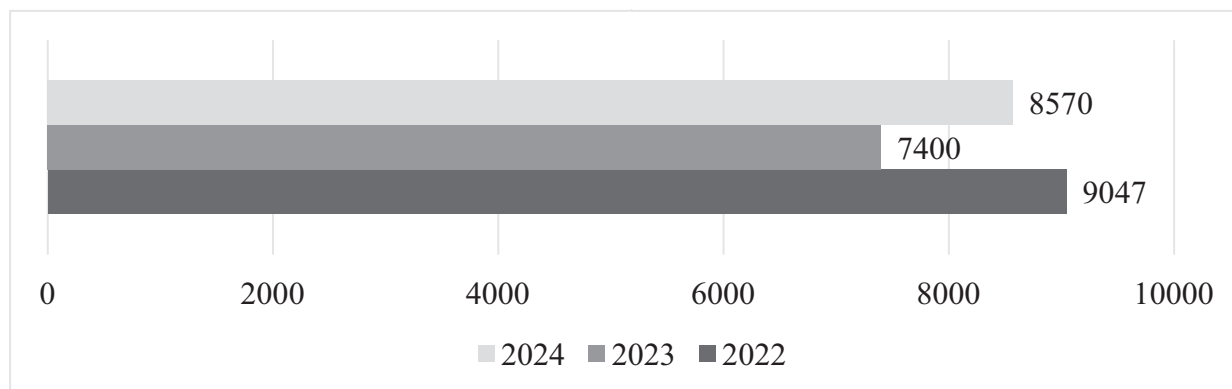

Рис. 1. Динамика числа дел о банкротствах в РФ в соответствии с данными Федресурса³

банкротств компаний в различных сферах экономики (рис. 1). Это повлекло за собой необходимость выработки наиболее адекватных современным экономическим условиям мер и адаптации инструментов к новым потребностям компаний в различных отраслях.

Среди основных экономических факторов, оказывающих воздействие на общее увеличение числа производств в сфере признания компаний банкротами, должны быть выделены:

- общие темпы инфляции, повлекшие за собой невозможность эффективного выстраивания предпринимательской деятельности ввиду усиления экономической нестабильности и сокращения возможностей для постепенного расширения работы компаний;
- снижение покупательной способности на фоне темпов инфляции, что негативно сказалось на объемах потребления и, соответственно, получаемой компаниями выручки;
- увеличение ключевой ставки ЦБ РФ и последующее удорожание привлекаемых заемных средств, не позволившее эффективно управлять заемными капиталами и повлекшее за собой необходимость ликвидации компании из-за невозможности исполнения обязательств перед финансовыми учреждениями.

Все эти факторы стали основой для повышения востребованности финансовых мер, ориентированных на предотвращение финансовой несостоятельности. В связи с чем, далее целесообразно выделить наиболее важные и востребованные среди них.

Первым из направлений развития практики реализации финансовых мер в сфере обеспечения предупреждения финансовой несостоятельности стало повышение эффективности управления дебиторской задолженностью, что связано с растущей ее долей в составе обо-

ротных активов всех хозяйствующих субъектов (рис. 2), а также постепенным увеличением длительности просрочек по платежам со стороны отдельных контрагентов. Это вынудило большинство предпринимателей развивать новые направления работы с долгами, а также адаптировать собственную практику работы к невозможности быстрого получения платежей от кредиторов при предъявлении соответствующих требований.

Одновременно с этим, рассматривая отрасль консалтинга, можно выделить наличие общей тенденции к повышению доли просроченной дебиторской задолженности (рис. 2), что стало одним из ключевых драйверов для развития мер в области выстраивания новых подходов к управлению взаимоотношениями с отдельными дебиторами, особенно с той их частью, которая характеризовалась наличием просрочек по платежам в прошлом.

В частности, еще более актуальным стали схемы по формированию взаимного долга, различные взаимозачеты и т.д., которые длительное время не рассматривались консалтинговыми компаниями как инструмент управления собственной деятельностью и поддержанием стабильности финансового положения. Распространение таких подходов к работе с дебиторской задолженностью позволяет компаниям постепенно, пусть и с некоторыми потерями, возвращать средства, тем самым повышая собственную финансовую устойчивость. Однако еще достаточно сложно судить насколько эффективны такие подходы ввиду отсутствия фактических данных и исследований относительно эффективности применения таких инструментов.

В качестве второго направления практической реализации мер в сфере обеспечения необходимого уровня финансовой устойчивости и платежеспособности, в том числе и в сфере консалтинга, стала оптимизация расходов, непосредственно не формирующих финансового результата для компании — управленческих и коммерческих затрат. Причем, данный тренд сохраняется, как и предыдущий, во всех отраслях национальной экономики:

³ Официальный сайт Федресурса [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://fedresurs.ru/> (дата обращения: 15.12.2025)

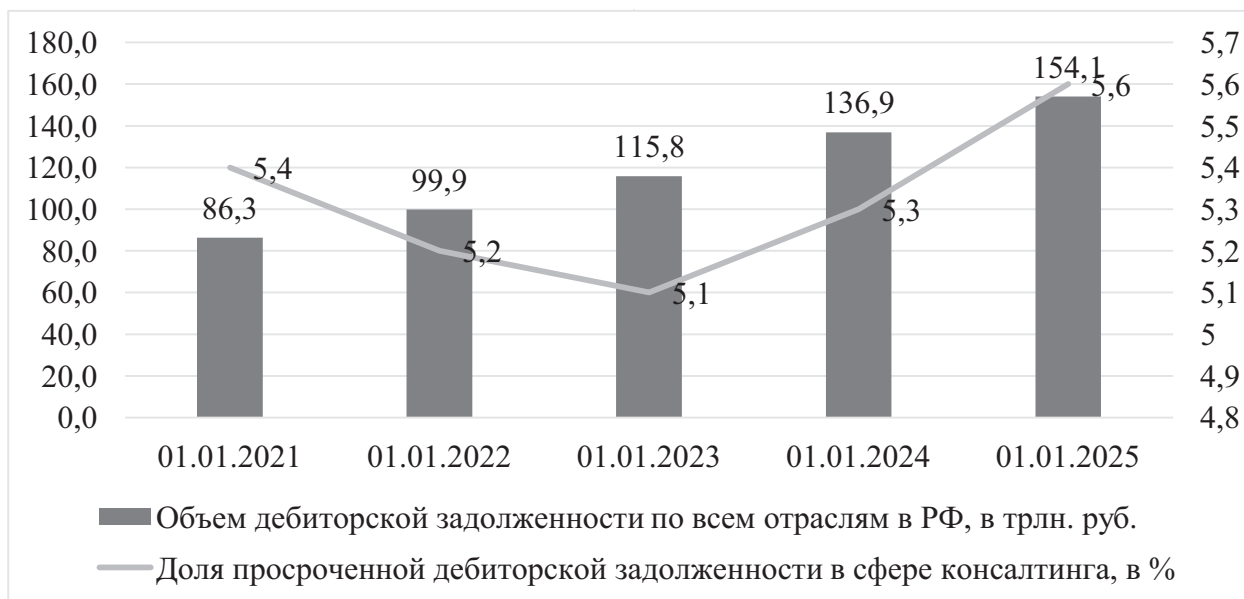

Рис. 2. Статистика показателей дебиторской задолженности в РФ в 2021–2025 гг.⁴

- с целью недопущения финансовой несостоятельности до 38 % от всего числа компаний в РФ планируют сокращать фонд оплаты труда (32 % за счет сокращения штата). Это связано с возможностями снижения расходов через автоматизацию процедур и развитие системы управления компаниями на основе использования новейших цифровых технологий;
- направлением снижения расходов для большинства компаний стало и сокращение расходов, которые не оказывают прямого воздействия на общий уровень операционной эффективности. К ним 30 % компаний отнесены затраты на обучение, 29 % командировочные расходы и 26 % траты на рекламу;
- также следует выделить, что сокращение общего объема коммерческих затрат характерно только для 25 % респондентов⁵.

В целом, именно сокращение расходов становится основной финансовой мерой в области повышения финансовой устойчивости, платежеспособности и общей эффективности деятельности ввиду невозможностей изменения рыночной ситуации, а также усложнения процессов в сфере финансового управления финансовым состоянием компании из-за проблем на национальном уровне.

⁴ Официальный сайт ЦБ РФ [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 15.12.2025)

⁵ Каждая вторая компания в России в 2026 году сократит расходы на транспорт и маркетинг [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/549671-kazdaa-vtoaraa-kompania-v-rossii-v-2026-godu-sokratit-rashody-na-transport-i-marketing> (дата обращения: 15.12.2025)

Применительно к развитию практики минимизации издержек в сфере консалтинга можно выделить несколько основных направлений, которые стали актуальны несколько последних лет (табл. 1). Представленные в таблице направления сокращения расходов становятся основой для развития управленческой деятельности в области предотвращения финансовой несостоятельности и постепенного, но эффективного, выхода компании из кризиса, а также должны рассматриваться как основа для выстраивания целостных стратегий оптимизации деятельности компаний, работающих в сфере консалтинга.

Таблица 1.

Основные подходы к сокращению издержек в деятельности консалтинговых компаний⁶

Направление	Подходы к сокращению издержек
Планомерное сокращение издержек	Управление инвестициями, персоналом, услугами. Развитие практики процесса реализации услуг
Быстрое сокращение издержек	Сокращение накладных расходов Минимизация издержек обращения Сокращение издержек по персоналу и на оплату труда
Экстренное сокращение издержек	Сокращение издержек по незначительным и допустимым затратам Перевод работы на финансирование сугубо приоритетных задач

Помимо упомянутых выше методов, в рамках развития практики использования финансовых мер предотвращения банкротства могут быть выделены:

⁶ Котов К. С. Стратегии оптимизации издержек в деятельности предприятия сферы услуг (на примере консалтингового агентства) // Актуальные исследования. 2024. №12 (194). Ч.II. С. 45-51.

— реализация мер в сфере совершенствования структуры активов исходя из критерия ликвидности и необходимости достижения целей в области сохранения необходимого уровня платежеспособности и гарантированности исполнения обязательств компаний перед клиентами. Чаще всего, реализация данного направления в деятельности консалтинговых компаний осуществляется на основе обеспечения высокой эффективности различных управленческих воздействий

Отдельно следует выделить, что совершенствование структуры активов в сфере консалтинга, достаточно часто, существенно осложнена тем, что они концентрируются в ликвидных их группах — дебиторской задолженности (которая уже была исследована ранее), денежных средствах, финансовых вложениях и т.д. Возникновение данной особенности связано со спецификой оказания услуг в сфере консалтинга и отсутствием фактической необходимости во внеоборотном капитале. В связи с чем, такая оптимизация направлена на выявление возможностей предупреждения формирования просроченной задолженности со стороны дебиторов и повышения доходности использования денежных средств;

- важным направлением развития финансовых мер предупреждения банкротства становится совершенствование бизнес-процессов, выявление неэффективных из них и определение возможностей для сокращения затрат, фактически не связанных с обслуживанием клиентов;
- также необходимым, в условиях нестабильности национальной экономики, для большинства компаний становится обеспечение наиболее эффективного управления человеческими ресурсами. Здесь ключевым направлением остается автоматизация всех основных процессов и обеспечение возможностей внедрения новейших информационно-коммуникационных технологий — искусственного интеллекта, анализа больших данных и т.д.

Ввиду особенностей деятельности консалтинговых компаний и предоставления ими услуг, высокой доли расходов на оплату труда в себестоимости, именно повышение эффективности использования человеческих ресурсов и сокращение фонда оплаты труда может стать основой для ликвидации неэффективных расходов и обеспечения достаточности капитала для предотвращения финансовой несостоятельности компании. Здесь рекомендуется использовать комплексный подход, комбинируя несколько стратегий, направленных на источник возникновения издержек;

- последним аспектом реализации мероприятий в сфере финансового оздоровления консалтинговых компаний, который хотелось бы выделить в рамках данной работы, становится использова-

ние возможностей реструктуризации задолженности, предполагающей изменение отдельных условий кредитования. Несмотря на то, что для сферы консалтинга наблюдается относительно низкая востребованность заемного финансирования, сохранение возможности и актуальность реструктуризации повышаются в условиях финансовой нестабильности из-за существенного удорожания обслуживания кредитов. Особенно заметно это на примере развития российского рынка консалтинга, когда в 2022–2024 гг. наблюдалось существенное повышение ставок рефинансирования, повлекшие за собой общее увеличение расходов на обеспечение кредитов, особенно краткосрочных. Это повлекло за собой активное использование данного инструмента, что позволило сохранить деятельность большинства консалтинговых компаний в нашей стране.

Для большей наглядности, применительно к сфере консалтинга, дополнительные финансовые методы предупреждения банкротства, выделенные выше, проиллюстрированы в таблице 2.

Таблица 2.

Расширенный перечень финансовых мер в сфере предупреждения банкротства

Направление	Подходы к сокращению издержек
Планомерное сокращение издержек	Управление инвестициями, персоналом, услугами. Развитие практики процесса реализации услуг
Быстрое сокращение издержек	Сокращение накладных расходов Минимизация издержек обращения Сокращение издержек по персоналу и на оплату труда
Экстренное сокращение издержек	Сокращение издержек по незначительным и допустимым затратам Перевод работы на финансирование сугубо приоритетных задач
Совершенствование структуры активов	Реализация непрофильных активов Обеспечение эффективного соотношения оборотных и внеоборотных активов, а также пассивной и активной частью последних Выстраивание эффективной модели управления наиболее ликвидной частью активов (для компаний в сфере консалтинга — дебиторской задолженностью)
Изменение практики управления предпринимательской деятельностью	Оптимизация бизнес-процессов в сфере финансов Развитие практики управления человеческими ресурсами с целью снижения уровня затрат Реструктуризация задолженности

Систематизируя все сказанное выше следует выделить, что в условиях российской экономики и характерных для нее тенденций усиления нестабильности, вызванных глобальными экономическими вызовами, все более актуальными для различных компаний становятся финансовые меры по предупреждению банкротства. Ввиду существенного увеличения объема дебиторской задолженности во всех отраслях, именно совершенствование управления в этом направлении, на наш взгляд, может обеспечить возможности для сохранения деятельности большинства компаний, в том числе и работающих в сфере консалтинга.

При этом все еще актуальными становятся меры в области сокращения расходов, в том числе и на оплату труда. Однако также сохраняется и актуальность других инструментов — развитие бизнес-процессов, реструктуризация задолженностей перед кредиторами, развитие практики управления человеческими ресурсами и т.д. Все эти меры могут обеспечить возможности для наиболее эффективного решения проблемы сохранения деятельности компаний в условиях нестабильности национальной экономики, на основе развития финансовых методов управления предупреждением финансовой несостоятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмиева, Г.Р. Банкротство предприятия: причины и меры предупреждения / Г.Р. Ахмиева, Х.М. Сагаева // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2025. — Т. 13, № 5(158). — С. 39–48.
2. Каждая вторая компания в России в 2026 году сократит расходы на транспорт и маркетинг [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/549671-kazdaa-vtoraa-kompania-v-rossii-v-2026-godu-sokratit-rashody-na-transport-i-marketing> (дата обращения: 15.12.2025)
3. Керн, З.Р. К вопросу об анализе финансового состояния предприятий на современном этапе / З.Р. Керн // Экономика будущего: тренды, вызовы и возможности: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Казань, 23–24 мая 2023 года / Под редакцией А.В. Гумерова, М.Ф. Сафаргалиева. — Казань: Общество с ограниченной ответственностью «АРТИТЕХ», 2023. — С. 183–187
4. Котов К.С. Стратегии оптимизации издержек в деятельности предприятия сферы услуг (на примере консалтингового агентства) // Актуальные исследования. 2024. №12 (194). Ч.II. С. 45–51.
5. Набиуллина, З.Р. Финансовая несостоятельность (банкротство) компании: сущность, проблемы, меры предупреждения / З. Р. Набиуллина // Студенческий вестник. — 2024. — № 10-5(296). — С. 18–19
6. Официальный сайт Федресурса [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://fedresurs.ru/> (дата обращения: 15.12.2025)
7. Официальный сайт ЦБ РФ [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 15.12.2025)
8. Сунгатуллина, Л.Б. Применение сценарного подхода к диагностике и предупреждению возможного банкротства предприятия / Л.Б. Сунгатуллина, Ю.И. Чупова // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. — 2023. — № 10(562). — С. 10–26

© Незамайкин Валерий Николаевич (nezamaikinvn@mail.ru); Звоник Виктор (kakakatuw@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРИМЕНЕНИЮ НАЛОГОВЫХ СХЕМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОФШОРОВ

ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF METHODS TO COMBAT THE USE OF TAX SCHEMES USING OFFSHORE COMPANIES

V. Nezamaikin
I. Bychkov

Summary. This article analyzes offshore tax optimization mechanisms and modern approaches to their regulation. It examines the key characteristics of offshore jurisdictions, the main tax liability minimization schemes, and international initiatives to combat tax evasion, including the BEPS Plan and the automatic exchange of information system. Particular attention is paid to Russian deoffshorization practices: the introduction of controlled foreign companies (CFCs), the development of transfer pricing rules, and tax monitoring. The article concludes that while existing measures improve the transparency of financial transactions, their effectiveness is limited by taxpayers' ability to adapt their schemes to new requirements, high monitoring costs, and the continued attractiveness of certain low-tax territories.

Keywords: offshore jurisdictions, tax optimization, deoffshorization, CFCs, transfer pricing, BEPS Plan, automatic exchange of information, tax administration, tax evasion.

Незамайкин Валерий Николаевич

доктор экономических наук, профессор,
Российский государственный гуманитарный
университет (Москва),
nezamaikinvn@mail.ru

Бычков Илья Сергеевич

Российский государственный гуманитарный
университет (Москва)
ilya.by.ch.bychkov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу офшорных механизмов налоговой оптимизации и современных подходов к их регулированию. Рассматриваются ключевые характеристики офшорных юрисдикций, основные схемы минимизации налоговых обязательств и международные инициативы по противодействию уклонению от налогообложения, включая План BEPS и систему автоматического обмена информацией. Отдельное внимание уделяется российской практике деофшоризации: внедрению института контролируемых иностранных компаний, развитию правил трансфертного ценообразования и налогового мониторинга. В статье делается вывод о том, что существующие меры повышают прозрачность финансовых операций, однако их эффективность ограничивается способностью налогоплательщиков адаптировать схемы к новым требованиям, высокими издержками контроля и сохранением привлекательности отдельных низконалоговых территорий.

Ключевые слова: офшорные юрисдикции, налоговая оптимизация, деофшоризация, контролируемые иностранные компании, трансфертное ценообразование, План BEPS, автоматический обмен информацией, налоговое администрирование, уклонение от налогообложения.

Масштабное использование офшоров в международной торговле и инвестициях, безусловно, представляет собой одну из наиболее острых проблем современной глобальной экономики, приводя к значительным потерям бюджетных доходов государств [6, с. 46]. Эта тенденция, к сожалению, не только подрывает финансовую стабильность, но и искажает принципы справедливой конкуренции, создавая неравные условия для участников рынка. Существующие методы противодействия, несмотря на их постоянное совершенствование, не всегда демонстрируют достаточную эффективность, что требует глубокого и всестороннего анализа.

Целью настоящего исследования является оценка результативности применяемых мер, направленных на пресечение использования офшорных схем для уклонения от уплаты налогов, а также выявление перспективных

направлений для дальнейшего развития антиофшорного регулирования. В рамках работы будут последовательно рассмотрены теоретические основы офшорных налоговых схем, проанализированы международные и национальные методы противодействия, а также проведена оценка их эффективности на основе доступных статистических данных и сравнительного анализа.

Методологической основой исследования послужили методы системного и статистического анализа, компаративистики, а также синтеза и обобщения, что позволило сформировать комплексное представление о рассматриваемой проблематике. Источниками данных выступили официальные статистические публикации национальных финансовых ведомств, а также международные базы данных и аналитические отчеты ведущих финансовых организаций.

Понятие офшора, или, как его еще принято называть, «налоговой гавани», охватывает юрисдикции, отличающиеся особыми условиями для ведения предпринимательской деятельности иностранными субъектами [8, с. 62]. Эти условия, как правило, включают не только существенно сниженные или вовсе отсутствующие налоговые обязательства, но и упрощенные требования к корпоративной отчетности, а также возможность сохранения конфиденциальности относительно истинных бенефициаров бизнеса. При этом, безусловно, критерии отнесения территорий к офшорным зонам весьма разнообразны, однако среди наиболее часто упоминаемых выделяют низкую или нулевую ставку налогообложения доходов от финансовой или иной деятельности, отказ от предоставления информации о действующем режиме налогообложения, а также наличие корпоративного законодательства, благоприятствующего созданию компаний под контролем иностранных лиц.

В научной литературе, к слову, нередко встречается типология офшорных территорий, разделяющая их на «белые», «серые» и «черные» офшоры, каждая из которых характеризуется своим уровнем льгот и прозрачности. Так, «белые» офшоры, например Ирландия или Сингапур, предлагают частичные налоговые льготы при условии наличия отчетности и раскрытия информации о бенефициарах, обеспечивая при этом минимальную конфиденциальность [10, с. 15]. «Серые» юрисдикции, такие как Белиз или Барбадос, предоставляют льготы практически по всем налогам, сохраняя при этом требования к отчетности и раскрытию данных. Наконец, «черные» офшоры, к которым относятся, например, Вануату или Маршалловы острова, отличаются полным отсутствием налогов или их незначительностью, а также отсутствием отчетности и неразглашением сведений о бенефициарах [4, с. 36].

Многообразие офшорных юрисдикций порождает и значительное число налоговых схем, используемых для минимизации налоговых обязательств. Одной из наиболее распространенных является трансфертное ценообразование, где офшорная компания выступает в качестве посредника в торговых операциях. Суть схемы заключается в занижении цены при экспорте товара из страны происхождения и последующей перепродаже его конечному покупателю по рыночной цене, что позволяет аккумулировать основную прибыль в офшорной структуре.

Другой популярной схемой является выплата роялти и лицензионных платежей. В этом случае офшорная компания регистрирует товарный знак или иной объект интеллектуальной собственности, а затем передает лицензионные права на его использование компании в юрисдикции с соглашением об избегании двойного налогообложения. Последняя, в свою очередь, заключает

сублицензионный договор с компанией в стране с высокими налогами, позволяя последней относить эти платежи на себестоимость, тем самым уменьшая налогооблагаемую базу.

Не менее распространены схемы с использованием фиктивных посредников и подрядчиков, когда создаются аффилированные офшорные компании, которые выигрывают тендеры, получают авансы, но фактически не выполняют работы или выполняют их лишь частично, а денежные средства в конечном итоге выводятся в офшорные структуры.

Схема «тонкой капитализации» предполагает выдачу материнской компанией займа дочерней фирме, после чего вместо дивидендов материнская компания получает проценты за пользование займом [5, с. 209]. Эти процентные выплаты российская компания относит на себестоимость, снижая тем самым налог на прибыль. Наконец, гибридные схемы, отличающиеся особой изощренностью, могут включать использование офшорной компании в качестве комитента, а российской — в качестве комиссионера. Сделки проводятся по поручению и за счет офшорной компании, при этом деятельность российской стороны оказывается практически безвозмездной, что, безусловно, требует наличия договора об избегании двойного налогообложения между соответствующими юрисдикциями.

Экономические и правовые последствия офшоризации, как показывает практика, весьма серьезны и многогранны. Прежде всего, это значительные потери бюджетов государств, обусловленные уменьшением налоговой базы и переводом прибыли в офшоры. По оценкам международных организаций, государства ежегодно недополучают до 200 млрд долларов США, что, безусловно, является колоссальной суммой, способной оказать существенное влияние на социальные программы и развитие инфраструктуры [3, с. 21]. Помимо этого, происходит искажение конкуренции, поскольку крупные компании, активно использующие офшорные схемы для минимизации налоговых обязательств, получают несправедливые коммерческие преимущества перед предприятиями, ведущими деятельность преимущественно на национальном уровне и соблюдающими все налоговые требования.

Нельзя не отметить и возрастающие коррупционные риски, ведь возможность совершения анонимных операций в офшорах создает благоприятные предпосылки для отмыwania нелегальных доходов, финансирования терроризма и других видов преступной деятельности. Слабое регулирование финансовых сделок в таких юрисдикциях также повышает риск неконтролируемых потоков «горячих денег», способных дестабилизировать глобальную финансовую систему. К правовым послед-

ствиям относятся уголовно-правовые риски, связанные с уклонением от уплаты налогов, репутационные риски при сотрудничестве с недобросовестными офшорными компаниями, а также риски потери наследства из-за сложностей с определением истинных бенефициаров.

В ответ на эти вызовы мировое сообщество и отдельные государства предпринимая активные шаги по противодействию офшоризации. На международном уровне значимым инструментом стал План BEPS (Base Erosion and Profit Shifting) ОЭСР, одобренный лидерами стран G20 и ОЭСР в 2013 году. Этот план включает комплекс мер, направленных на борьбу с размыванием налогооблагаемой базы и выводом прибыли из-под налогообложения, а также на совершенствование международной налоговой политики и администрирования [7, с. 131].

Важным элементом является автоматический обмен налоговой информацией (CRS), который предусматривает систематический обмен данными о финансовых счетах, принадлежащих налоговым резидентам других стран. Первые обмены в рамках CRS состоялись в 2017 году, что стало значительным шагом к повышению прозрачности. Многосторонняя конвенция по выполнению Плана BEPS (MLI), подписанная в 2017 году, позволяет внедрять согласованные государствами меры по ограничению налоговых льгот для международных структур без необходимости внесения изменений в уже действующие двусторонние международные соглашения [9, с. 95]. Кроме того, составление «черных» и «серых» списков офшорных юрисдикций, например, со стороны ЕС и FATF, влечет за собой применение различных ограничений к соответствующим компаниям со стороны регулирующих органов неофшорных стран и банков, что, безусловно, является мощным стимулом для повышения прозрачности.

Национальные меры противодействия в России также претерпели существенные изменения. Одним из ключевых нововведений стала концепция контролируемых иностранных компаний (КИК), которая предполагает, что доход зарубежной компании, контролируемой резидентами России, для целей налогообложения зачисляется в доход этих резидентов. Это положение, закрепленное в статье 25.13 Налогового кодекса РФ, исключает возможность создания необлагаемых налогом «компаний-кошельков» за рубежом [1]. Контролирующими лицами КИК считаются физические или юридические лица, являющиеся налоговыми резидентами РФ и соответствующие определенным критериям, например, владеющие более 25 % долей участия или осуществляющие контроль над КИК в своих интересах.

Уведомление о КИК обязаны подавать организации не позднее 20 марта, а физические лица — не позднее 30 апреля года, следующего за тем, в котором контроли-

рующее лицо получило прибыль или убыток от участия в КИК. За непредставление или недостоверные сведения предусмотрен штраф в размере 500 000 рублей. Уточнение правил недостаточной капитализации, отраженное в статье 269 НК РФ, ограничивает учет процентов по договорам займа, которые фактически являются дивидендным доходом, тем самым предотвращая вывод прибыли под видом процентных платежей [2]. Контроль трансфертного ценообразования был усилен разработкой и внесением положений о международных группах компаний и обмене информацией и документацией по таким группам с иностранными государствами (главы 14.4-1 и 20.2 НК РФ).

Концепция фактического получателя дохода (бенефициарного собственника) ограничивает льготы по международным соглашениям в случае осуществления транзитных финансовых операций, способствуя наполнению бюджета и предотвращению злоупотреблений. Наконец, деофшоризация госзакупок, введенная в 2015 году в закон о контрактной системе (ФЗ-44), запрещает участие в торгах компаниям, зарегистрированным в офшорах, а с 2021 года установлены новые ограничения и для «дочек» офшорных компаний.

Опыт зарубежных стран в этом вопросе также представляет значительный интерес. В США, например, еще с 1962 года в Налоговом кодексе существует специальный подраздел, посвященный контролируемым иностранным компаниям (CFC), что свидетельствует о давней истории борьбы с офшорами. Закон «О раскрытии иностранных счетов для целей налогообложения» (FATCA), вступивший в силу 1 января 2014 года, установил ряд принципов жесткого налогового регулирования для иностранных банков и финансовых институтов, обязывая их предоставлять сведения о счетах американских налоговых резидентов [11, с. 202]. В Европейском союзе антиофшорное регулирование базируется на «Сообщении по противодействию и борьбе с финансовыми и корпоративными злоупотреблениями», принятом в 2004 году, которое предполагает активизацию информационного обмена и проведение согласованной политики.

В 2015 году была принята четвертая директива ЕС по борьбе с отмыванием денег, включившая налоговое преступление в качестве предикатного преступления для отмывания денег, что значительно расширило возможности для преследования. Великобритания, в свою очередь, ввела налог на выведенную прибыль (Diverted Profits Tax), направленный на борьбу с агрессивным налоговым планированием транснациональных корпораций, а также правила против финансовых правонарушений (General Anti-Avoidance Rules, GAAR). В ЕС также действуют директивы ATAD I и II (Anti-Tax Avoidance Directives), которые устанавливают общие правила для борьбы

с наиболее распространенными схемами уклонения от уплаты налогов на уровне всего союза [12, с. 797].

Оценка эффективности применяемых мер требует четко определенных критериев и надежных источников данных. К количественным показателям, как правило, относят объем возвращенных в бюджет средств, снижение оттока капитала, а также динамику декларирования контролируемых иностранных компаний. Качественные показатели, в свою очередь, включают изменение поведения налогоплательщиков, повышение прозрачности корпоративных структур и снижение привлекательности офшорных юрисдикций.

Источниками данных для такого анализа служат национальная и международная статистика, а также аналитические отчеты. Методы анализа включают сравнительный анализ, позволяющий сопоставить результаты различных юрисдикций, и статистический анализ, который дает возможность выявить тенденции и корреляции. При этом важно учитывать, что прямая оценка эффективности зачастую затруднена из-за сложности вычленения влияния конкретной меры на общие экономические показатели, а также из-за постоянной адаптации налогоплательщиков к новым правилам, что создает эффект «гонки вооружений» между регуляторами и налоговыми оптимизаторами.

Анализ эффективности применяемых методов демонстрирует неоднозначные результаты. Внедрение международных стандартов, безусловно, привело к расширению охвата автоматического обмена информацией, что значительно повысило прозрачность финансовых потоков. Это, в свою очередь, оказало существенное влияние на практику транснациональных корпораций, вынуждая их пересматривать свои налоговые стратегии.

По данным международных организаций, после введения CRS объем средств, хранящихся в офшорах, стал более прозрачным, а количество добровольно раскрытых счетов значительно возросло [13]. Тем не менее, полная статистика выявленных нарушений и объемов доначислений по международным схемам все еще находится в стадии формирования, что затрудняет исчерпывающую оценку. Российские меры деофшоризации, в частности введение концепции КИК, также привели к заметным изменениям.

Динамика декларирования КИК с 2015 года показывает постепенный рост числа уведомлений. Наблюдается изменение структуры иностранных инвестиций и перетоки капитала из классических офшоров в более респектабельные юрисдикции, что, однако, не всегда означает полное возвращение средств в российскую экономику, а скорее их «репатриацию» в страны с более прозрачным, но все еще льготным налоговым режимом.

Объемы доначислений по трансфертному ценообразованию также демонстрируют рост, что указывает на активизацию контрольной работы.

Однако, несмотря на достигнутые успехи, существующие методы противодействия имеют ряд проблем и ограничений. Одна из ключевых проблем здесь — постоянная адаптация схем к вводимым регулятором новым правилам. Налоговые консультанты и юристы достаточно оперативно разрабатывают новые, причём всё более сложные структуры, позволяющие обходить действующее законодательство. Возникает своего рода эффект «постоянной погони», при котором регуляторы вынуждены постоянно догонять и пытаться закрывать появляющиеся лазейки. Административные издержки, связанные с внедрением и администрированием сложных антиофшорных правил, остаются значительными — как для государств, так и для бизнеса. Существует, кроме того, риск двойного налогообложения: из-за различий в национальных законодательствах и неоднозначной интерпретации международных соглашений одна и та же прибыль может облагаться налогом в двух или даже более юрисдикциях. Нельзя также игнорировать проблему миграции бизнеса в более лояльные юрисдикции. Те, которые не участвуют в международных инициативах или предлагают особенно привлекательные условия, становятся магнитом для капитала, что приводит скорее к простому перемещению проблемы, нежели к её решению.

В свете выявленных проблем и ограничений дальнейшее совершенствование системы противодействия, безусловно, необходимо. Усиление международного сотрудничества представляется одним из наиболее перспективных путей — речь идёт не только о расширении сети соглашений об обмене информацией. Унификация подходов к налогообложению цифровой экономики, которая в силу своей трансграничности особенно подвержена использованию офшорных схем, видится важнейшей задачей.

Совершенствование национального законодательства, надо признать, играет ключевую роль в этом процессе. Требуется уточнение критериев налогового резидентства — здесь остаётся немало спорных моментов, которые используются для минимизации налогообложения. Развитие института налогового мониторинга, предполагающего расширенное информационное взаимодействие между налоговыми органами и крупными налогоплательщиками, также представляется перспективным направлением. Активное внедрение цифровых технологий контроля, включая использование больших данных и алгоритмов машинного обучения для выявления подозрительных операций, открывает новые возможности, хотя и требует значительных инвестиций в инфраструктуру.

Создание стимулов для добровольной деофшоризации, наконец, может оказаться весьма эффективным инструментом. Это подразумевает проведение налоговых амнистий, позволяющих налогоплательщикам легализовать ранее сокрытые активы без значительных штрафных санкций. Развитие специальных административных районов на территории России, предлагающих льготный налоговый режим для компаний, готовых перевести свои активы из офшоров, также входит в этот комплекс мер. Такие меры способны, как показывает практика ряда стран, не только вернуть капитал в национальную экономику, но и повысить доверие бизнеса к государству.

Таким образом, эффективность методов противодействия применению налоговых схем с использованием офшорных юрисдикций является сложной и многогранной проблемой. Она требует постоянного внимания и адаптации регулирующих органов. Несмотря на достигнутые за последние годы успехи в повышении прозрачности и ужесточении контроля, полное искоренение офшорных схем пока что не представляется возможным — во многом из-за их постоянной эволюции и способности адаптироваться к вводимым новым пра-

вилам. Цель исследования по оценке результативности методов противодействия была достигнута, показав как положительные результаты, так и значительные ограничения существующих подходов.

Прогноз развития системы противодействия указывает на необходимость дальнейшего усиления международного сотрудничества, совершенствования национального законодательства с акцентом на цифровизацию и развитие превентивных мер, а также создание эффективных стимулов для добровольной деофшоризации. Практические рекомендации включают разработку гибких механизмов налогового регулирования, способных оперативно реагировать на новые вызовы, а также повышение квалификации специалистов в области международного налогообложения и финансового мониторинга. Только комплексный подход, сочетающий жесткие регуляторные меры с экономическими стимулами и активным международным взаимодействием, способен обеспечить устойчивое снижение масштабов использования офшорных схем и минимизировать потери бюджетов государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 32. — Ст. 3340.
3. Архипова В.А. Офшорные территории в мировой и российской практике // *Oeconomia et Jus*. — 2022. — №. 1. — С. 20-26.
4. Кондукторов А.С. Международная налоговая политика: Российская Федерация, Европейский Союз и «двойные стандарты» // *Lex russica*. — 2022. — №. 8 (189). — С. 35–46.
5. Лагуева И.В. Международный опыт противодействия применению тонкой капитализации для получения налоговых выгод // *Вопросы российского и международного права*. — 2024. — Т. 14. — №. 1А. — С. 209.
6. Парамонова А.В., Смирнов Е.Н. Международная конкуренция офшорных юрисдикций за привлечение иностранного капитала // *Вестник евразийской науки*. — 2020. — Т. 12. — №. 3. — С. 46.
7. Полежарова Л.В. Развитие базовых методов международного налогообложения в условиях цифровой трансформации экономики // *Экономика. Налоги. Право*. — 2020. — Т. 13. — №. 4. — С. 130–139.
8. Российские инициативы в области международного налогообложения. Изменение международного налогового ландшафта / Н.Ю. Корниенко, А.Ф. Богатырева, Г.А. Королёва, Е.Е. Минина, Е.А. Ястребова. — Москва: Дело: РАНХиГС, 2022. — 132 с.
9. Трофимов В.А. Искусственное избежание статуса постоянного представительства в контексте многосторонней конвенции по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли // *Наука. Образование. Современность/ Science. Education. The present*. — 2022. — №. 1-4. — С. 94–102.
10. Эпова Н.Р. Офшоры: конфликт интересов государства и бизнеса // *Baikal Research Journal*. — 2021. — Т. 12. — №. 2. — С. 15.
11. Эриашвили Н.Д., Остаев Г.Я., Хосиев Б.Н. Контроль операций с использованием офшорных компаний // *Аудиторские ведомости*. — 2025. — №. 2. — С. 201–208.
12. Sari D., Hermawan A., Fitriana U. Influence of profitability, company size and tunneling incentive on company decisions of transfer pricing (empirical studies on listed manufacturing companies indonesia stock exchange period 2012–2019) // *Turkish Journal of Computer and Mathematics Education*. — 2021. — Т. 12. — №. 4. — С. 796–805.
13. Гусева Т. Как работает стандарт CRS и как не попасть под автоматический обмен // РБК Компании [Электронный ресурс]. — URL: <https://companies.rbc.ru/news/rtW6j1RYZj/kak-robotat-standart-crs-i-kak-ne-popast-pod-avtomaticheskij-obmen/> (дата обращения: 08.12.2025).

© Незамайкин Валерий Николаевич (nezamaikinvn@mail.ru); Бычков Илья Сергеевич (ilya.bykh.bychkov@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МНОГОАСПЕКТНАЯ ОЦЕНКА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ИНТЕГРАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ¹

MULTI-CRITERIA ASSESSMENT OF FOOD SECURITY: THE IMPACT OF INTEGRATION AND INTERNATIONAL TRADE PROCESSES²

**I. Filimonova
A. Komarova
E. Shiyan
A. Dolganov**

Summary. The article examines food security as a multidimensional phenomenon that is shaped by economic, social, institutional, and natural-climatic factors. The paper substantiates the need to improve food security assessment tools, as existing methods and indices have limitations. The authors propose an integrated food security index based on four aspects. The index is calculated for 64 countries worldwide over the period 1992–2023 and is used for comparative analysis across macroregions, levels of socioeconomic development, and income. The results demonstrate a persistent gap between developed and developing economies and highlight the structural vulnerabilities of food systems related to social inequality, import dependence, and climate risks. The practical significance of the results lies in the potential use of the proposed index for monitoring, comparative analysis, and the development of national and regional food security strategies.

Keywords: food security, food systems, integral index, aspects of food security, macro-regions of the world, socio-economic development, income level.

Филимонова Ирина Викторовна

доктор экономических наук, профессор,
Новосибирский государственный университет
filimonovaiv@list.ru

Комарова Анна Владимировна

кандидат экономических наук, доцент,
Новосибирский государственный университет
a.komarova@g.nsu.ru

Шиян Екатерина Алексеевна

Новосибирский государственный университет
e.shiyan@g.nsu.ru

Долганов Алексей Александрович

Новосибирский государственный университет
a.dolganov@g.nsu.ru

Аннотация. В статье рассматривается продовольственная безопасность как многомерное явление, формируемое экономическими, социальными, институциональными и природно-климатическими факторами. В работе обосновывается необходимость совершенствования инструментов оценки продовольственной безопасности, поскольку существующие методики и индексы обладают ограничениями. Авторами предложен интегральный индекс продовольственной безопасности, опирающийся на четыре аспекта. Индекс рассчитан для 64 стран мира за 1992–2023 гг. и использован для сравнительного анализа в разрезе макрорегионов, уровней социально-экономического развития и дохода. Полученные результаты демонстрируют устойчивый разрыв между развитыми и развивающимися экономиками и фиксируют структурные уязвимости продовольственных систем, связанные с социальным неравенством, импортозависимостью и климатическими рисками. Практическая значимость результатов заключается в возможности использования предложенного индекса для мониторинга, сравнительного анализа и формирования национальных и региональных стратегий продовольственной безопасности.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, продовольственные системы, интегральный индекс, аспекты продовольственной безопасности, макрорегионы мира, социально-экономическое развитие, уровень дохода.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10157.

² The study was supported by grant No. 23-78-10157 from the Russian Science Foundation.

Введение

С увеличением населения и расширением потребностей возрастает необходимость в постоянном росте производства продуктов питания. В последние годы на этот процесс сильно влияют глобальные события: пандемия COVID-19, геополитическая напряжённость, санкции и климатические изменения, которые угрожают устойчивости агропромышленных систем [1]. Эти факторы дополняются социальными изменениями, включающими смену поколений, цифровизацию и изменение образа жизни, что также влияет на потребительское поведение и экономические отношения в сфере продовольствия.

Совокупное действие перечисленных факторов осложняет реализацию международных инициатив по повышению качества жизни, включая цели в области продовольственной безопасности, сокращения бедности и борьбы с голодом. Мониторинг соответствующих процессов на глобальном уровне во многом обеспечивается Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО), аккумулирующей и анализирующей данные о питании, продовольствии и сельском хозяйстве.

Так согласно докладу ФАО, в 2024 году с проблемой голода столкнулись от 713 до 757 млн человек. Каждый 11-й человек в мире не имеет достаточного доступа к продуктам питания и страдает голодом [2]. Помимо проблемы доступа к продовольствию, часть населения не имеет возможности получать безопасное и здоровое питание. По оценкам ВОЗ, в 2021 году из-за нездорового питания умерло 11 млн человек [3]. Согласно совместному докладу ЮНИСЕФ и ВОЗ, в 2019 г. 2,2 млрд человек не имели доступа к безопасному водоснабжению, 4,2 млрд — к санитарии, а 3 млрд — к базовым условиям для мытья рук [4]. Эти данные указывают на сохраняющуюся масштабную угрозу для здравоохранения и устойчивости продовольственных систем. В этих условиях закономерно возникает вопрос о том, насколько устойчивы продовольственные системы разных стран к текущим и будущим шокам и какие факторы определяют их уязвимость.

Несмотря на широкий круг исследований и наличие международных индексов, оценка продовольственной безопасности методически сложна из-за её многомерности и влияния экономических, социальных, институциональных и природно-климатических факторов. Существующие подходы часто ограничены закрытостью процедур, зависимостью от экспертных решений и неполным охватом аспектов, что снижает сопоставимость результатов.

Цель настоящего исследования — разработать и апробировать интегральный индекс продовольствен-

ной безопасности по четырём аспектам (наличие, стабильность, доступность, использование) и применить его для сравнительного анализа стран мира.

Теоретическая основа

На международном уровне, термин «продовольственная безопасность» впервые был официально употреблен в 1974 году на Всемирной конференции по проблеме продовольствия (Рим, ФАО). В дальнейшем содержание понятия уточнялось по мере расширения исследовательской и политической повестки: в Римской декларации по всемирной продовольственной безопасности (1996) продовольственная безопасность трактуется как ситуация, при которой все люди в любой момент времени имеют физический и экономический доступ к достаточному количеству безопасной пищи, необходимой для активной и здоровой жизни.

Развитие концепции продолжилось в 2009 году в Декларации Всемирного саммита по продовольственной безопасности. В ней акцент был смещен на социальную доступность и обеспечение продовольствием всех групп населения, включая уязвимые категории, а также на недопустимость использования продовольствия как инструмента политического и экономического давления. Тем самым понятие окончательно закрепило как многоаспектное, включающее не только физическое наличие ресурсов, но и механизмы доступа, устойчивость обеспечения и качество потребляемого питания.

В настоящем исследовании используется именно определение, принятое на Всемирном саммите 2009 года, поскольку оно наиболее полно отражает современное понимание продовольственной безопасности.

В России терминалогия формировалась параллельно и отражала приоритеты национальной безопасности и экономического суверенитета. В официальных документах РФ понятие «продовольственная безопасность» начинает системно употребляться в конце XX века: первое упоминание зафиксировано в Программе возрождения российской деревни и развития агропромышленного комплекса (3 декабря 1990 г.), затем термин получил юридическое закрепление в Федеральной целевой программе стабилизации и развития агропромышленного производства (18 июня 1996 г.). В проекте Доктрины продовольственной безопасности (1997) акцентировалась необходимость обеспечения населения продовольствием преимущественно отечественного происхождения.

Ключевым этапом стало принятие первой Доктрины продовольственной безопасности России (30 января 2010 г.), где продовольственная безопасность была определена как одно из ведущих направлений обеспечения национальной безопасности страны, фактор сохранения государственности и суверенитета, важнейшая состав-

ляющая демографической политики и условие повышения качества жизни граждан через гарантирование высоких стандартов жизнеобеспечения.

Таким образом, терминологический аппарат в сфере продовольственной безопасности остается широким и зависит от исследовательской и политической оптики. Однако в международном дискурсе устойчиво закрепились идея многомерности, что позволяет оперировать продовольственной безопасностью как системой взаимосвязанных аспектов. В рамках настоящей работы эта многомерность операционализируется через четыре ключевых измерения — наличие, стабильность, доступность и использование, которые далее применяются в построении интегрального индекса.

Обзор методических подходов к оценке уровня продовольственной безопасности

Оценка продовольственной безопасности в современной аналитике опирается на широкий спектр инстру-

ментов — от отдельных индикаторов до интегральных индексов (табл. 1). Для целей межстранового сравнения важно учитывать как охват аспектов продовольственной безопасности, так и воспроизводимость методики.

Таким образом, на международном уровне разработано множество методов, по оценке уровня продовольственной безопасности. Однако даже признанные подходы имеют ограничения, значимые для сопоставимого мониторинга: неполный охват аспектов, частичная закрытость процедур, зависимость от экспертных решений, разнородность метрик, а также высокие требования к данным и чувствительность результатов к процедурам агрегирования.

Наличие указанных ограничений при сохранении высокой практической потребности в сопоставимых оценках обосновывает разработку прозрачного и воспроизводимого инструмента измерения. В связи с этим далее предлагается авторский интегральный индекс продовольственной безопасности, основанный на четы-

Таблица 1.

Основные методические подходы к оценке продовольственной безопасности

Методический подход	Автор, год	Описание
Показатели продовольственной безопасности (Food Security Indicators)	Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), 1946	Первый обзор по продовольственной безопасности (1946 г.), фиксировал распространённость голода и недоедания. В настоящее время ФАО отслеживает продовольственную проблему через набор индикаторов FAO Food Security Indicators, включая целевые показатели ЦУР, данные по доступности здорового питания и распространённости голода и недоедания [5].
Глобальный индекс голода (Global Hunger Index)	Международный исследовательский институт продовольственной политики (IFPRI), Welthungerhilfe, 2000	Оценивает уровень голода на глобальном, региональном и национальном уровнях как комплексный показатель. Используется четыре индикатора: недоедание, задержка роста у детей, истощение и смертность [6].
Распространённость недоедания (The prevalence of undernourishment)	Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), 2001	Измеряет долю населения, чье потребление пищи ниже необходимого для здоровой жизни. Метод опирается на официальную статистику по ограниченному числу факторов. Оценивает преимущественно энергетический аспект питания, не учитывая качество рациона и другие структурные факторы, а вероятностный характер оценок приводит к низкой точности результата [7].
Глобальный индекс продовольственной безопасности (Global Food Security Index)	Economist Impact, 2012	Оценивает ПБ через аспекты: доступность, наличие, качество и безопасность продовольствия, устойчивость систем. Индекс учитывает не только голод, но и экономические, аграрные и институциональные параметры. Ограничение — частичная закрытость методики, использование экспертно заданных весов [8].
Шкала опыта отсутствия продовольственной безопасности (The Food Insecurity Experience Scale)	Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), 2014	Опросный индикатор, измеряющий долю людей, испытывавших нехватку пищи за последние 12 мес. Методика основана на восьми стандартизированных вопросах, Достоинства подхода — простота и низкая стоимость сбора данных. Ограничения — субъективность ответов и ограниченный объём выборки.
Композитный индекс Протея (Proteus Composite Index)	Оскар Мария Каккавале (Oscar Maria Caccavale), Валерио Джуффрида (Valerio Giuffrida), 2020	Агрегированный индекс, включающий 21 показатель по доступности, стабильности, использованию и наличию продовольствия [9]. Опирается на процедуры многокритериального анализа. Вместе с тем предъявляет высокие требования к объёму и качеству данных, может опираться на субъективные решения исследователя.

Источник: составлено авторами

рех аспектах и агрегируемый с использованием равных весов.

Алгоритм оценки уровня продовольственной безопасности с использованием индекса

Для получения сопоставимой межстрановой оценки продовольственной безопасности в работе используется интегральный индекс, построенный на четырех взаимосвязанных аспектах: наличие, стабильность, доступность и использование. Такой подход позволяет отразить как ресурсные возможности продовольственной системы, так и ее устойчивость, условия доступа населения к продуктам питания и характеристики качества и безопасности потребления. На рис. 1 представлена поэтапная формализация разработанного методического подхода.

Агрегирование показателей внутри каждого аспекта выполняется равномерным методом присвоения весов, когда каждый аспект принимает равный вес, поскольку такой метод обеспечивает наибольшую сопоставимость регионов и исключает возможность преобладания аспектов, которые очень важны для одного региона

и менее важны для других, а также соответствует гипотезе необходимости комплексного подхода. В результате индекс интерпретируется по принципу «чем выше значение, тем выше уровень продовольственной безопасности».

Индикаторы уровня продовольственной безопасности

Для полноценного описания продовольственной безопасности необходимо использование индикаторов из различных областей — экономической, социальной, институциональной, аграрной и экологической. Подбор показателей опирается на авторские гипотезы о факторах продовольственной безопасности, практику применения показателей в существующих международных индексах и доступность официальной статистики. Перечень индикаторов, сгруппированных по аспектам, представлен в табл. 2.

Для анализа выбран период 1992–2023 гг. В модель вошли данные по 64 странам мира со всех основных регионов, что детальнее отражено в табл. 3. Набор стран полноценен и позволяет сформировать представление

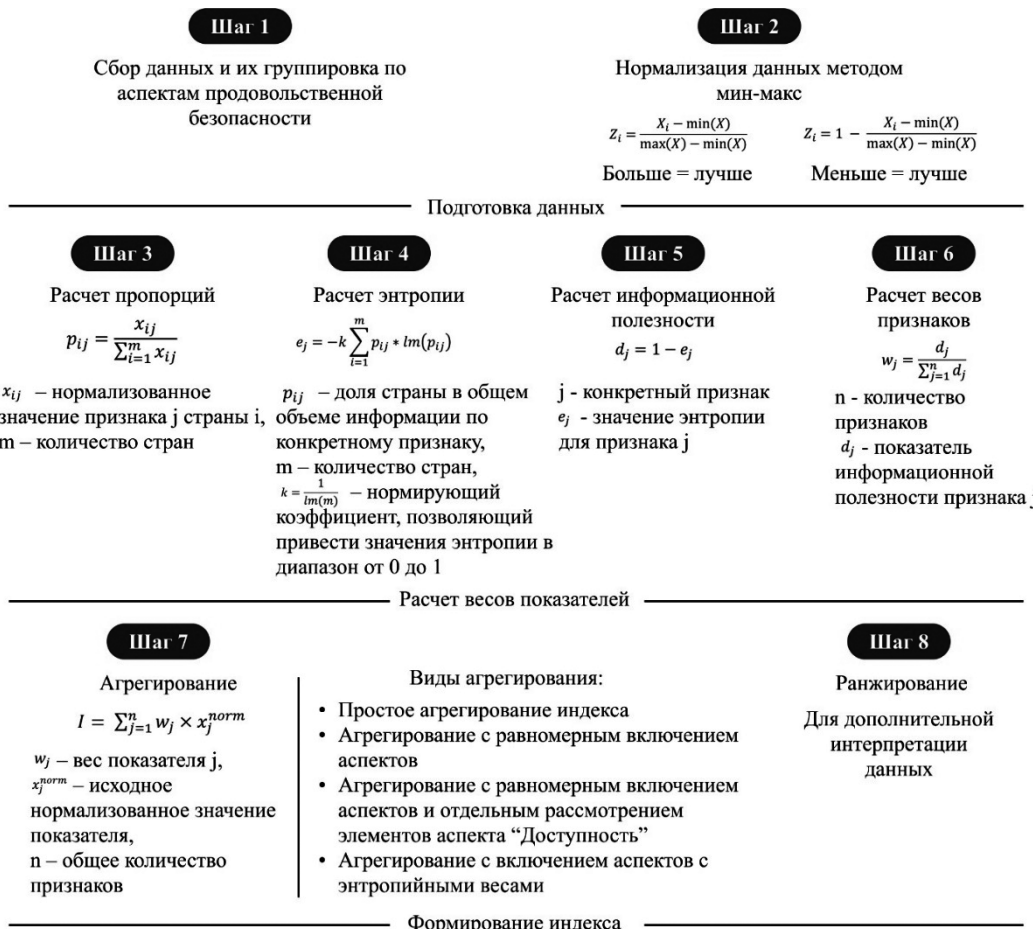

Рис. 1. Алгоритм оценки уровня продовольственной безопасности с использованием индекса

Источник: составлено авторами

Таблица 2.
Перечень индикаторов индекса по аспектам продовольственной безопасности

Использование	
Общее суточное потребление калорий на человека (ккал/чел в день)	Общее суточное потребление белка на человека (г белка/чел в день)
Общее суточное потребление жиров на человека (г жиров/чел в день)	Доля населения, использующего безопасную питьевую воду (%)
Количество используемых пестицидов на 1 гектар сельскохозяйственных земель (тонн/га)	Доля детей до 5 лет, страдающих анемией (%)
Доля населения, пользующегося как минимум базовыми услугами санитарии (%)	Доля населения, страдающего от недоедания (%)
Стабильность	
Доля электроэнергии, производимой из солнечной и ветровой энергии (% выработки электроэнергии)	Выбросы CO ₂ на душу населения (тонн CO ₂ /чел в год)
Доля сельскохозяйственных земель в площади суши страны (% площади суши)	Государственные расходы на здравоохранение (% ВВП)
Индекс государственного управления (баллы)	Площадь лесов (% площади суши)
Доля экспорта продовольствия в общем экспорте страны (%)	Доля импорта продовольствия в общем импорте страны (%)
Прямые иностранные инвестиции, чистый приток (% ВВП)	
Наличие	
Производство зерновых на душу населения (тонн/чел в год)	Производство мяса на душу населения (тонн/чел в год)
Производство овощей на душу населения (тонн/чел в год)	Производство молока на душу населения (тонн/чел в год)
Производство яиц на душу населения (тонн/чел в год)	Производство картофеля на душу населения (тонн/чел в год)
Импорт товаров и услуг (% ВВП)	Экспорт товаров и услуг (% ВВП)
Количество удобрений, применяемых на гектар пашни (тонн/га)	
Экономическая доступность	
Доля населения, живущего в крайней нищете (2,15 долл. США в день) (%)	Уровень безработицы (% рабочей силы)
Средний доход населения в день (долл. США/чел в день)	ВВП на душу населения, ППС (текущий международный доллар/чел)

Физическая доступность	
Плотность железнодорожных линий (км железных дорог / площадь страны)	Доля населения с доступом к чистому топливу для приготовления пищи (%)
Доля рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве (% рабочей силы)	Доля населения с доступом к электричеству (%)
Социальная доступность	
Индекс гендерного неравенства (баллы)	Индекс политической коррупции (баллы)
Индекс Джини (баллы)	

Источник: составлено авторами

об индексе продовольственной безопасности в полной мере, обеспечивая репрезентативность и объективность, наличие возможностей сравнительного и динамического анализа.

Таблица 3.
Набор стран, используемых в анализе, сгруппированный по регионам мира

Регион	Страны региона
Северная Америка	Канада, Мексика, США.
Южная и Центральная Америка	Аргентина, Колумбия, Бразилия, Чили, Эквадор, Перу, Тринидад и Тобаго, Венесуэла.
Европа	Австрия, Бельгия, Чехия, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Венгрия, Италия, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Испания, Швеция, Швейцария, Турция, Украина, Англия.
СНГ	Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Российская Федерация, Узбекистан.
Ближний Восток	Иран, Ирак, Израиль, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты.
Африка	Алжир, Египет, Марокко, Южная Африка.
Азиатско-Тихоокеанский регион	Австралия, Бангладеш, Китай, Гонг Конг (как автономная единица), Индия, Индонезия, Япония, Малайзия, Новая Зеландия, Пакистан, Филиппины, Сингапур, Южная Корея, Шри-Ланка, Таиланд, Вьетнам.

Источник: составлено авторами

Анализ индекса продовольственной безопасности в разрезе страновых групп

Собранная выборка охватывает широкий круг стран и позволяет провести сравнительный анализ интегрального индекса в разрезе различных группировок. Далее результаты представлены по макрорегионам мира, по уровню социально-экономического развития и по

группам стран с разным уровнем дохода. Рассмотрение результатов групп, сформированных на основании данных критериев, позволит выявить специфические аспекты развития, а также глобальные дисбалансы [10].

Группировка по макрорегионам мира

Значения индекса по макрорегионам представлены как среднее по странам, включенным в соответствующий регион (рис. 2). Это позволяет выделить типовые региональные модели продовольственной безопасности и их уязвимости.

Среднее значение индекса продовольственной безопасности для Северной Америки в период с 1992 по 2023 годы колеблется в диапазоне [0,41; 0,47]. Наиболее высокие значения демонстрируют США, наиболее низкие — Мексика. Этот регион представлен развитыми продовольственными системами, в которых достаточный уровень обеспеченности продовольствием и высокие доходы населения. Однако особенностью выступает неравномерность распределения ресурсов. В странах этого региона благоприятные показатели потребления килокалорий, белка и жиров, однако в действительности внутренние службы озабочены проблемой избыточного потребления и ожирения среди населения.

Показатели для Южной и Центральной Америки значительно ниже. Среднее значение для региона варьируется в интервале [0,21; 0,34]. Наиболее высокие значения демонстрирует Аргентина, наиболее низкие — Перу. Климатические особенности региона благоприятны для развития сельскохозяйственной сферы, из-за чего часть продукции производится в больших объемах и обеспе-

чивает высокое развитие экспортного направления. При этом в регионе высок уровень недоедания, безработицы и доли лиц, живущих ниже международной черты бедности. Таким образом, возникает парадокс — продовольствия достаточно для населения, но оно просто не имеет к нему доступа.

Наиболее высокий уровень продовольственной безопасности в среднем характерен для Европы: интервал средних значений индекса составляет [0,45; 0,51]. Страна с самым большим значением индекса по годам — Германия, самым низким — Украина. Высокие значения обеспечиваются сочетанием устойчивого аграрного сектора, развитой логистики и институтов, а также механизмов поддержки населения. Однако регион также сталкивается с проблемами, среди которых геополитические потрясения, растущая инфляция и климатические изменения.

Для стран СНГ индекс в среднем принимает значения от 0,27 до 0,40, что отражает существенную неоднородность продовольственных систем. Россия, Беларусь, Казахстан — одни из крупнейших производителей и экспортеров основных позиций продуктовой корзины. В то же время, Узбекистан и Азербайджан чаще импортируют эту продукцию. Аграрный потенциал региона сталкивается с необходимостью усиленной работы в аспектах социальной и экономической доступности.

Для стран Ближнего Востока, где среднее значение индекса по региону варьируется от 0,29 до 0,35, характерна выраженная дифференциация: богатые страны (ОАЭ, Израиль, Саудовская Аравия) компенсируют природно-климатические ограничения за счет высоких

Рис. 2. Динамика индекса продовольственной безопасности по макрорегионам мира

Источник: Построено авторами по результатам проведенных расчетов

доходов и импорта, тогда как страны с более низкими ресурсами (Ирак и Иран) остаются уязвимыми и обеспечивают ПБ за счет международной помощи и гуманитарной поддержки. Таким образом импортозависимость выступает ключевым фактором риска стабильности.

Африка является наиболее уязвимым регионом: низкие значения индекса [0,22; 0,3] обусловлены сочетанием климатических ограничений, распространенности недоедания, слабости инфраструктуры и высокой импортозависимости. Наиболее значения принимают страны Северной Африки — Египет и Марокко). Структурные проблемы проявляются одновременно по нескольким аспектам — от наличия и стабильности до доступности и использования.

Для Азиатско-Тихоокеанского региона средние значения индекса варьируются в интервале [0,25; 0,36]. Наряду со значительным вкладом региона в мировое производство продовольствия сохраняются проблемы бедности, недоедания и дефицита микроэлементов, а также неравномерного распределения ресурсов; самые высокие усредненные значения индекса у Австралии — 0,48 пунктов, самые низкие у Пакистана — 0,186. Высокие значения достигаются за счет инвестиций в инфраструктуру и институты управления.

В целом сопоставление макрорегионов показывает лидерство регионов с развитой институциональной средой и логистикой и уязвимость регионов, где ограничения носят комплексный характер. Важно, что наличие аграрного потенциала и экспортных преимуществ само по себе не гарантирует высокой продовольственной безопасности при сохранении барьеров доступности и социального неравенства.

Группировка по уровню социально-экономического развития

Для оценки влияния общего уровня развития страны были сгруппированы по классификации МВФ на развитые экономики и страны с формирующимся рынком и развивающиеся экономики. Значения индекса по группам представлены как среднее по странам, входящим в соответствующую группу (рис. 3).

В целом продовольственная безопасность развитых стран находится на более высоком уровне: среднее значение индекса за 1992–2023 гг. составляет [0,45; 0,52]. Это объясняется устойчивой институциональной средой, развитой инфраструктурой, финансовыми возможностями государства и высокой покупательной способностью населения. Вместе с тем даже в группе развитых стран сохраняются структурные уязвимости. Например, высокая импортозависимость по отдельным позициям, демографические факторы и изменения в землепользовании могут ограничивать стабильность и снижать значения индекса по отдельным аспектам [11].

В группе стран с формирующимся рынком и развивающихся экономик индекс более неоднороден и варьируется в пределах 0,25–0,34. История каждой страны в этой группе индивидуальна: у некоторых не хватает финансовых ресурсов, другие сталкиваются с проблемами институционального развития или эффективного управления, а третьи испытывают хронические трудности в нескольких сферах.

Таким образом расчеты фиксируют значительное превосходство развитых стран над развивающимися по уровню продовольственной безопасности; при этом для развитых стран чаще характерны риски долгосрочного характера, а для развивающихся — более острые

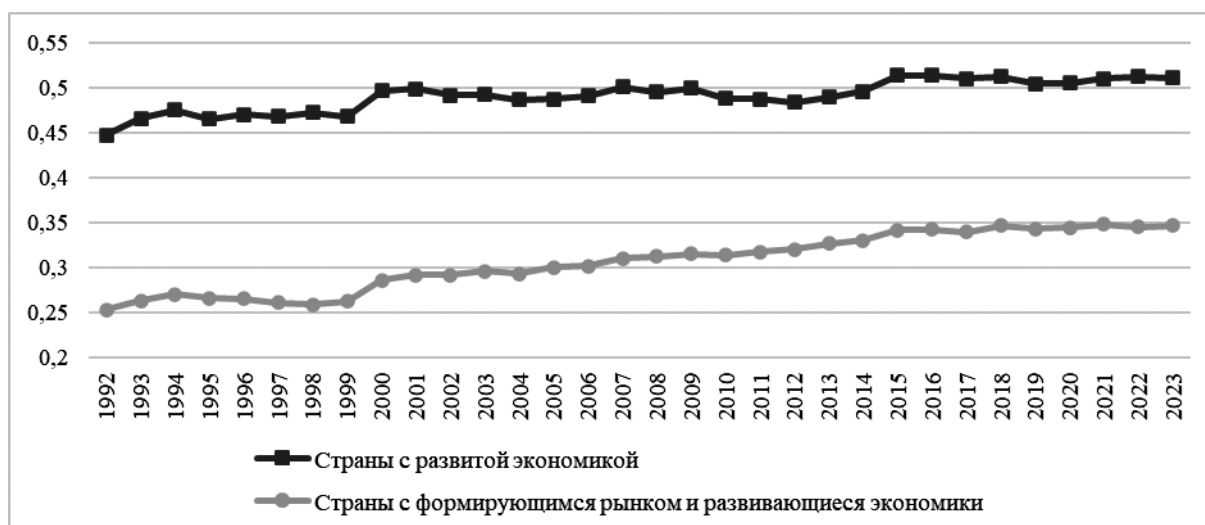

Рис. 3. Динамика индекса продовольственной безопасности по уровням социально-экономического развития
 Источник: составлено авторами на основе проведенных расчетов

ограничения доступности и устойчивости системы в реальном времени.

Группировка по уровню дохода

Для уточнения связи между экономическими ресурсами и состоянием продовольственной системы страны были сгруппированы по классификации Всемирного банка на категории по величине ВВП на душу населения. Значения индекса по группам представлены как среднее по странам, входящим в соответствующую категорию дохода. (рис. 4)

Среднее значение индекса для стран с высокими доходами находится в интервале [0,41; 0,48]. Наибольшее среднее значение в группе за период принимает оценка для Германии — 0,6, наименьшее — для Тринидад и Тобаго (0,28). Тринидад и Тобаго является стандартным примером, когда высокий ВВП на душу населения не гарантирует хорошее состояние продовольственной системы. Ориентация на нефтегазовую промышленность приносит значительные доходы в страну, однако население сталкивается с неравенством, слабой социальной защищенностью

Значительный отрыв имеют страны с доходом выше среднего. Диапазон средних значений за период — [0,25; 0,35]. Странам данной группы часто хватает ресурсов, чтобы гарантировать базовый уровень обеспечения продовольствием, однако существуют ограничения для достижения более высокого положения: нехватка экономических ресурсов, и неполноценное развитие институциональной среды, и неравенство распределения ресурсов.

Следующая группа — страны с доходами ниже среднего, диапазон средних значений за период — [0,19;

0,29]. Для стран данной группы характерны достаточно низкие доходы населения, из-за чего они не могут позволить себе полноценное питание, слабая инфраструктура логистики и хранения, из-за чего множество продуктов либо не поступает, либо переходит в разряд отходов, распространённость неравенства среди населения, из-за чего существуют социальные проблемы.

В целом расчеты подтверждают положительную связь между уровнем дохода и индексом продовольственной безопасности, однако исключения показывают, что продовольственная безопасность определяется не только уровнем дохода, но и сочетанием факторов — от импортозависимости и климатических рисков до качества институтов и социальной структуры.

Выводы

Полученные результаты подтверждают, что продовольственная безопасность имеет многомерный характер и не сводится к объемам производства или уровню дохода. Региональные и групповые сравнения выявляют устойчивый разрыв между более развитыми и менее развитыми странами, а также «нестандартные» сочетания факторов: аграрный потенциал и экспортная специализация не всегда обеспечивают высокий уровень продовольственной безопасности при наличии барьеров доступности, социального неравенства и высокой чувствительности к внешним шокам.

Предложенный интегральный индекс позволяет одновременно учесть четыре аспекта — наличие, стабильность, доступность и использование — и тем самым устранить часть ограничений оценок, основанных на единичных показателях. Преимуществом подхода является прозрачность структуры и воспроизводимость межстранового сопоставления за длительный период,

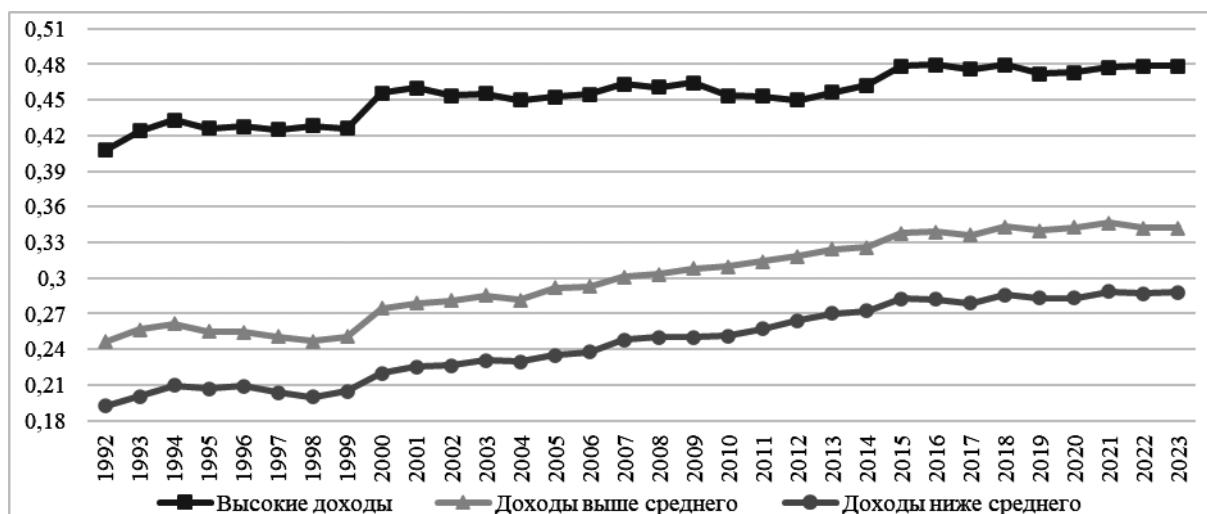

Рис. 4. Динамика индекса продовольственной безопасности по уровням дохода

Источник: составлено авторами на основе проведенных расчетов

что важно для мониторинга динамики и выявления тенденций.

Вместе с тем результаты следует интерпретировать с учетом ограничений. Во-первых, индекс чувствителен к качеству исходной статистики: международные базы данных могут содержать пропуски и различия в методах

учета. Во-вторых, итоговые оценки зависят от состава индикаторов и процедуры нормирования; целесообразны тесты чувствительности для проверки устойчивости ранжирований. В-третьих, равные веса аспектов являются нейтральным методическим допущением; в дальнейшем возможно сравнение результатов при альтернативных схемах взвешивания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комарова А.В., Филимонова И.В., Новиков А.Ю. Углеродный след сектора сельского хозяйства Новосибирской области // Международный сельскохозяйственный журнал. — 2022. — № 5(389). — С. 484–488.
2. Бузыкина Е.А. Новые продовольственные риски в условиях современного глобализирующегося общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2025. — Т. 25. — № 1. — С. 214–225.
3. Маслова Е.А. Продовольственная безопасность и климатическая повестка // Международная аналитика. — 2024. — Т. 14. — № 4. — С. 37–51.
4. Филимонова И.В., Ивершинь А.В., Комарова А.В., Кривошеева О.И. Факторы влияния на решение о рождении ребёнка и количестве детей у женщин в России // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 55–69.
5. Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире — 2023. Урбанизация, преобразование агропродовольственных систем и здоровый рацион питания в сельско-городском континууме. — Рим: ФАО. — 2023. — 150 с.
6. Wiesmann D., Biesalski H., Grebmer K., Bernstein J. Methodological Review and Revision of the Global Hunger Index // SSRN Electronic Journal. — 2015. — PP. 102139.
7. Canton H. Food and agriculture organization of the United Nations // FAO. In The Europa directory of international organizations. — 2021. — PP. 297–305.
8. Allee A., Lynd L.R., Vaze V. Cross-national analysis of food security drivers: comparing results based on the Food Insecurity Experience Scale and Global Food Security Index // Food Security. — 2021. — Т. 13. — № 5. — С. 1245–1261.
9. Caccavale O.M., Giuffrida V. The Proteus composite index: Toward a better metric for global food security // World Development. — 2020. — Vol. 126. — PP. 104709.
10. Проворная И.В., Филимонова И.В., Гладких К.Д. Оценка надежности энергоснабжения региональных социально-экономических систем Восточной Сибири и Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2024. — № 67. — С. 167–185.
11. Толстокулаков И.А. Продовольственная безопасность Южной Кореи // У карты Тихого океана. — 2011. — №22 (220). — С. 88–94.

© Филимонова Ирина Викторовна (filimonoivaiv@list.ru); Комарова Анна Владимировна (a.komarova@g.nsu.ru);
 Шиян Екатерина Алексеевна (e.shiyan@g.nsu.ru); Долганов Алексей Александрович (a.dolganov@g.nsu.ru)
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

LEGAL BASIS AND PROCEDURE FOR THE EMERGENCE OF DIGITAL RIGHTS

M. Iontsev

Summary. The article considers the grounds and procedure for the emergence of digital rights in modern law, taking into account the development of digital technologies and the digital economy. The author analyses the legal nature of digital rights, their correlation with traditional property and compulsory rights, and the specifics of their consolidation in legislation. Particular attention is paid to legal facts leading to the emergence of digital rights, including electronic transactions and the use of information systems. The study focuses on the implementation and protection of digital rights, as well as the challenges of law enforcement. It is concluded that further improvement of legal regulation is required to ensure legal certainty and stability of civilian turnover in the digital environment.

Keywords: digital rights, digital financial assets, investment agreement, distributed ledger, grounds for rights emergence, decision on the issue of digital rights.

Ионцев Михаил Анатольевич

*к.ф.-м.н., доцент, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
mikhail.iontsev@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются основания и порядок возникновения цифровых прав в современном праве с учетом развития цифровых технологий и цифровой экономики. Анализируются правовая природа цифровых прав, их соотношение с традиционными имущественными и обязательственными правами, а также особенности их закрепления в законодательстве. Особое внимание уделяется юридическим фактам, влекущим возникновение цифровых прав, включая совершение сделок в электронной форме и использование информационных систем. Исследуется механизм реализации и защиты цифровых прав, а также проблемы правоприменительной практики. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования в целях обеспечения правовой определенности и стабильности гражданского оборота в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровые права, цифровые финансовые активы, инвестиционный договор, распределенный реестр, основания возникновения прав, решение о выпуске цифровых прав.

Особенностью цифровых прав, которая отличает их от цифровых валют, как указывалось в гл. 1 настоящей диссертации, является наличие эмитента, то есть лица, обязанного перед каждым обладателем цифровых прав. Таким образом, эмитент цифровых прав и обладатель цифровых прав всегда связаны определенным обязательственным правоотношением, из которого и возникают цифровые права.

Рассмотрим момент возникновения УЦП. Согласно ч. 7 ст. 8 Закона о привлечении инвестиций, выпуск УЦП возможен только в инвестиционной платформе. При этом УЦП возникает у первого приобретателя, переходит от одного лица к другому лицу и (или) прекращается с момента внесения информации об этом в инвестиционной платформе в соответствии с правилами этой инвестиционной платформы.

Во-первых, ч. 7 ст. 8 Закона о привлечении инвестиций вводит запрет на выпуск УЦП в иных информационных системах. Вместе с тем, как подставляется, информационная система, указанная в ст. 1 Закона о ЦФА, построена по тем же технологическим принципам, что и инвестиционная платформа, позволяющая выпускать цифровые права. Таким образом, указанное ограниче-

ние представляется избыточным, а также нарушающим принцип технологической нейтральности (п.8 ст.3 закона об информации), согласно которому не допускается необоснованное установление запретов на использование информационных технологий.

Во-вторых, момент возникновения УЦП привязан к внесению записи об этом в информационную систему. Вместе с тем момент возникновения обязательственных имущественных прав, указанных в ч. 1 ст. 8 Закона о привлечении инвестиций, определяется также положениями о регулировании отдельных видах договоров, указанных во 2 и 4 частях ГК РФ. Как представляется, Закон о привлечении инвестиций является специальным. Ввиду указанного именно поэтому права в цифровой форме из договоров купли-продажи, возмездного оказания услуг, подряда, отчуждения исключительных прав и иных возникают с момента, указанного именно в ч. 7 ст. 8 Закона о привлечении инвестиций.

Таким образом, УЦП являются видом цифровых прав, которые могут быть выпущены только в информационной системе оператора инвестиционной платформы, а моментом их возникновения из любого договора является момент внесения записи в такую информационную систему.

Рассмотрим основание возникновения УЦП. В соответствии с ч. 3 ст. 8 Закона о привлечении инвестиций УЦП возникают на основании договора о приобретении УЦП, который заключается в порядке, предусмотренном ст. 13 указанного закона. Таким образом, законодатель исключает иные основания возникновения имущественных прав, предусмотренных ГК РФ. При этом из положений ч. 2 ст. 13 Закона об инвестиционных платформах следует, что по общему правилу инвестиционное предложение в числе прочего должно содержать все существенные условия договора инвестирования.

Сторонами договора инвестирования являются в силу ст. 2 Закона о привлечении инвестиций инвестор и лицо, привлекающее инвестиции. При этом лицами, привлекающими инвестиции, могут быть только юридические лица и индивидуальные предприниматели (п. 5 ч. 1 ст. 2 Закона о привлечении инвестиций). Также согласно ст. 14 Закона о привлечении инвестиций эмитенты цифровых прав должны соответствовать ряду требований, в частности, репутационным и финансовым (платежеспособность). Обладателями цифровых прав могут быть как физические, так и юридические лица. Обладатели делятся на квалифицированных и неквалифицированных инвесторов, для которых устанавливаются лимиты для приобретения утилитарных цифровых прав и предельные суммы инвестирования.

Согласно п. 1 ст. 435 ГК РФ, офертой признается адресованное одному или нескольким конкретным лицам предложение, которое достаточно определенно и выражает намерение лица, сделавшего предложение, считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение. Оферта должна содержать существенные условия договора.

В соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 2 Закона об инвестиционных платформах [1] инвестиционное предложение представляет собой предложение лица, привлекающего инвестиции, заключить с ним договор инвестирования. Из системного толкования вышеприведенных норм следует, что соответствие инвестиционного предложения требованиям п. 1 ст. 435 ГК РФ влечет распространение на него положений ст. 436 ГК РФ. Таким образом, инвестиционное предложение является офертой для заключения договора о приобретении УЦП, являющегося видом договора инвестирования.

Также представляется, что договор инвестирования является договором присоединения, так как, во-первых, как следует из ч. 4 ст. 8 13 Закона о привлечении инвестиций, существенные условия договора приобретения УЦП определяет все существенные условия договора о приобретении УЦП, а, во-вторых, ч. 4 статьи указанной статьи допускает возможность либо полного и безоговорочного акцепта инвестиционного предложения, либо отказа от него.

Рассмотрим порядок заключения инвестиционного договора, а также возможность отказа от его заключения. Соответствие инвестиционного предложения требованиям п. 1 ст. 435 ГК РФ влечет распространение на него положений ГК РФ об оферте, в том числе о сроке акцепта оферты и сроке ее действия.

В соответствии со ст. 440 ГК РФ, когда в оферте определен срок для акцепта, договор считается заключенным, если акцепт получен лицом, направившим оферту, в пределах указанного в ней срока. При этом, согласно ст. 436 ГК РФ, полученная адресатом оферта не может быть отозвана в течение срока, установленного для ее акцепта, если иное не оговорено в самой оферте либо не вытекает из существа предложения или обстановки, в которой оно было сделано.

Таким образом, если в инвестиционном предложении установлен срок для его акцепта, то оно не может быть отозвано в течение указанного срока, если иное не оговорено в инвестиционном предложении либо не вытекает из существа предложения или обстановки, в которой оно было сделано.

Согласно п. 1 ст. 441 ГК РФ, когда в письменной оферте не определен срок для акцепта, договор считается заключенным, если акцепт получен лицом, направившим оферту, до окончания срока, установленного законом или иными правовыми актами, а если такой срок не установлен — в течение необходимого для этого времени. Как следует из ч. 2 ст. 13 Закона о привлечении инвестиций, в инвестиционном предложении лица, привлекающего инвестиции, должен быть указан срок действия такого инвестиционного предложения.

Таким образом, если в инвестиционном предложении отдельно не установлен срок для акцепта, то допустимо суждение о том, что инвестиционное предложение может быть отозвано до истечения срока действия инвестиционного предложения.

Как следует из ч. 1 ст. 13 Закона о привлечении инвестиций, договоры инвестирования считаются заключенными с момента поступления денежных средств инвесторов с номинального счета оператора инвестиционной платформы на банковский счет лица, привлекающего инвестиции (реальный договор, п. 2 ст. 433 ГК РФ).

Вместе с тем, согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ, договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Так, договор о приобретении УЦП является реальным договором.

Таким образом, следует учитывать, что для заключения договора о приобретении УЦП требуется не только зачисление денежных средств, но и достижение соглашения по всем существенным условиям, предложенным

лицом, привлекающим инвестиции, и принятым инвестором.

Учитывая вышеизложенное, до момента, с которого договор приобретения УЦП считается заключенным, лицо, привлекающее инвестиции, вправе отказаться от его заключения, если иное не предусмотрено в числе прочего инвестиционным предложением. (Дополнительно следует обратить внимание, что, согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», в случае, когда в соответствии с п. 2 ст. 433 ГК РФ договор считается заключенным с момента передачи соответствующего имущества (реальный договор), следует учитывать, что это обстоятельство не освобождает стороны от обязанности действовать добросовестно при ведении переговоров о заключении такого договора. К переговорам о заключении реального договора в числе прочего подлежат применению правила ст. 434.1 ГК РФ. В частности, если в результате переговоров реальный договор не был заключен, сторона, которая недобросовестно вела или прервала их, обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки (п. 3 ст. 434.1 ГК РФ). [2]

Рассмотрим существенные условия договора о приобретении УЦП и определим его гражданско-правовой вид. Так, согласно ч. 4 ст. 8 Закона о привлечении инвестиций, договор о приобретении УЦП должен указывать вид и количество предлагаемых УЦП, а также условия и порядок осуществления УЦП.

Также, согласно п. 3 ст. 421 ГК РФ, стороны могут заключить договор, в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (смешанный договор). К отношениям сторон по смешанному договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора.

Учитывая, что УЦП могут являться правами требования передачи вещи, исключительного права или предоставления работ или услуг, то следует отметить, что в случае, например, выпуска УЦП, являющегося цифровым правом требования передачи вещи, следует применять положения договоров, которые предусматривают соответствующий вид встречного предоставления, как передача вещи (договор купли-продажи, лизинга, факторинга), оказание услуг (договор возмездного оказания услуг, перевозка), предоставление исключительных прав (договор об отчуждении исключительных прав, лицензионный договор), предоставление работ (договор подряда). Соответственно, и договор о приобретении УЦП должен содержать все существенные условия, характерные для

отдельных видов договоров, положения о которых применимы к правоотношениям, вытекающим из договора о приобретении УЦП.

Как следует из ч. 1 ст. 13 Закона о привлечении инвестиций договоры инвестирования считаются заключенными с момента поступления денежных средств инвесторов с номинального счета оператора инвестиционной платформы на банковский счет лица, привлекающего инвестиции. То есть законом предусмотрен порядок осуществления предоставлений, денежные средства инвестора предоставляются до того, как лицо, привлекающее инвестиции, осуществит исполнение со своей стороны. Таким образом, инвестор авансирует деятельность лица, привлекающего инвестиции.

Одновременно инвестиционные договоры могут предусматривать предоставление со стороны лица, привлекающего инвестиции, которое связано с передачей в собственность инвестору денежных сумм или других вещей, определяемых родовыми признаками. Таким образом, все инвестиционные договоры независимо от особенностей предоставления со стороны лица, привлекающего инвестиции, содержат в себе элемент коммерческого кредита (п.1. ч. 823 ГК РФ).

С учетом изложенного, договор инвестирования является реальным смешанным договором присоединения, который всегда содержит элемент коммерческого кредитования.

Рассмотрим момент возникновения ЦФА. Закон о ЦФА в явном виде указывает в ч. 1 ст. 2 закона о ЦФА, что права, удостоверенные ЦФА, возникают у их первого обладателя с момента внесения в информационную систему, в которой осуществляется выпуск ЦФА, записи о зачислении ЦФА указанному лицу. При этом указанный закон в явном виде не упоминает момента возникновения ЦФА. В связи с этим разумно задать вопрос, могут ли различаться моменты возникновения ЦФА и имущественных прав, удостоверенных ими? Согласно п.1 ст. 141.1 ГК РФ цифровые права — это и есть различные виды имущественных прав. Таким образом, законодатель не разделяет как самостоятельные объекты гражданского права ЦФА и имущественные права, которые им удостоверены. С учётом изложенного, следует полагать, что ч. 2 ст. 1 Закона о ЦФА определяет момент возникновения ЦФА.

Выпуск ЦФА, как следует из ч. 3 ст. 2 Закона о ЦФА, осуществляется посредством внесения записей эмитентом ЦФА в информационную систему оператора, при этом эмитентами ЦФА могут быть только индивидуальные предприниматели и юридические лица. Следует отметить, что Закон о ЦФА не предъявляет специальных требований к репутации и платежеспособности эмитентов ЦФА и ГЦП, в отличие от Закона о привлечении инве-

стиций. Вместе с тем большинство операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА, предусмотрели в правилах своих информационных систем репутационные требования и требования к платежеспособности (например, п. 5.6 правил ПАО «Альфа-банк», подп. 4.17.1 п. 4.17 правил ООО «МАДРИГАЛ», п. 4.1 и 4.2 правил ПАО «Сбербанк»). Обладателями ЦФА могут быть физические и юридические лица, которые в свою очередь делаются на квалифицированных и неквалифицированных инвесторов.

Рассмотрим основание возникновения ЦФА.

Закон о ЦФА в явном виде не указывает, что основанием возникновения ЦФА является договор между эмитентом ЦФА и владельцем ЦФА, одновременно указанный закон не устанавливает порядка заключения такого договора. Следует обратить внимание, что подобное умолчание является особенным только для ЦФА. Так, облигации возникают на основании договора займа (п. 4 ст. 807 ГК РФ), а УЦП на основании договора инвестирования (ст. 8 Закона о привлечении инвестиций).

Однако следует обратить внимание на ч. 2 ст. 2 Закона о ЦФА, в виды и объем прав, удостоверенных ЦФА, определяется эмитентом в решении о выпуске ЦФА. При этом, как следует из ч. 7 ст. 3 Закона о ЦФА, решение о выпуске ЦФА является офертой, при этом акцепт осуществляется в порядке, установленном правилами информационной системы, в которой осуществляется выпуск ЦФА.

Таким образом, решение о выпуске ЦФА является односторонним волевым актом, направленным на возникновение правовых последствий (офертой). При этом указанный акт адресован по общему правилу неопределенному кругу лиц.

Как следует из п.3 ч.2 ст.5 Закона о ЦФА операторы должны определить в правилах своих информационных систем правила выпуска ЦФА, в том числе определить о порядок, в котором осуществляется акцепт решения о выпуске ЦФА, то есть определить порядок заключения договора, на основании которого возникают ЦФА.

Так, большинство операторов информационных систем, предусматривают в правилах выражение акцепта в виде конклюдентных действий, совершаемых в системе оператора [3–5]. Одновременно следует обратить внимание, что законодательство не устанавливает порядка изменения решения о выпуске ЦФА, а также не предусматривает возможность владельца ЦФА влиять на составление условий решения о выпуске ЦФА.

Таким образом, ЦФА возникают на основании договора присоединения, офертой которого является решение о выпуске ЦФА, а акцептом, как правило, конклюдентные действия пользователей информационной системы. Кроме того, часть 1 статьи 3 Закона о ЦФА устанавливает

возможность конструирования различных договорных типов, а именно: договор, на основании которого возникают ЦФА может быть опционным (п.3 ч.1 ст. 3) или рамочным (п. 7 ч.1 ст. 3).

Рассмотрим существенные условия договора, на основании которого возникают ЦФА, и определим его гражданско-правовой вид.

В отличие от Закона о привлечении инвестиций, Закон о ЦФА устанавливает детализированные требования к содержанию решения о выпуске ЦФА, что, как представляется, в первую очередь связано с эмиссионным характером большинства ЦФА и стремление законодателя обеспечить более высокий уровень информационной транспарантности с целью защит прав, в первую очередь, неквалифицированных инвесторов [6–7].

Характеристику договора, на основании которого возникают обязательственные отношения между эмитентом и владельцем цифровых прав, можно осуществить, изучив виды встречного предоставления, которое осуществляют стороны. Если со стороны эмитента ЦФА предоставление всегда сводится к зачислению цифровых прав на адрес-идентификатор владельца, то со стороны владельца цифровых прав предоставление, может быть, только одним из видов, определенных эмитентом ЦФА. То есть вид договора определяет эмитент ЦФА.

Так, п.6. ч.1 ст. 3 Закона о ЦФА говорит о том, что решение о выпуске ЦФА в любом случае должно содержать указание на вид встречного предоставления со стороны владельца цифровых прав. В частности, указанная норма допускает предоставление денег. То есть посредством продажи ЦФА могут быть заключены, во-первых, любые договоры предметом которых является предоставление денежных средств (например, кредит, займ, страхование). Во-вторых, закон допускает осуществить предоставление владельцем цифровых прав в виде вещей или имущественных прав, так решение о выпуске ЦФА может содержать условия договора купли-продажи, факторинг, лизинг, договора отчуждения исключительных прав. При этом Закон о ЦФА в явном виде посредством использования семантической конструкции «и (или)» предусматривает возможность заключения смешанного договора.

С учетом изложенного, договор, на основании которого возникают ЦФА, является по своему типу договором присоединения, однако по усмотрению эмитента ЦФА он также может содержать элементы опционного и рамочного договорных типов, а также являться видом любого договора, предусматривающего предоставление в виде денежных средств, вещей или имущественных прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418
2. Постановление Пленума Верховного Суда от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора
3. Официальный сайт АО «Альфа-банк», <https://alfabank.ru/corporate/rko/docstariffs/>, дата обращения 10.10.2025
4. Официальный сайт АО «МРЦ» <https://mrz.ru/>
5. официальный сайт АО «СТАТУТ» <https://statut.ru/>
6. Родионов А.А. Блокчейн-технологии в гражданском праве: международно-правовой анализ систем экстренного вмешательства в смарт-контракты и перспективы для стран СНГ // Журнал юридических исследований. — 2025. — № 3. — С. 84–89.
7. Temurbek Pulatov. Smart Contracts in the Civil Law System: Problems of Legal Qualification // Uzbek Journal of Law and Digital Policy. — 2025. — Vol. 15 (№ 34), Article 298.

© Ионцев Михаил Анатольевич (mikhail.iontsev@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЗИТИВНАЯ И НЕГАТИВНАЯ СТОРОНА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

THE POSITIVE AND NEGATIVE SIDES OF LEGAL LIABILITY

M. Kobzar-Frolova

Summary. This article addresses the role and significance of the phenomenon of «legal liability.» The author notes that in recent years, a one-sided understanding of the nature and essence of legal liability has developed. Research related to legal liability is increasingly viewed from the perspective of experiencing negative consequences and the imposition of punishment. The concept of «liability» is often equated with the lesser concept of «punishment.» The author believes this diminishes and, to some extent, devalues the role and profound significance of this phenomenon. In this regard, the topic is highly relevant.

Beginning with the historiography of the phenomenon of «liability,» the author demonstrates the periodic development of this term in scholarship and addresses the debate surrounding the scope and essential meaning of this term, focusing on the positive and negative aspects of legal liability. Finally, the author presents her conclusions.

Keywords: «legal liability», positive and negative sides, protection, security, prevention, suffering negative consequences, punishment, penalty.

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна

доктор юридических наук, профессор, Главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, ФГБУН Институт государства и права РАН, Margokfmn@yandex.ru

Аннотация. В статье поднимается проблема роли и значения феномена «юридическая ответственность». Автор отмечает, что в последние годы сложилось однобокое представление о характере и сути юридической ответственности. Исследования, связанные с юридической ответственностью все больше рассматриваются с позиции претерпевания негативных последствий, наложения кары. Часто понятие «ответственность» отождествляется с менее значительным понятием «наказание». В понимании автора — это принижает, в какой-то мере обесценивает роль и то глубокое значение, которое несет в себе данный феномен. В этой связи тема представляется весьма актуальной.

Начиная с вопросов историографии феномена «ответственность», автор демонстрирует периодичность развития данного термина в науке, останавливается на дискуссии, связанной с масштабностью и сущностным значением данного термина, особо уделяя внимание вопросам позитивной и негативной стороны юридической ответственности. В заключение приводятся авторские выводы.

Ключевые слова: «юридическая ответственность», позитивная и негативная сторона, защита, охрана, предупреждение, претерпевание негативных последствий, кара, наказание.

Введение

Написание данной статьи предшествовало масштабное и глубокое историографическое исследование, итогом которой стал вывод о том, что юридическая ответственность есть разновидность общесоциального явления. Это особый вид социальной ответственности, связанный с позитивным правом страны и реальным действием юридических норм. Юридическая ответственность — плод работы законодателя, отражение потребности общества предупредить деликтность. законодательно закрепить нормы, направленные на установление общеобязательных правил, обеспечивающие, прежде всего, защиту и охрану сложившихся в обществе правовых отношений.

В последние годы сложилось однобокое представление о характере и сути юридической ответственности. Исследования, связанные с юридической ответственностью, все больше рассматриваются с позиции претер-

певания негативных последствий, наложения кары, или вовсе происходит отождествление понятий «ответственность» и «наказание». В понимании автора — это принижает, в какой-то мере обесценивает роль и то глубокое значение, которое несет в себе данный правовой институт. В этой связи тема представляется весьма актуальной.

Историография термина ответственность

Термин «ответственность» сложился относительно в недавние времена. Его философское, социальное, психологическое и иное понимание развивалось в тесной взаимосвязанности с другим понятием — обязательство, договор. Впрочем, имеется немало работ, в которых говорится о том, что понятие «ответственность» явление древнее, сложившееся в античные времена. Вместе с тем, анализируя исторические памятники юридической культуры, например, Русская правда, судебники Ивана IV и прочие мы не находим в них упоминания о данном понятии. В указанных исторических документах закреплялись положения о правилах разрешения

договорных, служебных и иных отношений указывалось на обязанность *отвечать* за выполнение взятых на себя *обязательств* [15, С. 83–91; 16, С. 71–81]. В Русской правде имеется правило об установлении наказания с возмещением ущерба [30]. Позже в средневековье и на Руси в наиболее развитых европейских странах была узаконена система наказаний (но не ответственности). При этом сам термин «*ответственность*» не использовался, повсеместно применялись термины «*обязательство*» и «*вина*».

Исследователи древнерусского языка сделали вывод о том, что на Руси искомым термин берет начало от слова «*вещать*», произошедшее в свою очередь от старославянского «*вече*» (совет или договор) [11, С.90–96]. На вече не только решались вопросы, касающиеся всей общины, включая вопросы мира и войны, но и казенные и личные. Исходя из того, что на вече люди держали ответ за свои деяния и сотворения, на вече выносили решение о каре, либо помиловании, представляется возможным не отвергать, а взять во внимание эту точку зрения.

В середине XVIII в начале XIX вв зарубежные и русские криминалисты изучали суть преступного деяния в тесной связи со степенью общественной опасности, вредоносности и неправды. Их интерес ограничивался системой и видами наказаний. Феномен ответственности не был объектом исследования.

Надо заметить, что данное понятие не использовалось и в учебниках (курсах лекций), первых русских профессоров императорских университетов (И.Е. Андреевским, Н.Н. Белявским, В.В. Ивановским, Н.С. Таганцевым, И.Т. Тарасовым, А.А. Рождественским и др.). Профессоры используют термины: предупреждение, охранение, принуждение, надзор и проч.

Описание данного термина как юридического феномена было обнаружено в работах теоретика права, цивилиста, профессора Г.Ф. Шершеневича (1910 г.). Осмелюсь предположить, что это есть одно из первых работ, направленных на раскрытие данного понятия. Можно разглядеть не случайность в том, что его разработкой занялся именно цивилист (выше упомянуто, что данный термин употреблялся применительно к договорным отношениям) [40, С.629–631]. Г.Ф. Шершеневич опираясь на труды И. Фихте и Г. Гегеля проводит линию о сознательном или небрежном нарушении *общественного договора*, сторонами которого выступает государство и гражданин. *Государство создает правила, защищает и обеспечивает их исполнение*. В ответ государство рассчитывает на предусмотрительность гражданина. В законах (правилах) показано, как должен действовать человек в тех или иных жизненных обстоятельствах. Но люди часто действуют иначе, допуская нарушение права, т.е. совершая действие противное праву [40,

С.629–631]. Нарушение права влечет за собой для виновника его ответственность, но «Нельзя утверждать, что вина = ответственность» [40, С. 638]. Ответственность — есть обязанность возместить вред. Ответственность мыслима и там, где вины нет. *В социальных связях имеет место ответственность добросовестного владельца перед собственником, при отсутствии вины* [40, С. 640]. *А наказание состоит в причинении нарушителю страданий*, отнятием у него какого-либо блага, обязанностью восстановить нарушенный интерес (возместить вред) [40, С. 640]. *Наказание — всего лишь правовая норма*. Например, гражданская ответственность строится на договоре и может существовать за пределами нарушения правил [40, С. 690–693].

В советской юридической науке вплоть до конца 40-х годов не проводились масштабные исследования по отношению сути юридической ответственности и тому были глубокие социально-политические причины [14, С. 77–85]. Первые работы выпустили представители Института государства и права, среди них — Н.Д. Дурманов и С.С. Студеникин, позже, в конце 50-х — А.Е. Лунев.

Исследуя различные стороны административно-правовой нормы, С.С. Студеникин дал некоторую характеристику административной ответственности, особое остановившись на ответственности должностных лиц органов исполнительной власти. Государство, устанавливая компетенции органам исполнительной власти, наделяет их ответственностью должностных лиц, — пишет С.С. Студеникин [37, С. 23]. Они ответственны перед гражданами за принимаемые решения, они же отвечают за нарушение правовых предписаний. «Каждый министр отвечает за свои действия (бездействие)» [37, С. 23–28]. С.С. Студеникин впервые в советской науке выделил и прокомментировал виды ответственности: административную, дисциплинарную, уголовную и материальную [37, С. 100].

Теоретик уголовного права — Н.Д. Дурманов принял попытку отграничить уголовное преступление от гражданского деликта. В его работе четко прослеживается: автор не отождествляет понятия «ответственность», «наказание», «санкция» [13]. «Наказание» — есть часть правовой нормы.

Формирование представлений о позитивной и негативной стороне юридической ответственности

Интерес к тематике юридической ответственности в среде советских ученых пробудился после «хрущевской оттепели» к концу 50-х в середине 60-х и далее в 70-е годы XX вв. Под влиянием философско-этических учений, исследования юридической ответственности начинают рассматриваться по двум направлениям: как

следствие за совершенное правонарушение (негативная сторона деяния) и как позитивный аспект (содержательная сторона общественной сознательности человека).

Вопреки распространенному представлению, что позитивный и негативный аспект юридической ответственности впервые был изучен и описан С.С. Алексеевым, найдены и более ранние работы советских ученых (60-х-70-х годов) в познании данного аспекта, например, В.Г. Смирнова [33; 34], П.Е. Недбайло [25], И.С. Самощенко [31]. В их трудах, основанных на принципах построения социалистического общества, ответственность рассматривалась, прежде всего, как проявление личной свободы: как побуждение человека, имеющего высокие моральные качества, сделать ответственной выбор, проявить инициативность, заинтересованность, добросовестно исполнять свои обязанности, быть способным принимать на себя ответственность за вынесенные решения и действия и проч. Все эти качества отражали позитивную сторону юридической ответственности. В негативном (ретроспективном) аспекте ответственность рассматривалась через исключительное, не свойственное для советского человека поведение, когда он оступился и нарушил (не исполнил) требования норм морали, нравственности, закона [35, С. 72–78]. Н.В. Витрук исследуя качества позитивной ответственности сумел описать ее базисные стороны: нравственно-политический, социально-психологический аспект, мотивация, гражданский долг, мораль и требовательность к самому себе и последствиям своего поведения [8]. Небезынтересно: П.Е. Недбайло внес решительное уточнение в вопрос о сути юридической ответственности: она наступает в тот момент, когда лицо приступает к исполнению своих обязанностей, а не когда оно их не исполнило или выполнило недобросовестно [25, С.51].

Является заблуждением, что позитивная ответственность явление временное, — пишет видный административист — Н.И. Матузов. Это не принудительное, а глубоко осознанное личное правило человека — нести ответственность за надлежащее исполнение своих обязанностей. Это самоконтроль за своими действиями. Позитивная ответственность предполагает положительную оценку поведения человека (реакцию) со стороны коллектива, общества, государства [24, С. 208]. Н.А. Стручков писал: ответственность в позитивном значении есть внутренний стимул человека к надлежащему поведению, а негативная сторона оборачивается — внешним воздействием на субъекта правоотношений через применение санкции нормы права [36].

В конце 70-х — середине 80-х открылись широкие дискуссии по вопросу о сути и назначении юридической ответственности, ее последствиям. Академик В.С. Нерсесянц писал, что у юридической ответственности есть две стороны: одна — связана с принятием субъектом

на себя обязанностей отвечать за свои действия (решения, поступки) в рамках предоставленных ему прав и возложенных полномочий (позитивная ответственность), вторая — с претерпеванием лишений в случае неисполнения обязанностей и нарушения норм права (ретроспективная ответственность) [26, С. 353].

В целом, не противореча предыдущим авторам, М.А. Краснов предлагал юридическую ответственность рассматривать как цельное явление, но имеющее два аспекта бытия: — обязанность действовать правомерно (позитивный аспект); и второе, — наступление неблагоприятных последствий в противоположных случаях (негативный аспект) [17, С. 77]. Аналогичной позиции придерживались Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский и др. [38, С. 131–173, 213–224, 228–232] Т.Н. Радько, очевидно верно, подчеркивал: нельзя не видеть, что между ответственностью позитивной и негативной существует диалектическое единство. Чем выше уровень ответственности в позитивном смысле, тем менее вероятность наступления ответственности в негативном [29, С. 17]. Д.А. Липинский предпринял попытку подытожить дискуссию: позитивная юридическая ответственность характеризуется добровольностью исполнения субъектами своих обязанностей, а негативная (ретроспективная) ответственность — есть следствие принудительного воздействия» [22, С. 22]. Много сил отдали вопросам изучения позитивной ответственности профессора: С.С. Алексеев, В.Н. Кудрявцев, Б.М. Лазарев, Е.А. Лукашева, В.М. Чиквадзе, Б.С. Эбзеев, Л.С. Явич и другие. Вместе с тем, в конце 80-х — начале 90-х и далее интерес исследователей стал тяготеть к изучению ретроспективной ответственности. Позитивный аспект стал размываться, либо замалчиваться вовсе.

В 90-е годы большое влияние на дальнейшие исследования в области юридической ответственности оказали работы И.А. Галагана. Несомненным достоинством его работ было то, что он обобщил научные труды своих предшественников в этой области и сделал собственные выводы. И.А. Галаган выступал с резкой критикой работ, в которых приоритет отдавался позитивной ответственности (напр. работ Г.Б. Виттенберга, В.М. Горшенева, Н.А. Стручкова, О.М. Якубы и др.). «Так ответственность рассматривать нельзя», нельзя превращать юридическую ответственность «из реального правового явления в какую-то априорную категорию» — заключает И.А. Галаган. Юридическая ответственность есть «государственно-правовое» явление, и оно не может рассматриваться в отрыве от правоохранительной деятельности. Она производна от управленческой деятельности, как специфический способ внешнего государственного воздействия на поведение лица, совершившего правонарушение [10, С. 109–117]. Это «...одна из самых репрессивных форм государственного принуждения» [10, С. 118]. «Вопрос о соотношении ответственности и наказания

(взыскания) должен быть решен в пользу их полного отождествления. Это однопорядковые правовые понятия. Они стоят рядом, и одно без другого существовать не может» [10, С. 120]. И.А. Галаган один из первых вывел определение юридической ответственности (излагается кратко): это применение уполномоченными на то органами мер государственного принуждения (наказания), содержащимися в санкциях правовых норм, к виновным, ...это государственное осуждение и порицание, ... преследует задачи кары, исправления или перевоспитания виновных, а также охраны общественных отношений и борьбы с правонарушениями [10, С. 131].

Представляется важным заметить — в 80–90-е годы ни уголовное, ни административное законодательство не ставят задачей ответственности — кару, наказание, лишение. При всей тщательности подхода И.А. Галагана к исследованию оно однозначно тяготеет к трем составляющим: государственное управление, властные отношения, принуждение. Все остальные подходы им жестко критикуются. Вместе с тем у И.А. Галагана нашлось множество последователей, поддержавших его идеи. Например, А.С. Дугенец в 2005 году защищая докторскую диссертацию, пишет: «деление ответственности на позитивную и негативную устарело и не соответствует реалиям действительности». Оно «может быть и соответствовало духу советского общества 70-х годов, но в настоящее время, устарело» [12, С. 10, С. 46]. Свои аргументы А.С. Дугенец строит на функциях юридической ответственности — карательной и правовосстановительной [12, С. 10, С. 46]. Однако, сложно согласиться с данным доводом. Действующие Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) не своей целью — наказание (кару). Согласно п. 1 ст. 2 задачами УК РФ являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, ... от преступных посягательств, ... предупреждение преступлений. УК РФ устанавливает какие деяния признаются преступлениями, и закрепляет виды наказаний за совершение преступлений [2]. Аналогичные задачи ставит законодатель в КоАП РФ. Поэтому, если говорить о функциях, то они вне сомнения — защитные и охранительные.

Отождествление юридической ответственности с государственно-властным велением, принуждением, наказанием стало приоритетным в научных работах Д.Н. Бахраха, Л.Л. Попова, Н.Г. Салищевой, Ю.Н. Тихомирова, А.П. Щергина и др.

Надо сказать, что имеется немало научных работ, в которых также не поддерживается существование юридической ответственности в двух аспектах [32, С. 15–31]. Весьма категоричен О.Э. Лейст: «юридической ответ-

ственностью называется применение мер государственного принуждения... для восстановления нарушенного правопорядка и (или) наказания лица». Иные рассуждения «теоретически несостоятельны, практически бесплодны». Наиболее уязвимым звеном идеи позитивной стороны ответственности является невозможность в правовой норме проследить ее свойства и качества. Признание позитивного характера ответственности не только не соответствует природе этого явления, но и усложняет решение многих проблем в науке. Это явление «застоя» [21, С. 626–642]. Его поддержали А.С. Шабуров [39], И.Л. Петрухин [28], В.М. Баранов и др. Последний выразил мнение, что «позитивная юридическая ответственность не может иметь правовую природу», «это искусственная теоретическая конструкция», которая позволяет «разбухать» ей «до невероятных и ненужных пределов» [5, С. 504, 505].

Вместе с тем, были твердые сторонники, отстаивающие принципиальную значимость идеи позитивной юридической ответственности, как социально-значимого явления. Так, весьма убедительным выглядят комментарии по данной теме академика В.Н. Кудрявцева: нужно учитывать, что позитивная ответственность, понятие более широкое, чем просто обязанность (долг) — это правоотношение, состоящее из нескольких элементов. А в правоотношении права и обязанности субъектов корреспондируют друг другу, они знают и понимают суть своей обязанности. Субъект отношений вправе рассчитывать на гарантии и обеспечение защиты своих прав, вправе самостоятельно защищать их [18, С. 286–287; 19, С. 11]. Ретроспективная ответственность, есть лишь специфический метод обеспечения позитивной ответственности. Её главный смысл — пробудить в правонарушителе и в окружающих чувство ответственности за свои поступки в будущем, понимание социального значения своего поведения [18, С. 286–287; 19].

Позже, в начале 2000-х данные выводы были поддержаны в совместной работе Н.И. Матузова и А.В. Малько, по мнению которых для формирования в обществе устойчивого правового климата важны оба аспекта — позитивный (перспективный) и негативный (ретроспективный). Ретроспективный аспект ответственности преобладает в научных исследованиях, — пишут авторы, но такой подход «обедняет, сужает существо проблемы ответственности и выглядит односторонним и не полным». В этом случае на первый план выходит «карательно-принудительный момент» [23]. Они также пишут о значении самоконтроля, самодисциплине человека и делают конечный вывод: утверждение, что позитивная ответственность «не имеет практического значения... не верно» [23].

Обзор научных исследований современников в исковой сфере дает основания утверждать, что аспекты

позитивной стороны юридической ответственности не находят должной заинтересованности авторов. Все больше исследуется карательно-наказательная сторона правоотношений. А.П. Альбов отметил, что в исследованиях по юридической ответственности наметился интегративный подход к правопониманию сути. Представляя юридическую ответственность как сложный механизм, он пишет, что основная его задача состоит в обеспечении соблюдения норм права, обеспечении порядка и справедливости [4, С. 8–23; 27].

Небезынтересными видятся рассуждения Б.М. Лазарева [20]: в правовом государстве не только граждане и организации имеют определенные обязанности и несут перед ним ответственность. Но и государство, и все органы власти, их должностные лица обладают обязанностями и несут ответственность перед гражданами и организациями. Формирование правового государства связано с «максимальным обеспечением... ответственности государства перед гражданами и гражданина перед государством...» [20, С. 101]. То есть юридическая ответственность в понимании ученого — это взаимные обязательства государства и каждого (-ой) гражданина и организации.

Очевидным видится вопрос: а разве нет проявлений юридической ответственности в том, что государство обязано выполнять свои социальные функции (платить пенсии, обеспечивать безопасность граждан, защищать их, соблюдать права и законные интересы, гарантировать их и проч.)? Что же это как не юридическая ответственность государства? Заслуживающими внимания представляются выводы Н.В. Витрука, которые он сделал исходя из постулатов ныне действующей Конституции Российской Федерации (ст. 2, 18, ч.3 ст. 17). Юридическая ответственность проявляется во взаимной связи государства и общества. Тем самым она обеспечивает гарантии конституционности, правопорядка и законности при реализации прав и свобод человека и гражданина. Чтобы свободы не превратились в анархию и произвол, они должны состоять в тесной связи с ответственностью. Чем полнее общество наполнено свободами, тем выше требования к ответственности, которую обеспечивает государство, используя для этого основанное на законе принуждение [7].

Продолжая свое познавательное исследование Н.В. Витрук задается вопросом: «в чем же состоит родовое единство позитивного и негативного аспектов юридической ответственности?» И находит ответ: общее — в субъективном отношении лица к своему поведению, как правомерному, так и неправомерному. Это не механическое выполнение требований норм права, а осознанно ответственное поведение лица [8].

Заключение и выводы

Приведенные в данной работе дискуссии и рассуждения отдельных авторов по вопросу существования юридической ответственности позволили сделать вывод о том, что юридическая ответственность — сложный социальный феномен. Теоретики права выработали учение о двойственности природы юридической ответственности, выявив ее позитивный и негативный (ретроспективный) аспект. Позитивный аспект связан с действием свобод и проявляется во взаимной связи и наличия взаимных обязанностях у граждан и государства [6, 8, 9, 18, 19]. Чем выше уровень социальной организации общества, тем больше прав государство может предоставить каждому гражданину и гарантировать их обеспечение. В свою очередь объем прав и действующие гарантии, повышают требования к социальной сознательности каждого гражданина, самодисциплине, самоконтролю и ответственности перед государством и обществом.

Несмотря на то, что негативный аспект ответственности в трудах российских исследователей превалирует, теория позитивной стороны юридической ответственности не только не утратила свою силу, но и не позволяет всю область юридической ответственности сузить до проблематики принуждения, наказания, лишений.

Юридическая ответственность в позитивном и негативном аспекте явление цельное неразделимое. Если первое существует всегда, то наступление второго, во многом зависит от воли и сознания человека и может не наступить в его жизни никогда. Чем выше уровень человеческого сознания (в позитивном смысле), тем меньше вероятность наступления негативных последствий (ответственности). Родовое единство позитивного и негативного аспектов юридической ответственности состоит в их дуалистическом единстве. Субъект права и в том, и в другом случае несет ответственность — дает отчет своему поведению, как правомерному, так и неправомерному. Позитивная ответственность явление не временное, а постоянное, идущее на протяжении всей жизни человека. Это глубоко осознанное свойство (качество) человека нести ответ за свои действия, надлежащее исполнение принятых на себя обязательств.

Принципиально важным является вывод о том, что в социальной среде юридическая ответственность рассматривается как правоотношение, одной из сторон которого выступает государство, с другой — граждане, предприятия, организации. Каждая из сторон обладает набором прав и обязанностей. Государство, защищая своих граждан, устанавливает правила должного поведения, закрепляя их в правовой норме. С позитивной стороной ответственности каждый гражданин знакомится в раннем детстве, посредством воспитания, примера взрослых, обучения и прочего. Вырастая и становясь

полноценным субъектом правоотношений, такой гражданин в полной мере пользуется свободами, правами и принимает на себя обязанности. Для гражданина социума нет надобности изучать систему и виды наказаний, ему достаточно соблюдать установленные правила и нести обязательства. В этом случае большинство граждан не столкнется с понятием ретроспективная ответственность. Потому что закон — сам по себе является мерой превентивной, предупреждающей нарушение нормы

права. Законодатель, устанавливая новые правила, прежде всего, должен быть уверен, что это правило имеет превентивную функцию и направлено на предупреждение правонарушений, а не на лишения и кару, что это новое правило укрепит в законопослушных гражданах уверенность в том, что их права и свободы защищены правовой нормой. И в этом тоже есть отражение сущности позитивной ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)// Официальный текст опубликован на <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025)// Собр. законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954
3. Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т. 1. М., Юрид. лит., 1981. 359 с.
4. Альбов А.П., Пищулин А.В. Юридическая ответственность как компонент правовой реальности // Современный юрист. 2023. № 2. С. 8–23.
5. Баранов В.М. Юридическая ответственность // Теория государства и права / Под ред. В.К. Бабаева. М., 1999. С. 504, 505.
6. Виноградова Е.В. Право и свобода. Границы закона. Статья: сборник статей по материалам круглого стола «Система административного права», под ред. М.Н. Кобзарь-Фроловой, 2023, С.146-149.
7. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М.: РАП, 2008. 304 с.
8. Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР: монография. М., Юрид. лит., 1985. 175 с.
9. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОРМА, 2009. 432 с.
10. Галаган И.А. Административная ответственность. В книге Иван Александрович Галаган и его научное наследие: монография. Под ред Ю.Н.Старилова, Воронеж, Изд-во Воронежского унив-та, 2001, 544 с.
11. Григорян Е.Л. Значение ответственности в синтаксическом представлении//Логический анализ языка: Языки этики.-М.: Языки русской культуры, 2000. С.90–96.
12. Дугенец А.С. Административная ответственность в российском праве.; дисс. докт.юрид наук., М. ВНИИМВД РФ, 2005, 328с.
13. Дурманов Н.Д. Понятие преступления: монография отв.редактор д-р юрид. паук проф. М.Д. Шаргородский Изд-во Академии Наук СССР, М.: 1948
14. Кобзарь-Фролова М.Н. От государственного права до административного права и административного процесса: путь длиною в 85 лет//Государство и право, № 10, 2021, С. 77–85.
15. Кобзарь-Фролова М.Н. Ответственность как философский и социальный феномен (историографическое и теоретико-правовое исследование)// Государство и право, №10, 2025, С.83–91.
16. Кобзарь-Фролова М.Н. Феномен юридической ответственности: от идеи до реальности (теоретико-правовое исследование)// Государство и право, №12, 2025, С.71–81.
17. Краснов М.А. Юридическая ответственность — целостное правовое явление // Советское государство и право. 1984. № 3. С. 77.
18. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., Наука, 1986. 486 с.
19. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., Юрид.литература, 1978. 191с.
20. Лазарев Б.М. Что такое правовое государство? / Право в нашей жизни, №1, 1990, 267с.
21. Лейст О.Э. Содержание (объем) понятия «юридическая ответственность» // Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М., Юрист, 2001. 667 с.
22. Липинский Д.А. Формы реализации юридической ответственности: монография, Волжский унив им. В.Н.Татищева,, 1999. С. 22.
23. Малько Н.И., Матузов А.В. Теория государства и права: учебник. М., Юрист 2004. С. 217.
24. Матузов Н.И. Правовая система и личность: монография. — Саратов, Изд-во Саратовского университета, 1987. 293с.
25. Недбайло П.Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3. С. 51–59.
26. Нерсесянц В.С. Право и закон. Из истории правовых учений: монография / В.С.Нерсесянц. — М.: Наука, 1983. — 366 с.
27. Палеха Р.Р. Современное отечественное правопонимание: состояние и перспективы развития: монография / Палеха Р.Р.;вступ. статья Сорокина Ю.В., М.: РАП, 2010. с. 110.
28. Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М., 1999. С. 248–250
29. Радько Т.Н. Юридическая ответственность как общая форма реализации социальных функций права // Труды Высш.следственной школы МВД СССР. Волгоград, 1974. Вып. 9. С. 17.
30. Русская правда (пространная редакция). Пер. М.Б.Свердлова. Б-ка литературы древней Руси. Т. IV. https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14.
31. Самощенко И.С. Сущность юридической ответственности в советском обществе [Текст] — М.: О-во «Знание» РСФСР, 1974. — 44 с.
32. Самощенко И.С., Фарушкин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., Юрид. лит., 1971. С. 15–31.
33. Смирнов В.Г. Уголовная ответственность и уголовное наказание // Правоведение. 1963. № 4. С. 79–84.

34. Смирнов В.Г. Функции советского уголовного права: монография, Изд-во Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А.А.Жданова. — Л-д : 1965. — С. 21.
35. Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Сов. государство и право. 1979. № 5. С. 72–78.
36. Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, Изд-во Саратовского унив-та, 1978, 273 с.
37. Студеникин С.С. Советское административное право, М., Юрид.лит., 1949, 308 с.
38. Хачатуров РЛ. Общая теория юридической ответственности: [монография] /Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. — СПб: Юрид. центр-Пресс, 2007. С. 131–173, 213–224, 228–232.
39. Шабуров А.С. Политические и правовые аспекты социальной ответственности личности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 9, 15–16.
40. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права, М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1910, 833 с.

© Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна (Margokfmn@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ ПРИСВОЕНИЯ И РАСТРАТЫ

CRYPTOCURRENCY AS A SUBJECT OF APPROPRIATION AND EMBEZZLEMENT

S. Lukianov

Summary. The article discusses the issue of recognizing cryptocurrencies as the subject of embezzlement and misappropriation. The author suggests criteria for recognizing cryptocurrencies as the subject of embezzlement and misappropriation. Cryptocurrency is considered not only as a legal, but also as an economic category, which is manifested in equal analysis of the current realities of the civil circulation of cryptocurrencies, the legislation of the Russian Federation and judicial practice.

Keywords: embezzlement and misappropriation, stealing, cryptocurrency, property, other estate.

Лукьянов Савелий Андреевич

Аспирант,

Сибирский Федеральный Университет (г. Красноярск)

sobratri@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о признании криптовалюты предметом присвоения и растраты. Автор предлагает критерии для признания криптовалюты предметом присвоения и растраты, и предметом хищения в целом. Криптовалюта рассматривается не только как правовая, но и как экономическая категория, что проявляется в равном анализе действующих реалий гражданского оборота криптовалюты, законодательства Российской Федерации и судебной практики.

Ключевые слова: присвоение и растрата, хищение, криптовалюта, собственность, иное имущество.

Криптовалюта является неотъемлемой частью гражданского оборота. Велико и число правовых исследований, посвященных криптовалюте. При этом, вопрос о признании криптовалюты предметом присвоения и растраты, имея ввиду особый предмет этих преступлений — имущество, вверенное виновному, изучен не столь подробно. Итак, целью настоящей работы является получение ответа на вопрос о том, является ли криптовалюта предметом присвоения и растраты. В целях объективного, всестороннего и последовательного рассмотрения вопроса, статья представлена в виде двух разделов: 1) является ли криптовалюта предметом хищения; 2) является ли криптовалюта предметом присвоения и (или) растраты?

1. Является ли криптовалюта предметом хищения?

Для ответа на данный вопрос целесообразно разделить анализ на два блока: 1.1 Является ли криптовалюта имуществом в общеправовом смысле? 1.2 Является ли криптовалюта имуществом, с точки зрения института хищения? Положительный ответ на оба вопроса будет означать, что криптовалюта является предметом хищения.

1.1. Является ли криптовалюта имуществом в общеправовом смысле?

Термин имущество был выбран не случайно, с одной стороны категория имущества знакома каждому человеку, а с другой, она используется для описания предмета хищения в законодательстве Российской Федерации и доктрине Российского уголовного права.

Согласно статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) к объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), **иное имущество**, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага [1] (выделено мной). Данное определение не позволяет однозначно ответить на вопрос о том, является ли имуществом криптовалюта.

Позиции ученых по рассматриваемому вопросу целесообразно разделить на две категории, одни авторы признают криптовалюту имуществом, другие — нет.

Так, например, И.А. Астраханцева и Р.Г. Астраханцев относят криптовалюту к иному имуществу по смыслу ст. 128 ГК РФ, поскольку, по мнению авторов, понятие иного имущества включает в себя те объекты, которые прямо не поименованы в ст. 128, но фактически являются объектами гражданского оборота, как, например, криптовалюта [2, С. 9].

Не высказывая итогового суждения, представляется обоснованной позиция авторов по включению криптовалюты в категорию иного имущества, поскольку на сегодняшний день криптовалюта активно используется гражданами России в имущественном обороте и может

использоваться в качестве средства платежа, что является существенным основанием для признания криптовалюты имуществом.

М.М. Долгиева также признает криптовалюту имуществом, но приводит иной аргумент — по мнению автора, признание криптовалюты имуществом необходимо для обеспечения гражданско-правовой и уголовно-правовой защиты прав граждан [3, С. 110].

В.Н. Гаврилов пишет, что криптовалюта относится к иному имуществу и является одной из разновидностей вещей по смыслу гражданского законодательства [4, С. 9].

Интерес представляет позиция А.И. Савельева, который относит криптовалюту к иному имуществу методом исключения, так как криптовалюта является объектом гражданских прав, но не подходит ни под одно из существующих определений объектов гражданских прав, таких как деньги, вещи и бездокументарные ценные бумаги [5, С. 136–153].

Мнение о признании криптовалюты имуществом также высказывается в работах Р.М. Янковского [6, С. 51–52], В.В. Качалова [7, С. 21], А.П. Алексеенко и Ю.В. Лапшиной [8, С. 122].

Некоторые авторы отказывают криптовалюте в статусе имущества. Так, А. Чурилов пишет: «таким образом, не выполняя ни одну из признанных традиционных функций денег, не будучи частью международной либо национальной платежной системы и выступая как средство обмена и платежа лишь в узком кругу энтузиастов, криптовалюта не относится по своей сущности и правовой природе к деньгам. В настоящее время ни Биткоин, ни иная криптовалюта не могут быть причислены к какому-либо виду объектов гражданских прав, в связи чем, представляется целесообразным внести соответствующие изменения в Гражданский кодекс РФ» [9, С. 99]. Разделяет эту позицию и Э.Л. Сидоренко: «очевидно, что и криптовалюта не может быть объектом гражданских прав ввиду отсутствия правовых гарантий участников сделки» [10, С. 132].

Отметим, что изложенные в предыдущем абзаце позиции авторов свидетельствуют об отсутствии должного правового регулирования криптовалюты в Российской Федерации, (что действительно имело место на момент написания авторами статей — 2016 и 2018 год соответственно, т.е. до появления закона «О цифровых финансовых активах»), но принципиальных возражений против признания криптовалюты имуществом, авторы не высказывают.

Таким образом, позиция о признании криптовалюты имуществом является приоритетной в Российской науке.

На наш взгляд справедливо отнести криптовалюту к имуществу. Во-первых, в современной России криптовалюта есть неотъемлемая часть гражданского оборота, она имеет стоимость и представляет экономическую ценность. В этом аспекте криптовалюта не уступает безналичным денежным средствам, бездокументарным ценным бумагам и цифровым активам, которые законодатель относит к разновидностям иного имущества.

Во-вторых, владелец криптовалюты обладает в отношении нее полномочиями собственника. Согласно пункту 1 статьи 209 ГК РФ, собственнику принадлежит право владения, пользования и распоряжения своим имуществом. У каждой криптовалюты есть открытый ключ (уникальный компьютерный код), который позволяет установить, что конкретному лицу принадлежит определенная криптовалюта в определенном количестве. Каждый собственник криптовалюты обладает закрытым (приватным) ключем, который обеспечивает доступ к криптовалюте и возможность распоряжения ею путем продажи, обмена и т.п., подобному тому, как владелец банковской карты получает доступ к своим электронным деньгам посредством PIN-кода. Таким образом, владелец криптовалюты может распоряжаться ею по своему усмотрению любым не запрещенным законом способом, а иные лица, знают, что данная криптовалюта является для них чужой и у нее есть законный собственник. При таком подходе, владелец криптовалюты мало чем отличается от владельца автомобиля, денежных средств или бездокументарных ценных бумаг.

В-третьих, цифровая валюта, одной из разновидностей которой является криптовалюта, уже является имуществом по смыслу законодательства о налогах и сборах [11], несостоятельности (банкротстве) [12] и исполнительном производстве [13], криптовалюта может являться предметом конкурсной массы, взыскания и ареста. Следовательно, криптовалюта является имуществом и по смыслу гражданского законодательства, ибо недопустима ситуация, когда в момент покупки и использования криптовалюты она имуществом не является, но при инициации процедуры банкротства внезапно становится таковым.

Дополняет изложенное Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2021 года N 44-КГ20-17-К7, в котором Верховный Суд пришел к выводу о возможности предоставления встречного обязательства путем отчуждения криптовалюты [14, С. 9]. Так, с 30.01.2018 по 05.02.2018 года со счета Довгаль С.Ф. против ее воли мошенническим путем была списана сумма денежных средств в размере 930 000 рублей. Как оказалось, эти денежные средства перечислялись на счет Пашина А.С., который, однако, добросовестно получал данные денежные средства, так как в обмен на них в период с 30.01.2018 по 05.02.2018 года передавал криптовалюту

своему неизвестному контрагенту на платформе сервиса «BTC Banker». Верховный Суд РФ заключил, что действия Пашина законны, он правомерно получил денежные средства в обмен на эквивалентное предоставление криптовалюты, поэтому денежные средства необходимо взыскивать с неизвестного лица, которое мошенническим действием рассчиталось с Пашиным за счет денежных средств Довгаль. Примечательно, что Верховный Суд не стал разбирать вопрос о природе криптовалюты, решив, что она *a priori* является имуществом и частью гражданского оборота.

Таким образом, ответ на первый вопрос утвердительный — криптовалюта является имуществом в общеправовом смысле.

1.2. Является ли криптовалюта имуществом, с точки зрения института хищения?

Согласно классическому учению о хищении, предметом хищения является имущество, обладающее тремя признаками [15, 16 и 17]: 1) физический — оно является объектом материального мира; 2) экономический — оно обладает стоимостью; 3) юридический — оно не изъято из свободного гражданского оборота и является чужим для виновного.

То что криптовалюта обладает экономической ценностью и является чужой для виновного, сомнений не вызывает, определенные дискуссии вызывает признак физический, ведь криптовалюта есть информационная запись, не имеющая материальной оболочки, которую можно «потрогать руками». Может ли в таком случае криптовалюта являться предметом хищения?

Мнения отечественных авторов разделились на два блока: одни признают криптовалюту предметом хищения, вторые такой подход отрицают.

А.А. Коренная и Н.В. Тыдыкова относят криптовалюту к предмету хищения, поясняя, что ключевым обстоятельством является экономическая ценность криптовалюты, так как именно ценность объекта является основанием для уголовно-правовой охраны прав его владельца [18, С. 413]. Авторы так же поясняют, что криптовалюта имеет материальную оболочку — цифровой код.

Акцент на ценности криптовалюты представляется абсолютно верным. Второй аргумент, о том, что криптовалюта имеет материальную оболочку в виде цифрового кода, на наш взгляд не обязателен, поскольку цифровой код является способом создания записи о криптовалюте в информационных системах, способом получения доступа к ней, но это не делает криптовалюту материальной вещью и не меняет ее природы.

М.Г. Иванов и М.Э. Мирзоян также считают, что криптовалюта является предметом хищения, указывая на то, что криптовалюта выполняет основную функцию имущества — дает собственнику состояние присвоенности, которое позволяет собственнику определять судьбу имущества путем продажи, дарения, обмена [19, С. 172]. Авторы также приходят к выводу, что термин «материальное» означает существующее независимо от человеческого сознания, и в этом смысле, криптовалюта ничуть не уступает любому другому имуществу, а значит, физический признак предмета хищения в полной мере реализуется.

К.В. Ображиев пишет, что в рамках уголовного права криптовалюту следует признать предметом хищения по инструментально-правоприменительным мотивам, ведь оборот криптовалюты нельзя оставить без уголовно-правовой охраны [20, С. 71,75 и 77].

Н.И. Пикуров подчеркивает необходимость уголовно-правовой охраны криптовалюты, поясняя, что отсутствие у криптовалюты материальной оболочки не отменяет необходимости признать криптовалюту предметом преступлений против собственности, поскольку оборот криптовалюты законом не запрещен, а, следовательно, уголовное право должно охранять интересы участников имущественного оборота [21, С. 61, 69].

Встречаются и противоположное мнение. Так, Н. Шатикина считает, что к предмету хищения относится только имущество, имеющее физическую оболочку [22].

В.В. Хилюта полагает, что криптовалюта может быть предметом некоторых преступлений, но отказывает ей в статусе предмета хищения на том основании, что криптовалюта есть бестелесное имущество и в отношении такого объекта можно лишь противоправным образом приобрести права на него, незаконно пользоваться им и т.д., но похитить в рамках учения о хищении путем перенесения имущества из одного места в другое невозможно [23, С. 58–68]. Тем не менее, автор однозначно указывает на необходимость уголовно-правовой охраны отношений с криптовалютой и другими нематериальными активами, предлагая ввести категорию «преступления против оборота объектов гражданских прав».

Таким образом, большинство авторов признают криптовалюту предметом хищения. Противники такого подхода отказывают ей в статусе предмета хищения, но тем не менее, указывают на необходимость уголовно-правовой охраны отношений, связанных с криптовалютой.

На основе изложенного, выделим два тезиса: 1) криптовалюта обладает экономической ценностью и широко используется гражданами России; 2) права граждан, использующих криптовалюту, должны быть защищены го-

сударством, в том числе с помощью уголовно-правовых норм.

Отсюда следует, что для защиты прав граждан необходимо либо признать криптовалюту предметом хищения, либо создать для нее специальную норму в уголовном законе.

Первый подход выглядит более надежным и обоснованным по ряду причин. Во-первых, признавая криптовалюту предметом хищения, мы защищаем права граждан уже сейчас, а не в будущем. Во-вторых, любое изменение уголовного закона, и даже предложение по его изменению, является крайне ответственным и не всегда обоснованным шагом, что видно из огромного количества неиспользуемых норм действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В-третьих, одним из критериев закона является его доступность для граждан, но вряд ли им будет понятно, почему автомобиль у них похищают, а криптовалюту нет.

Отметим, что безналичные денежные средства отнесены законодателем к предмету хищения — по пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ запрещается кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств [24]. Таким образом, отнесение криптовалюты к предмету хищения является решением последовательным.

В первом чтении Государственной Думы принят законопроект № 907782-8 о принятии федерального закона «О внесении изменений в статью 104-1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Согласно статье 1 предлагаемого закона, примечание к статье 104.1 УК РФ необходимо дополнить пунктом следующего содержания: «Для целей настоящей статьи и других статей настоящего Кодекса цифровая валюта признается имуществом». В случае принятия таких изменений, статус криптовалюты как имущества, в уголовном праве, закрепится официально.

Вывод о признании криптовалюты предметом хищения находит свое отражение в судебной практике. Так, кассационным определением от 15.11.2023 года № 88-УДП23-7-К8, Верховный Суд Российской Федерации признал правомерной квалификацию действий Дудникова по п. «д» ч.2 ст. 161 УК РФ, как хищение криптовалюты в форме грабежа [25]. Дудников, действуя из корыстной заинтересованности, заблокировал ООО «...» доступ к принадлежащей обществу компьютерной информации, содержащейся на 17 серверах. Вследствие действий Дудникова общество не смогло распоряжаться принадлежащей ему компьютерной информацией, а равно выполнять договоры с контрагентами. После блокировки компьютерной информации Дудников от-

правил обществу письмо по электронной почте, с требованием перечислить ему 2 BTC (биткойна), что составляло 1 261 838,3 руб. (из расчета 1 BTC = 630 919,15 руб.), в случае отказа, Дудников угрожал уничтожить компьютерную информацию, что повлекло бы убытки в размере 300–400 миллионов рублей для общества. 16 февраля 2020 года общество оформило заем в размере 0,8 BTC (биткойнов) и перевело эти деньги на указанный Дудниковым электронный кошелек. Таким образом, по мнению Верховного Суда РФ, Дудников совершил преступление, предусмотренное п. «д» ч.2 ст. 161 УК РФ. В отношении криптовалюты, суд указал, что отсутствие законодательной определенности правового статуса «биткойнов» не свидетельствует об отсутствии материального ущерба, поскольку ООО «...» понесло убытки, возместив стоимость биткойна в денежном эквиваленте по договору займа, заключенному с Е. [26].

Таким образом, Верховный Суд, в данном определении, признал криптовалюту предметом хищения, поскольку она имеет материальную ценность и может быть выражена в денежном эквиваленте. Данный вывод реализуется и в практике кассационных судов общей юрисдикции. Например, кассационным определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06.06.2023 года по делу № 77-1296/2023 суд признал правомерным квалификацию действий обвиняемого как грабеж (ст. 161 УК РФ) криптовалюты, указав, что криптовалюта используется в гражданском обороте, имеет материальную ценность и может быть обменена на денежные средства или другие материальные блага, и следовательно, криптовалюта является разновидностью иного имущества по смыслу ст. 128 ГК РФ и предметом хищения.

Кассационным определением Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2023 года по делу № 77-5316/2023 криптовалюта признана предметом хищения на том основании, что криптовалюта является разновидностью цифровой валюты, которая может быть конвертирована в рубли и (или) валюту зарубежных стран, может быть принята в качестве средства платежа, а значит, имеет материальную ценность и является предметом хищения [27].

Таким образом, криптовалюта является предметом хищения.

2. Является ли криптовалюта предметом присвоения и растраты?

Теперь, когда мы пришли к выводу о том, что криптовалюту можно признать предметом хищения, необходимо ответить на вопрос о том, является ли криптовалюта предметом таких преступлений как присвоение и (или) растрата?

У присвоения и растраты особый предмет — имущество, вверенное виновному. Согласно пункту 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», вверенным признается такое имущество, которое находилось в правомерном владении либо ведении виновного лица, которое в силу должностного или иного служебного положения, договора либо специального поручения осуществляло полномочия по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении чужого имущества [28].

Так как уголовное право является охранительной отраслью права, то решать вопрос о том, находится ли имущество в правомерном владении или ведении, необходимо на основании положений регулятивных отраслей права. Итак, нам предстоит понять — может ли криптовалюта быть вверенной по смыслу действующего правового регулирования?

Из положений частей 5 и 6 ФЗ «О цифровых финансовых активах» следует, что граждане и организации могут хранить свое имущество в криптовалюте, покупать, обменивать и продавать криптовалюту, не вправе только принимать криптовалюту в качестве средства платежа [29]. Соответственно, в организациях есть сотрудники, которые наделены правами и несут обязанности по хранению, управлению, пользованию и распоряжению криптовалютой, находящейся на балансе таких организаций. В сети «Интернет» существует большое количество официальных вакансий, предлагающих должность так называемого трейдера (trade с английского означает торговля), в обязанности которого входит продажа криптовалюты организации и покупка новой криптовалюты на биржах.

Более того, существует огромное количество криптовалют с разной рыночной стоимостью, не меньше и криптовалютных бирж, каждая из которых предлагает разные расценки на одни и те же криптовалюты. Отсюда следует и возможность заработка на разнице курсов. Такая рыночная ситуация порождает наличие исполнителей (подрядчиков), которые предлагают собственнику криптовалюты услуги по управлению и распоряжению

криптовалютой, с целью наращивания криптовалютного капитала. Существуют целые организации и фонды, предлагающие такие услуги.

Таким образом, криптовалюта активно передается в управление на практике и может быть вверена по смыслу действующего правового регулирования.

Определенным подтверждением такого вывода является приговор Мещанского районного суда города Москвы от 20.09.2023 года по делу № 1-990/2023, которым Иванов А.С. осужден по ч.4 ст. 160 УК РФ за присвоение криптовалюты в особо крупном размере [30]. В 2017–2018 годах Иванов являлся администратором Сингапурской криптовалютной биржи «World Exchange Services Pte. Ltd.» (далее — «WEX»), которая предоставляла пространство для обмена, покупки и продажи криптовалюты. В полномочия Иванова входило техническое, административное и финансовое управление работой криптобиржи, Иванов обладал как сведениями об объеме и стоимости активов криптобиржи и отдельных ее пользователей, так и имел в управлении активы криптобиржи. 24 октября 2018 года Иванов заблокировал доступ к криптовалюте собственнику биржи и всем ее пользователям, получив возможность единолично распоряжаться криптовалютой «WEX». После чего, Иванов присвоил себе 3 167 433 649 рублей 36 копеек в различных криптовалютах (Bitcoin, Litecoin, Ethereum и т.д.). Суд квалифицировал действия Иванова как присвоение в особо крупном размере по ч.4 ст. 160 УК РФ. Приговор оставлен в силе судами апелляционной [31] и кассационной [32] инстанций.

Квалификация суда вытекает из описанного в приговоре, Иванов обладал правом управлять и распоряжаться криптовалютой, не будучи ее собственником, т.е. криптовалюта была вверена Иванову.

Таким образом, основываясь на позиции ученых юристов в области уголовного права, текущем законодательстве Российской Федерации и судебной практике, можно сделать вывод о том, что криптовалюта может быть предметом присвоения и растраты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая: ГК часть первая: текст с изменениями и дополнениями на 30 июля 2023 года: [принят Государственной Думой 21 октября 1994 года]. // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.08.2025).
2. Астраханцева И.А., Астраханцев Р.Г. Экономическая сущность и правовой статус криптовалют // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2020. № 4. С. 8.
3. Долгиева М.М. Цифровые активы и уголовное законодательство России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1. С. 110.
4. Гаврилов В.Н., Рафиков Р.М. Криптовалюта как объект гражданских прав в законодательстве России и ряда зарубежных государств // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 57.

5. Савельев А.И. Криптовалюта в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–153.
6. Янковский Р.М. Криптовалюта в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 51–52.
7. Качалов В.В. Получение взятки криптовалютой: вопросы квалификации // Союз криминалистов криминологов. 2020. № 2. С. 21.
8. Алексеенко А.П. и Лапшина Ю.В. Проблемные аспекты определения правового статуса криптовалют в России // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. № 2. С. 122
9. Чурилов А. К вопросу о правовой природе криптовалюты // Хозяйство и право. 2016. № 9. С. 99.
10. Сидоренко Э.Л. Правовой статус криптовалют в Российской Федерации // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. С. 132.
11. Российская Федерация. Законы. Налоговый кодекс Российской Федерации часть первая: НК часть первая: текст с изменениями и дополнениями на 30 июля 2023 года: [принят Государственной Думой 16 июля 1998 года: одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 года]. // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.08.2025).
12. Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002 года № 121-ФЗ: [принят Государственной Думой 27 сентября 2002 года: одобрен Советом Федерации 16 октября 2002 года]. // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.08.2025).
13. Российская Федерация. Законы. Об исполнительном производстве: федеральный закон от 02.10.2007 года № 229-ФЗ: [принят Государственной Думой 14 сентября 2007 года: одобрен Советом Федерации 19 сентября 2007 года]. // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.08.2025).
14. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2021 № 44-КГ20-17-К7 года [Электронный ресурс]. Доступ из юридической информационной системы «Легалект». — Режим доступа: <https://clck.ru/3Q8NqK> (Дата обращения: 15.08.2025).
15. Бойцов А.И. Преступления против собственности. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. С. 110, 132, 151;
16. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. — «Норма: ИНФРАМ», 2012. С. 51.;
17. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, О.Р. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова — Москва: «Проспект», 2021. С. 375.
18. Коренная А.А., Тыдыкова Н.В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 3. С. 413.
19. Иванов М.Г., Мирзоян М.Э. Виртуальная валюта как предмет хищений // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. № 4. С. 172.
20. Ображиев К.В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал Российского права. 2023. № 2. С. 71, 75, 77.
21. Пикуров Н.И. Проблемы определения юридической природы криптовалюты для квалификации преступлений против собственности // Вестник университета Прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 4. С. 61, 69.
22. Шатихина Н. Несколько ремарок к вопросу о криптовалюте как предмете хищения // [Электронный ресурс]. Доступ из юридической информационной системы «Закоп.ру». — Режим доступа: <https://clck.ru/3Q8Nkt> (Дата обращения: 15.08.2025).
23. Хилюта В.В. Криптовалюта как предмет хищения (или к вопросу о реформировании предмета преступлений против собственности) // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 2. С.58–68.
24. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: УК: текст с изменениями и дополнениями на 12 октября 2023: [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2025).
25. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2023 года № 88-УДП23-7-К8 [Электронный ресурс]. Доступ из юридической информационной системы «Легалект». — Режим доступа: <https://clck.ru/3Q8Nob> (Дата обращения: 15.08.2025).
26. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06.06.2023 года по делу № 77-1296/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из сайта Третьего кассационного суда общей юрисдикции. — Режим доступа: <https://clck.ru/3Q8NtG> (Дата обращения: 15.08.2025).
27. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2023 года по делу № 77-5316/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из сайта Восьмого кассационного суда общей юрисдикции. — Режим доступа: <https://clck.ru/3Q8P7i> (Дата обращения: 15.08.2025).
28. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 (ред. 15.12.2022 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2025).
29. Российская Федерация. Законы. О цифровых финансовых активах: федеральный закон от 31.07.2020 года № 259-ФЗ: [принят Государственной Думой 22 июля 2020 года: одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 года]. // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.08.2025).
30. Приговор Мещанского районного суда города Москвы от 20.09.2023 года по делу № 1-990/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из сайта Мещанского районного суда города Москвы. — Режим доступа: <https://clck.ru/3Q8PGr> (Дата обращения: 15.08.2025).
31. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.03.2024 года по делу № 10-0050/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из сайта Московского городского суда. — Режим доступа: <https://clck.ru/3Q8PUf> (Дата обращения: 15.08.2025).
32. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.09.2024 года по делу № 77-2357/2024 Доступ из сайта Второго кассационного суда общей юрисдикции. — Режим доступа: <https://clck.ru/3Q8PY6> (Дата обращения: 15.08.2025).

© Лукьянов Савелий Андреевич (sobratri@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА СУЩЕСТВЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ В 21 ВЕКЕ: ПОНЯТИЕ, УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ, ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

FEATURES OF THE INSTITUTE OF SIGNIFICANT CHANGE OF CIRCUMSTANCES IN RUSSIAN CIVIL PROCEEDINGS IN THE 21ST CENTURY: CONCEPT, CONDITIONS OF FUNCTIONING, AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

G. Maslov

Summary. The article examines the institution of a significant change in circumstances in modern civil proceedings in Russia. The subject of the study is the norms of civil legislation and judicial practice related to the application of Article 451 of the Civil Code of the Russian Federation, with a particular focus on the conditions for the functioning of this institution and the specifics of its implementation in law enforcement. The scientific novelty of the work lies in identifying the problems of law enforcement and proposing ways to address them. The main results of the study include the systematization of the conditions for the application of this institution, the analysis of judicial practice, and the formulation of recommendations for improving legal regulation in this area. The article examines the institution of a significant change in circumstances in modern civil proceedings in Russia. The subject of the study is the norms of civil legislation and judicial practice related to the application of Article 451 of the Civil Code of the Russian Federation, with a particular focus on the conditions for the functioning of this institution and the specifics of its implementation in law enforcement. The scientific novelty of the work lies in identifying the problems of law enforcement and proposing ways to address them. The main results of the study include the systematization of the conditions for the application of this institution, the analysis of judicial practice, and the formulation of recommendations for improving legal regulation in this area.

Keywords: significant change of circumstances, contract law, termination of contract, modification of contract, protection of rights of participants in economic activity, balance of interests.

Маслов Георгий Александрович

аспирант, Всероссийская академия внешней торговли
Минэкономразвития РФ
georgy.maslov1910@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется институт существенного изменения обстоятельств в современном гражданском судопроизводстве России. Предметом исследования выступают нормы гражданского законодательства и судебная практика, связанная с применением ст. 451 ГК РФ, особое внимание уделяется условиям функционирования данного института и особенности его реализации в правоприменительной деятельности. Научная новизна работы заключается в выявлении проблем правоприменения и предложении путей их решения. Основными результатами исследования стали систематизация условий применения данного института, анализ судебной практики и формулирование рекомендаций по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: существенное изменение обстоятельств, договорное право, расторжение договора, изменение договора, защита прав участников оборота, баланс интересов.

Введение

Актуальность исследования механизмов изменения и прекращения гражданско-правовых договоров в связи с существенным изменением обстоятельств обусловлена необходимостью обеспечения справедливого баланса интересов участников договорных отношений. Данный правовой институт базируется на фундаментальных принципах разумности и справедливости в гражданском обороте.

Правовая сущность положений статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации направлена на всестороннюю защиту интересов субъектов гражданских правоотношений. При этом большое значение имеет способность законодательства учитывать непредвиденные обстоятельства, которые объективно не могли быть приняты во внимание при заключении договора.

Основное предназначение данного правового механизма заключается не только в обеспечении условий для последовательной реализации договорных обязательств, но и в создании надёжной системы гражданско-правовых гарантий, обеспечивающих стабильность договорных отношений. Это позволяет участникам гражданского оборота чувствовать себя защищёнными даже в условиях существенных изменений внешней среды.

Применение правовой категории существенного изменения обстоятельств невозможно без его рассмотрения на практике, выявления основных тенденций и подходов к балансированию интересов сторон договора в условиях изменившихся обстоятельств [3, с.267].

Практическое применение рассматриваемого института зависит от подхода к оценке его влияния на развитие различных видов договорных отношений. Специалисты в области правоприменения анализируют его воздействие как в общем контексте гражданского оборота, так и применительно к конкретным видам правоотношений.

Практическая ценность изучения института существенного изменения обстоятельств состоит в возможности разработки эффективных механизмов защиты прав участников гражданского оборота и совершенствования правового регулирования договорных отношений.

Материалы и методы

В процессе исследования были использованы общенаучные методы познания: анализ и синтез нормативно-правовых актов, обобщение судебной практики, а также сравнительно-правовой метод. Методологическую основу исследования составили диалектический подход к изучению правовых явлений, выявляющий закономер-

ности развития института существенного изменения обстоятельств, и системный анализ действующего законодательства в сочетании с изучением правоприменительной практики.

Теоретическую базу исследования составили научные труды отечественных правоведов в области гражданского права, материалы судебной практики, а также нормативно-правовые акты, регулирующие рассматриваемые правоотношения.

Результаты и обсуждение

Исторический опыт убеждает, что масштабные мировые события всегда становились катализатором кардинальных изменений в различных областях общественных отношений, заставляя правовую систему адаптироваться к новым реалиям.

Особенно отчетливо эта тенденция прослеживается в эволюции правового института существенного изменения обстоятельств, получившем своё нормативное закрепление в статье 451 Гражданского кодекса Российской Федерации. Закономерность развития этого правового института неразрывно связана с периодами значительных экономических потрясений, когда потребность в правовой защите участников гражданского оборота становится наиболее острой.

Правовая природа данного института сформировалась еще в античные времена, однако такая концепция с учетом некоторых изменений используется до сих пор в странах как англо-саксонской правовой семьи, так и континентального правопорядка [9, с.53].

Важную роль в формировании современных подходов к регулированию отношений, связанных с существенным изменением обстоятельств, сыграли правотворческая деятельность законодателя и правоприменительная практика судебных органов.

Существенное изменение обстоятельств — это правовой механизм, позволяющий корректировать или прекращать договорные отношения в ситуациях, когда после подписания договора происходят значимые трансформации внешней среды, делающие его исполнение чрезмерно обременительным для одной из сторон.

Правовая регламентация данного института закреплена в пункте 1 статьи 451 Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно данной норме, если при заключении договора стороны не предполагали наступления определённых обстоятельств, а их возникновение носит настолько существенный характер, что при возможности их разумного предвидения договор либо не был бы заключён вообще, либо содержал бы иные ус-

ловия, пострадавшая сторона получает право требовать изменения или расторжения договора [2].

Данный правовой механизм сформировался в доктрине и законодательстве различных государств, включая Российскую Федерацию как ответ на непредсказуемость жизненных ситуаций и многообразие факторов, влияющих на исполнение договорных обязательств.

Основная цель рассматриваемого института в российском правовом поле заключается в обеспечении справедливого баланса интересов участников гражданского оборота. Когда происходят непредвиденные изменения внешних условий, существенно нарушающие положение одной из сторон, данный механизм позволяет восстановить справедливость и защитить права участников договорных отношений.

«Институт существенного изменения обстоятельств имеет особую функциональную роль, связанную с обеспечением выгоды сделки в процессе ее исполнения и защиты возможности восстановления справедливости в договорных правоотношениях» [8, с.159].

Согласно п. 2 ст. 451 ГК РФ, для квалификации изменения обстоятельств как существенного требуется одновременное соблюдение четырёх критериев:

- 1) на этапе заключения договора участники сделки предполагали стабильность условий и не могли предвидеть наступление рассматриваемых изменений;
- 2) возникшие обстоятельства вызваны факторами, которые заинтересованная сторона не в силах устранить даже при проявлении должной осмотрительности и заботливости, соответствующей характеру договора и условиям гражданского оборота;
- 3) сохранение первоначальных условий договора привело бы к существенному дисбалансу имущественных интересов сторон: заинтересованная сторона понесла бы такой ущерб, что лишилась бы значительной части тех выгод, на которые она обоснованно рассчитывала при заключении соглашения;
- 4) ни содержание договора, ни сложившиеся обычаи делового оборота не предусматривают возложения риска подобных изменений на заинтересованную сторону.

Важно отметить, что законодательная формулировка описанной нормы носит обобщённый характер — на это, в частности, указывает Д.С. Петрова. В норме не конкретизируется ни форма выражения возможного ущерба, ни его содержательные составляющие, что создаёт определённые сложности при её практическом применении [7, с. 78].

Российское законодательство отдаёт приоритет расторжению, а не изменению договора. Суд может изменить договор только в исключительных случаях, например, если расторжение противоречит общественным интересам или повлечёт для сторон ущерб, значительно превышающий затраты на исполнение договора на изменённых условиях.

Суды крайне внимательно подходят к оценке обстоятельств дела при рассмотрении требований о расторжении или изменении договора на основании ст. 451 ГК РФ, поскольку для применения данной нормы необходимо убедительно подтвердить наличие совокупности юридически значимых условий.

В ходе анализа правоприменительной практики можно выделить ряд ситуаций, которые суды в отдельных случаях признают существенными изменениями обстоятельств в смысле ст. 451 ГК РФ. К таким ситуациям, в частности, относится снос здания, повлёкший невозможность использования земельного участка по назначению, поскольку он радикально меняет целевое предназначение участка и делает исполнение договорных обязательств фактически невозможным. Аналогичным образом существенным изменением может быть признано введение запрета на использование земельного участка в связи с изменением его правового режима, если такое изменение не вытекало из изначально известных условий и не могло быть спрогнозировано сторонами.

Ещё одним примером становится невозможность поставить товар из-за наличия в нём иностранных комплектующих, поставка которых прекращена в связи с санкционными ограничениями: если на момент заключения договора стороны не могли предвидеть введение таких санкций и не имели разумной возможности заменить комплектующие, суды могут признать это обстоятельством, влекущим дисбаланс интересов [4, с. 132]. Кроме того, к числу существенных изменений иногда относят изъятие товара следственными органами в рамках расследования уголовного дела, но только при условии, что данное событие не могло быть разумно предвидено и не связано с противоправными действиями самой стороны договора. Наконец, распространение коронавирусной инфекции также может быть квалифицировано как существенное изменение обстоятельств, если оно привело к значительному ущербу для стороны и объективно не могло быть учтено при заключении договора (например, вызвало закрытие предприятий, нарушение логистических цепочек или резкое падение спроса), а сохранение прежних условий договора существенно нарушает баланс имущественных интересов сторон [1].

Вопрос о том, допустимо ли квалифицировать полное прекращение бюджетного финансирования муниципального контракта в качестве существенного

изменения обстоятельств (ст. 451 ГК РФ), получил рассмотрение в определении Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ № 308-ЭС21-20570 от 24 февраля 2022 года) [6]. В случае положительного ответа такое изменение может стать основанием для корректировки или расторжения договора.

Данный судебный акт является одним из немногих (если не единственным) примером, когда ВС РФ обращается к анализу места и роли института существенного изменения обстоятельств в общей системе гражданско-правового регулирования, а не ограничивается применением нормы к конкретной ситуации. Высшая судебная инстанция выходит за рамки казуального разрешения спора и предпринимает попытку осмыслить функциональное назначение института существенного изменения обстоятельств в системе гражданского права.

Ситуация в существующей судебной практике свидетельствует о том, что большинство решений по спорам, связанным с применением ст. 451 ГК РФ, отклоняют требования сторон о расторжении или изменении договоров. При этом суды зачастую ограничиваются формальной констатацией отсутствия условий, предусмотренных п. 2 ст. 451 ГК РФ, не вдаваясь в детальное исследование фактических обстоятельств дела и их соответствия установленным законом критериям. К.В. Нам отмечает, что «судебная практика в течение всего существования статьи 451 ГК РФ последовательно занималась тем, что обосновывала невозможность ее применения к тем или иным ситуациям» [5].

Не исключено, что определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ № 308-ЭС21-20570 от 24 февраля 2022 года) может стать отправной точкой для переосмысления доктринальных подходов к институту существенного изменения обстоятельств в российском гражданском праве. В связи с этим большой интерес представляют будущие решения по делу, а также общая динамика правоприменения ст. 451 ГК РФ: её развитие имеет принципиальное значение для делового оборота и судебной практики.

Процессы интернационализации гражданского оборота приводят к постепенному сближению правовых конструкций, связанных с институтом *Clausula rebus sic stantibus* («оговорка о неизменности обстоятельств»). На это оказывают влияние разнообразные экономико-правовые факторы: принятие новых нормативно-правовых актов, внесение изменений в действующее законодательство, экономические кризисы, инфляционные процессы, колебания курса национальной валюты и изменения ключевой ставки. Все эти факторы в совокупности формируют новую правовую реальность, требующую адаптации существующих правовых механизмов.

Анализ зарубежного опыта правового регулирования показывает наличие общих черт в подходах к институту существенного изменения обстоятельств [10, с. 254]. Во всех правовых системах прослеживается единая логика: изменение обстоятельств происходит после заключения договора, стороны не могли предвидеть конкретные обстоятельства при его подписании, причины изменений носят непреодолимый характер для обеих сторон, а юридические последствия выражаются в возможности изменения или расторжения договора.

Очень важным представляется тот факт, что при предвидении подобных изменений договор либо не был бы заключён, либо содержал бы принципиально иные условия. Это создаёт надёжную основу для дальнейшего развития института в направлении унификации правовых подходов и формирования единых стандартов правоприменения.

В перспективе представляется необходимым более активное внимание правоприменителей к развитию данного института. При этом крайне важно избегать чрезмерного акцента на поддержании стабильности гражданского оборота за счёт необоснованного ограничения применения института существенного изменения обстоятельств. Подобный подход может привести к дестабилизации всей системы правового регулирования договорных отношений и нарушению баланса интересов участников гражданского оборота.

Профессиональное юридическое сообщество должно стремиться к нахождению оптимального баланса между необходимостью поддержания стабильности гражданского оборота и защитой прав участников договорных отношений в условиях существенно изменившихся обстоятельств, что в конечном итоге будет способствовать развитию справедливой и эффективной системы правового регулирования.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Институт существенного изменения обстоятельств в современном гражданском праве России является важным механизмом защиты прав участников договорных отношений, позволяющим корректировать или прекращать договорные обязательства в условиях непредвиденных изменений внешней среды.

Установлено, что для признания изменения обстоятельств существенным необходимо одновременное наличие четырех критериев, закрепленных в ст. 451 ГК РФ, при этом судебная практика демонстрирует достаточно строгий подход к оценке каждого из них. Анализ правоприменительной деятельности показал, что суды преимущественно отказывают в удовлетворении требований

об изменении или расторжении договора по данному основанию, ограничиваясь формальной констатацией отсутствия необходимых условий.

Выявлено, что некоторые законодательные формулировки института имеют обобщенный характер, что создает определенные сложности при практическом применении. В ходе исследования определены наиболее типичные ситуации, которые могут быть признаны судами существенными изменениями обстоятельств, включая прекращение бюджетного финансирования, невозможность поставки товаров из-за санкций, изъятие имущества следственными органами и распространение инфекционных заболеваний.

На основе проведенного анализа сформулированы рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики в данной сфере. Представляется необходимым более активное внимание правоприменителей к развитию данного института при сохранении баланса между стабильностью гражданского оборота и защитой прав участников договорных отношений. Дальнейшее развитие института должно идти по пути унификации правовых подходов и формирования единых стандартов применения нормы ст. 451 ГК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрианова М.А., Соколов Д.А. Пандемия COVID-19 как основание для изменения и расторжения договора по ст. 451 ГК РФ // Евразийский юридический журнал. 2020. № 12. С. 139–142.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: с табл. и схемами. М.: АСТ, 2023. 768 с.
3. Карюкин М.И. Применение правовой категории существенного изменения обстоятельств // Евразийский юридический журнал. 2025. №7. С. 267–270.
4. Моисеенко С.А. Институт применения существенного изменения обстоятельств в гражданском праве: аспекты адаптации торговых договоров // Юридическая наука. 2023. № 12. С. 131–135.
5. Нам К.В. Статья 451 ГК РФ и доктрина существенного изменения обстоятельств // «Вестник гражданского права». 2019. № 6. Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2022 №308-ЭС21-20570 по делу № А63-8366/2020 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-24022022-n-308-es21-20570-po-delu-n-a63-83662020/?ysclid=mm7cpcfch4374230116> (Дата обращения: 23.02.2026).
7. Петрова Д.С. Последующее изменение обстановки и его влияние на договорные обязательства в российском праве: политико-правовой анализ и актуальные проблемы правоприменения // «Вестник экономического правосудия РФ». 2021. №5. С. 72–122.
8. Ремиго С.С. Институт существенного изменения обстоятельств // Экономико-правовые, социологические исследования: вопросы теории и практики: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 15 июня 2023 года. Рязань: «Концепция», 2023. С. 157–160.
9. Семенова В.В. Исполнение договоров в условиях существенного изменения обстоятельств // Цивилист. 2025. № 1. С. 53–60.
10. Фалилеев О.О. Перспективы развития института существенного изменения обстоятельств в российском гражданском законодательстве // Вестник Московского университета МВД России. 2022. №4. С. 253–256.

© Маслов Георгий Александрович (georgy.maslov1910@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ДИСКРЕЦИЯ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ

Пилукова София Игоревна

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет» (Краснодар)
sofiaigororevna@yandex.ru

ALGORITHMIC DISCRETION OF PUBLIC AUTHORITIES AND JUDICIAL REVIEW

S. Pilyukova

Summary. The article examines the transformation of public discretion in the context of the algorithmizing of public administration and substantiates the need for its specific normative definition as an independent object of legal regulation. It is demonstrated that the relocation of discretionary decision-making to the level of programming and data processing necessitates risk-based limitations on algorithmic autonomy, as well as the establishment of requirements for transparency, reasoned justification, and mandatory human review. Drawing on domestic and foreign doctrinal approaches, the paper identifies pathways for institutionalizing a standard of judicial review focused on assessing the permissibility of delegating discretion to digital systems and ensuring the procedural contestability of their outcomes. A model of comprehensive judicial control is proposed, integrating legal, evidentiary, and technological elements and aimed at safeguarding the primacy of human rights and the rule of law within the digital environment of public governance.

Keywords: algorithmic discretion, public administration, judicial review, automated decision-making, risk-based regulation.

Аннотация. В статье исследуется трансформация публичного усмотрения в условиях алгоритмизации государственного управления и обосновывается необходимость его специального нормативного описания как самостоятельного объекта правового регулирования. Показано, что перенос дискреционных решений на уровень программирования и обработки данных требует риск-ориентированного ограничения автономии алгоритмов, закрепления требований прозрачности, мотивированности и обязательного человеческого пересмотра. На основе анализа отечественных и зарубежных доктринальных позиций раскрываются подходы к институционализации стандарта судебной проверки, ориентированного на оценку допустимости делегирования усмотрения цифровым системам и обеспечение процессуальной оспоримости их результатов. Обосновывается модель комплексного судебного контроля, сочетающего правовые, доказательственные и технологические элементы и направленного на сохранение приоритета прав человека и верховенства права в цифровой среде публичного управления.

Ключевые слова: алгоритмическая дискреция, публичное управление, судебный контроль, автоматизированное принятие решений, риск-ориентированное регулирование.

Цифровизация публичного управления означает не только техническое обновление административных процедур, но и изменение самой природы публичного усмотрения, когда юридически значимый выбор формируется на пересечении правовой нормы, массива данных и программных решений. В этих условиях алгоритмическая дискреция органов публичной власти требует пересмотра критериев допустимости и установления четких пределов, а судебный контроль — выработки стандарта проверки, сочетающего требования законности, процессуальной справедливости, объяснимости и реальной оспоримости решений, принятых с использованием алгоритмов.

Нормативно-правовое регулирование алгоритмической дискреции и судебного контроля в РФ

Алгоритмическая дискреция в современной России представляет собой новую форму реализации публичной компетенции, при которой программные средства начинают оказывать непосредственное влияние на со-

держание юридически значимого решения. Развитие автоматизированных систем трансформировало правовую природу усмотрения: если ранее цифровые инструменты носили вспомогательный характер, то сегодня возможны режимы автономного принятия и исполнения решений без непосредственного участия должностного лица, включая акты с правовыми последствиями. Это требует специального нормативного определения алгоритмической дискреции как самостоятельного объекта регулирования.

Пределы ее допустимости целесообразно формировать на основе риск-ориентированного подхода и разграничения сфер применения — от частичной автоматизации стандартных процедур до запрета полной автоматизации в чувствительных сегментах публичного управления. Гарантии должны включать антидискриминационные требования, ограничения профилирования, право на судебное обжалование и учет приоритета человека как высшей конституционной ценности [1, с. 215, 216].

Для публичных правоотношений принципиально значим вопрос не только о возможности делегирования части усмотрения алгоритму, но и об обеспечении правовой пригодности такого делегирования при изменчивости данных, эффекте выборки и проблеме репрезентативности, поскольку технические параметры способны повлиять на законность административного акта. Пределы автономии алгоритма должны устанавливаться с учетом отраслевой специфики, применения тестовых режимов, использования гипотетических сценариев и обязательного участия человека в процедуре проверки. Международные примеры SyRI (нидерландская система выявления рисков социального мошенничества), польской модели категоризации безработных и практики штата Мичиган демонстрируют, что формальный контроль без реальной подотчетности не обеспечивает надлежащих гарантий [2, с. 31, 32].

Алгоритмическая дискреция становится объектом правового регулирования вследствие того, что внедрение автоматизированных систем меняет традиционную модель взаимодействия власти и адресата решения: появляется технологический посредник, способный ослаблять проверяемость и распределение ответственности. В этой связи нормативное закрепление гарантий должно основываться на требованиях прозрачности и объяснимости как обязательном элементе законности публичного решения. Как отмечают П. Кабытова и Н. Назарова: «Исходной точкой преодоления всего многообразия последствий внедрения автоматизированных систем в деятельность органов власти, включая их использование при принятии юридически значимых решений, выступает разрешение проблемы прозрачности и объяснимости» [3, с. 32, 33].

Уязвимость алгоритмизированных актов обусловлена сочетанием их эффективности и масштабируемости с закрытостью внутреннего механизма формирования вывода, что при отсутствии права на разъяснение и пересмотр затрагивает не только частные интересы, но и основы верховенства права и достоинства личности. Перспективной гарантией выступает не требование абсолютной открытости, а юридически выверенное сочетание права на разъяснение, человеческого вмешательства, состязательного оспаривания и альтернативных объяснений, позволяющих адресату установить обстоятельства, повлиявшие на результат [4, с. 50, 52].

В российской модели регулирования алгоритмической дискреции предметом правовой регламентации должны быть источники допустимости — закон, подзаконные процедуры, цифровые регламенты; пределы автономии — уровень риска и значимость последствий; а также гарантии защиты — прозрачность, интерпретируемость, человеческий пересмотр и судебный контроль. В противном случае цифровизация управления

может усилить скрытую произвольность вместо укрепления правовой определенности.

Судебный контроль решений, принятых с использованием алгоритмов, должен строиться как юридически структурированная проверка законности, обоснованности, пропорциональности и процессуальной справедливости, а не как техническая экспертиза программного продукта.

В условиях алгоритмизации центральной проблемой становится ситуация, при которой формальным субъектом акта остается орган власти, тогда как основания вывода недоступны адресату и нередко самому правоприменителю, что снижает эффективность судебной защиты. Стандарт проверки должен включать не только традиционный анализ соответствия закону, но и оценку объяснимости, проверяемости и оспоримости алгоритмической составляющей, поскольку без установления причин решения состязательность утрачивает содержание, а право на защиту становится формальным [5, с. 101, 102].

В административном процессе данная модель приобретает особое значение, учитывая активную роль суда по ст. 14 КАС РФ, предполагающую содействие установлению фактических обстоятельств и контроль корректности использования алгоритмических инструментов. Допустимо лишь вспомогательное применение алгоритмов для обработки данных и анализа практики, тогда как окончательное правовое убеждение должно формироваться судьей. «Международные стандарты, в частности Этическая хартия по применению ИИ в судебных системах, принятая СЕПЕJ (Совет Европы) в 2018 году, прямо указывают, что решения, принимаемые с помощью алгоритмов, должны оставаться под контролем человека и подлежать судебному пересмотру» [6, с. 191, 192].

С процессуальной позиции необходимо разграничить стадии, на которых ИИ способен повышать эффективность — прием и первичная обработка документов, анализ электронных доказательств, аналитическая поддержка, — и стадии, где он не вправе подменять судебное усмотрение, связанное с оценкой доказательств, толкованием оценочных норм и выбором способа защиты. Стандарт проверки алгоритмически опосредованного решения должен быть ориентирован на результативность судебной защиты: суду следует оценивать, обеспечивает ли применяемая система полностью исследование обстоятельств и возможность восполнения доказательств, а также предотвращает ли затягивание восстановления нарушенного права [7, с. 49, 50].

Перспективные процессуальные инструменты включают обязательную содержательную проверку судьей автоматически сформированных текстов, возможность истребования дополнительных доказательств вопреки

цифровому выводу и отказ от моделей применения ИИ, фактически навязывающих вариант решения. В делах, где алгоритм влияет на исход спора, обоснованно введение специальных требований к надежности и безопасности систем, включая сертификацию, контроль актуальности данных и учет рисков дискриминации, поскольку иначе повышение эффективности будет достигаться в ущерб независимости суда и доверию к правосудию [8, с. 137–139].

Судебный контроль в рассматриваемой сфере должен развиваться как комплексный стандарт — правовой, доказательственный и технологический, при котором процессуальные механизмы обеспечивают приоритет права над цифровой инфраструктурой принятия решений.

Доктринальные подходы к алгоритмической дискреции и судебному контролю (позиции учёных-юристов)

Алгоритмизация публичного управления не устраняет административное усмотрение, а перераспределяет его по новым уровням принятия решений — от конкретного должностного лица к параметрам данных, интерфейсам и правилам функционирования цифровых систем.

В доктринально значимом аспекте цифровая трансформация затрагивает не только техническую сторону административной деятельности, но и фигуру носителя дискреции: от уличного и экранного бюрократа к системному уровню, где свобода выбора переносится в сферу проектирования алгоритмов и процедур. Отсюда следует вывод о методологической некорректности спора о сокращении либо расширении усмотрения без учета того, что в ряде случаев оно реализуется не на стадии подписания акта, а при переводе административно-правовых предписаний в машиночитаемую форму — код, метаданные, деревья решений [9, с. 202, 204].

А.В. Мартынов, исследуя подготовку административных актов с использованием ИИ, показывает, что внедрение подобных технологий становится объективной реакцией на рост объемов данных, ускорение управленческих циклов и запрос на результативность. Одновременно фиксируются пределы этой тенденции — технологические, кадровые, нормативные и рисковые, включая непрозрачность, модельные ошибки, зависимость от качества данных и дефицит доверия. Следовательно, программный элемент дискреции не может рассматриваться как полноценная замена правоприменителя без специальных гарантий проверки и ответственности [10, с. 134, 137, 138].

Эмпирическое подтверждение смещения усмотрения представлено в работах Д. Серебренникова, Е. Ход-

жаевой и О. Шепелевой, анализирующих приложение «Социальный мониторинг» как алгоритм низового уровня. При формальном сохранении человеческого решения фактическое основание санкционирования в отдельных ситуациях определялось автоматизированной системой, а пространство выбора исполнителей сужалось или перенастраивалось. Вывод о переходе от *hard-enforcement* (жесткое принудительное применение с немедленным санкционированием) к *soft-enforcement* (мягкие регуляторные механизмы, основанные на предупреждении и превентивном воздействии) имеет принципиальное значение, поскольку демонстрирует, что в условиях алгоритмизации существенным становится не только текст нормы, но и способ настройки социотехнической системы, включая режим предупреждения, репрессии, подталкивания и обратной связи [11, с. 10, 20, 21]. В результате дискреция перемещается в сферу проектирования режима исполнения.

Административное усмотрение сохраняет правовую природу при любой вариативности форм, поэтому его цифровая модификация не должна превращаться в автономию, оторванную от права. Методологически значимой остается формула С.Н. Махиной: «Правовое (в том числе, административное) усмотрение — та активность субъектов права, которая находится между прямыми правовыми алгоритмами, правомочиями и правообязанностями» [12, с. 8]. В условиях алгоритмизации предметом анализа становится не исчезновение усмотрения, а трансформация его носителя, способов выражения и механизмов внешнего контроля.

Концепция перехода от дискреционного акта к дискреционному коду предполагает рассматривать алгоритмическую дискрецию как юридически опосредованное перераспределение управленческой свободы, допустимое лишь при сохранении проверяемости, мотивированности и судебной оспоримости результата.

Сравнительно-правовой анализ доктринальных позиций свидетельствует, что усиление судебного контроля должно строиться не как запрет технологии, а как правовое проектирование проверяемости, оспоримости и персональной ответственности на каждом этапе принятия решения.

В.В. Архипов, В.Б. Наумов и К.М. Смирнова формулируют пределы принятия юридически значимых решений с использованием ИИ, подчеркивая, что решающим для права является изменение правового статуса субъекта вследствие автоматизации. Их разграничение парадигмальных, аксиологических и прагматических пределов позволяет суду оценивать не только формальную законность применения алгоритма, но и допустимость самой конфигурации делегирования усмотрения с точки зрения субъектности, прав человека и технологических

ограничений. Это создает основание для институционализации требования *human in the loop* (обязательное участие человека в процессе принятия и пересмотра решения) как стандарта судебной проверки, а не декларативного принципа [13, с. 883, 888, 889].

Ю.С. Харитоновна, анализируя проблему «черного ящика», переносит дискуссию в плоскость правовых средств и отказывается от идеи полной технической объяснимости, предлагая сосредоточиться на юридически значимых режимах прозрачности, критериях оценки результата, качестве данных, аудите и подотчетности. Для судебного контроля это означает, что приоритетным становится не доступ к коду как таковому, а возможность проверить релевантность данных, корректность модели контроля, наличие права на возражение и действительность пересмотра. Как отмечает автор, «Законодатель может добиваться лишь установления некоего стандарта, закрепляющего компромисс между возможностями и преимуществами технологии, точностью и объяснимостью результата ее работы и правами участников общественных отношений» [14, с. 343].

Практики внедрения ИИ в судебной сфере в Китае, США, Франции и России различаются по темпам цифровизации и по пониманию допустимости алгоритмической помощи суду, что придает компаративистике нормативное значение для отечественного права. Даже при глубокой интеграции ИИ конструктивной признается модель, при которой алгоритм усиливает аналитические и организационные функции правосудия, но не заменяет окончательное человеческое решение. Отклонение судьбы от рекомендации ИИ рассматривается не как дисциплинарное отклонение, а как основание для дополнительной мотивировки и последующего аудита самой системы [15, с. 16].

А.П. Иванова, обобщая зарубежную дискуссию о применении ИИ в правосудии, показывает, что предмет

спора выходит за пределы технологии и касается конкуренции моделей правосудия — справедливого и кодифицированного. Усиление алгоритмизации способно повлиять на ценностные основания судебной деятельности. В связи с этим объектом судебной проверки должны становиться не только ошибки, предвзятость и непрозрачность конкретного вывода, но и эффекты перевода социальных процессов в формат данных, отчуждения и снижения участия человека, поскольку они затрагивают процессуальную легитимность даже при росте эффективности и единообразия [16, с. 92, 94, 97].

Убедительная модель усиленного судебного контроля в условиях алгоритмической дискреции предполагает сочетание заимствуемых стандартов прозрачности и аудита с отечественной доктриной мотивированного человеческого решения, закрепляя за судом роль активного конституционного фильтра, проверяющего пределы допустимости алгоритма в каждом юридически значимом случае.

Вывод

Проведенный анализ свидетельствует, что алгоритмическая дискреция в публично-правовой сфере допустима только как юридически опосредованная и институционально ограниченная форма реализации компетенции, основанная на риск-ориентированной дифференциации, прозрачности, праве на человеческий пересмотр и сохранении судебной проверяемости результата. Перспективная модель судебного контроля должна представлять собой комплексный правовой, доказательственный и технологический стандарт, в рамках которого суд оценивает не только соответствие решения закону, но и допустимость делегирования усмотрения алгоритму, обеспечивая приоритет прав человека и верховенства права над цифровой инфраструктурой управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотаева О.С. Правовое регулирование систем автоматизированного принятия решений // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 9(225). — С. 215–218. — DOI 10.47643/1815-1337_2023_9_215.
2. Атабеков А.Р. Обеспечение автономности принятия решения искусственным интеллектом для целей публичных правоотношений // Административное и муниципальное право. — 2023. — № 1. — С. 29–36. — DOI 10.7256/2454-0595.2023.1.39893.
3. Кабытов П., Назаров Н. Прозрачность государственного управления в условиях автоматизированного принятия решений // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2025. — № 3. — С. 28–55. — DOI 10.17323/2072-8166.2025.3.28.55.
4. Алферова Е.В. Алгоритмизированное принятие решения и право на его интерпретацию // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. — 2021. — № 1. — С. 49–61. — DOI 10.31249/rgpravo/2021.01.05.
5. Саудаханов М.В. Конституционно-процессуальные гарантии в условиях алгоритмизации публичной власти: проблема «черного ящика» и механизмы его преодоления в российской правовой системе // Закон и право. — 2025. — № 12. — С. 100–104. — DOI 10.24412/2073-3313-2025-12-100-104.
6. Ханьгин К.С. Влияние алгоритмизации и искусственного интеллекта на принципы активной роли суда в административном процессе // Вестник науки. — 2025. — Т. 4, № 9(90). — С. 190–195.
7. Кулюшин Е.Н. О применении технологий искусственного интеллекта в административном судопроизводстве // Российское право: образование, практика, наука. — 2024. — № 2. — С. 48–54. — DOI 10.34076/2410-2709-2024-140-2-48-54.

8. Дехтярь И.Н., Пашенько С.Б. Перспективы использования технологий искусственного интеллекта в административном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2025. — № 5 (166). — С. 135–141. — DOI 10.24412/2227-7315-2025-5-135-141.
9. Зайцев Д.И. Административное усмотрение в цифровую эпоху // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 11(99). — С. 199–208. — DOI 10.17803/2311-5998.2022.99.11.199-208.
10. Мартынов А.В. Подготовка административных актов с использованием искусственного интеллекта: проблемы, перспективы, недалекое будущее // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2024. — № 5. — С. 130–142. — DOI 10.32326/19931778_2024_5_130.
11. Серебrenников Д., Ходжаева Е., Шепелева О. «Алгоритм низового уровня»: два стиля автоматизированного правоприменения в работе приложения «Социальный мониторинг» // Журнал исследований социальной политики. — 2023. — Т. 21, № 1. — С. 7–24. — DOI 10.17323/727-0634-2023-21-1-7-24.
12. Махина С.Н. Несколько заметок-размышлений о феномене административного усмотрения // Журнал административного судопроизводства. — 2024. — № 1. — С. 5–12.
13. Архипов В.В., Наумов В.Б., Смирнова К.М. Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2021. — Т. 12. — № 4. — С. 882–906. — DOI 10.21638/spbu14.2021.405.
14. Харитонов Ю.С. Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. — 2023. — Т. 1, № 2. — С. 337–358. — DOI 10.21202/jdtl.2023.14.
15. Морхат П.М. Сравнительно-правовое исследование позиционирования искусственного интеллекта в судебном процессе // Юридические исследования. — 2024. — № 7. — С. 13–28. — DOI 10.25136/2409-7136.2024.7.71263.
16. Иванова А.П. Искусственный интеллект в осуществлении правосудия: новые возможности и новые проблемы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. — 2022. — № 3. — С. 89–98. — DOI 10.31249/rgpravo/2022.03.08.

© Пилюкова София Игоревна (sofiaigororevna@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПРИ ЗАКУПКЕ КОНКУРЕНТНЫМ СПОСОБОМ (44-ФЗ) НЕОБХОДИМЫХ ТОВАРОВ ЗАКАЗЧИКОМ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

LEGAL ISSUES IN COMPETITIVE PROCUREMENT (FEDERAL LAW NO. 44-FZ) OF NECESSARY GOODS BY HEALTHCARE CUSTOMERS

B. Shepelev

Summary. The article examines legal problems arising when government healthcare customers carry out competitive procurements under Federal Law No. 44-FZ. The study analyzes the conflict between competition requirements and the objective need of medical institutions to purchase specific goods. Based on the analysis of regulatory acts, FAS Russia positions, and arbitration practice, the main legal mechanisms used by customers to justify special procurement requirements are systematized.

Keywords: contract system, public procurement, healthcare, restriction of competition, procurement object description, medical devices, pharmaceuticals.

Шепелев Богдан Витальевич

*Аспирант, Московский финансово-юридический
университет МФЮА
bog_ua@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются правовые проблемы, возникающие при осуществлении государственными заказчиками в сфере здравоохранения конкурентных закупок в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ. Анализируется коллизия между требованиями обеспечения конкуренции и объективной потребностью медицинских организаций в приобретении конкретных товаров. На основании анализа нормативных правовых актов, позиций ФАС России и арбитражной практики систематизированы основные правовые механизмы обоснования специальных требований к объекту закупки.

Ключевые слова: контрактная система, государственные закупки, здравоохранение, ограничение конкуренции, описание объекта закупки, медицинские изделия, лекарственные средства.

Государственные заказчики в сфере здравоохранения функционируют в условиях системного правового противоречия: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — 44-ФЗ) обязывает обеспечить максимально широкую конкуренцию при осуществлении закупок, тогда как специфика медицинской деятельности зачастую предопределяет потребность заказчика в строго определённом товаре — совместимом с эксплуатируемым оборудованием, прошедшем клиническую проверку, безопасном для конкретной категории пациентов.

Указанная коллизия порождает обширный массив антимонопольных дел, судебных споров и научных дискуссий, в которых сталкиваются публичный интерес в экономии бюджетных средств и частный (в цивилистическом смысле) интерес в получении качественной медицинской помощи. По данным Федеральной антимонопольной службы России, значительная доля нарушений в закупках для здравоохранения связана с избыточными требованиями к описанию объекта закупки. Вместе с тем арбитражные суды всё чаще признают право заказчика на установление специфических требований, если они обоснованы объективной медицинской потребностью.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что правоприменительная практика по рассматриваемому кругу вопросов остаётся фрагментарной и противоречивой. Антимонопольные органы и суды нередко приходят к диаметрально противоположным выводам по аналогичным делам, что создаёт правовую неопределённость для добросовестных заказчиков. Медицинская организация, стремящаяся закупить безопасный и клинически эффективный товар, объективно рискует быть привлечённой к ответственности за ограничение конкуренции. Настоящее исследование систематизирует правовые позиции регулятора и судебную практику, выявляет ключевые механизмы, позволяющие заказчику приобрести необходимый товар, не нарушая законодательство о контрактной системе.

Описание объекта закупки в сфере здравоохранения: между запретом и необходимостью

Центральным элементом правовой проблематики является статья 33 44-ФЗ, устанавливающая правила описания объекта закупки. Пункт 1 части 1 данной нормы запрещает включать в описание указания на товарные знаки, фирменные наименования и страну происхождения товара, а также любые требования, влекущие огра-

ничество количества участников закупки [1, ст. 33]. Одновременно заказчик обязан описать функциональные, технические и качественные характеристики объекта закупки так, чтобы получить именно тот товар, который объективно необходим для выполнения возложенных на него функций.

Диссертационное исследование А.В. Яроша (2018), выполненное под научным руководством д.ю.н. О.А. Беляевой в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, стало одной из первых комплексных работ по данной теме [2]. Ярош предложил рассматривать лекарственное средство как объект закупки социального значения, требующий особого правового режима. Монография О.А. Беляевой «Торги: основы теории и проблемы практики» (2015) содержит фундаментальный анализ правового регулирования торгов [3], а К.В. Кичик (2012) системно рассматривает проблемы формирования государственного заказа в социально значимых сферах [4]. Ф.А. Тасалов (2017) показал, что единообразная практика по вопросам допустимости использования товарных знаков в документации о закупках не сложилась [5].

Статья 33 44-ФЗ допускает ряд значимых для медицины исключений. Подпункт «в» части 1 разрешает указание товарного знака при закупке запасных частей и расходных материалов к оборудованию в соответствии с технической документацией производителя. Подпункт «г» позволяет указывать конкретные наименования при закупке лекарственных препаратов и медицинских изделий для назначения конкретному пациенту по решению врачебной комиссии. Однако на практике территориальные управления ФАС толкуют указанные исключения крайне узко, что подтверждается обширной практикой обжалования решений антимонопольных органов.

Закупка лекарственных средств по МНН: формальная конкуренция и клинические риски

Пункт 6 части 1 статьи 33 44-ФЗ устанавливает обязанность описывать лекарственные средства по международному непатентованному наименованию (МНН), а не по торговому наименованию [1, п. 6 ч. 1 ст. 33]. Указание торгового наименования допускается лишь в двух случаях: при включении препарата в специальный перечень Правительства РФ (правила формирования установлены Постановлением Правительства РФ от 28.11.2013 № 1086, однако сам перечень до настоящего времени не утверждён) и при закупке для конкретного пациента по решению врачебной комиссии [6]. Детальные правила описания лекарственных препаратов установлены Постановлением Правительства РФ от 15.11.2017 № 1380 [7].

Центральная проблема данного механизма состоит в подмене клинической взаимозаменяемости формаль-

ной. Статья 27.1 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» определяет взаимозаменяемый препарат как имеющий доказанную терапевтическую эквивалентность или биоэквивалентность с референтным лекарственным препаратом [8]. Между тем в практике государственных закупок ФАС фактически признаёт взаимозаменяемыми все препараты с совпадающими МНН, лекарственной формой и дозировкой — безотносительно клинических данных о терапевтической эквивалентности.

Данная коллизия была наглядно продемонстрирована в деле о закупке препаратов для лечения гепатита С (дела ФАС № К-457/17 — К-459/17). ФАС признала взаимозаменяемыми препараты с различными МНН и обязала Минздрав закупить более дешёвый. Арбитражный суд г. Москвы (решение от 18.08.2017, дело № А40-112605/17), поддержанный Девятым ААС (постановление от 25.10.2017), отменил решение ФАС, указав, что антимонопольный орган превысил полномочия: правом определять взаимозаменяемость обладает исключительно ФГБУ «НЦЭСМП» [9].

Верховный Суд РФ в пункте 24 Обзора судебной практики № 4 (2017) сформировал ключевую позицию: при отсутствии утверждённого Правительством перечня заказчик вправе закупать лекарственные препараты по торговому наименованию при обосновании медицинской необходимости [10]. Данная позиция особенно значима для препаратов с узким терапевтическим диапазоном и биологических лекарственных препаратов. О.Э. Карпов, Д.Н. Никитенко и соавторы (НМХЦ им. Н.И. Пирогова) подтвердили, что закупка по МНН нередко приводит к поставке клинически неоптимальных генериков [11].

«Заточка» технического задания: правовые последствия и судебная практика

Формирование технического задания так, чтобы его требованиям соответствовал товар только одного производителя (при формальном отсутствии указания товарного знака), получило в практике название «заточка» технического задания. ФАС России последовательно борется с данным явлением: письмо ФАС от 16.05.2023 № ТН/37551/23 запретило включать в описание объекта закупки требования к классу потенциального риска медицинского изделия [12]; письмо от 18.06.2019 № МЕ/50805/19 признало неправомерными требования к упаковке лекарственных средств, не влияющие на терапевтические свойства.

Арбитражная практика демонстрирует более сбалансированный подход. В деле № А21-6250/2021 (постановление АС Северо-Западного округа от 19.05.2022) суды трёх инстанций отменили решение УФАС о «заточ-

ке» ТЗ на катетеры баллонные [13]. Заказчик обосновал требования ссылками на научные статьи и протоколы клинических исследований. Суд указал, что заказчик самостоятельно определяет характеристики объекта закупки, а контрольные органы не доказали избыточность требований. Противоположный исход показало Постановление Шестого ААС от 09.02.2026: закупка тканезаменяющей среды ИВД с характеристиками, которым соответствовал товар единственного производителя, была признана нарушением [14].

Данный контраст подтверждает тезис Ю.М. Валуева: результат рассмотрения спора зависит от качества обоснования заказчиком своих потребностей [15]. О.Н. Балаева и А.М. Третьякова (НИУ ВШЭ, 2013) выявили, что при формировании ТЗ на сложное медицинское оборудование заказчики включали уникальные характеристики конкретных моделей, полностью исключая конкуренцию [16]. Проверка Генпрокуратуры установила, что 150 томографов были закуплены с переплатой порядка 3 млрд рублей. Правовые последствия «заточки» включают предписание ФАС, штраф по ч. 4.1 ст. 7.30 КоАП РФ (1 % от НМЦК, от 10 до 50 тыс. рублей) и возможное антимонопольное дело по ст. 17 Закона о защите конкуренции [17].

Расходные материалы и реагенты: совместимость как правовая категория

Отдельный массив проблем связан с закупкой расходных материалов и реагентов к медицинскому оборудованию. Современные диагностические анализаторы функционируют по принципу закрытых систем: производитель гарантирует результаты только при использовании оригинальных реагентов. 44-ФЗ не содержит критериев определения совместимости, передав этот вопрос правоприменителям. Верховный Суд РФ (решение от 16.08.2021 № АКПИ21-444) подтвердил, что совместимость способен определить только производитель оборудования.

Постановление АС Московского округа от 19.01.2026 по делу № А40-71117/2025 закрепило право заказчика на закупку оригинальных расходников с указанием товарного знака без слов «или эквивалент» при условии, что требования вытекают из технической документации производителя [18]. Определение ВС РФ от 20.03.2025 № 305-ЭС25-1759 подтвердило данный подход: если производитель не проводил испытаний совместимости с расходными материалами других производителей, заказчик вправе закупать только оригинальные материалы [19].

Практика территориальных УФАС по реагентам неоднородна. Московское УФАС (дело № 202000132489008899) признало правомерным откло-

нение заявки с реагентами стороннего производителя для анализатора Sysmex XP-300 [20]. Калужское УФАС аналогично поддержало заказчика при покупке реагентов для анализатора Mindray BS-800 [21]. Однако Красноярское УФАС указало, что заказчик фактически закодировал требование об оригинальных реагентах через характеристики, затрудняющие подачу заявок [22]. Ключевой рекомендацией для заказчиков является получение письменного подтверждения от производителя оборудования о совместимости конкретных расходных материалов.

Контракт жизненного цикла (КЖЦ) предложен как системное решение. Москва заключила 72 КЖЦ на медицинское оборудование объёмом свыше 486 млрд рублей, обеспечив экономию 13,8 млрд рублей (42 % от НМЦК) [23]. КЖЦ может заключаться на медтехнику по определённым кодам ОКПД2 с 31.01.2020 (ПП РФ от 21.01.2020 № 27), при этом поставщик несёт ответственность за работоспособность оборудования на весь срок эксплуатации [24].

Национальный режим и импортозамещение: баланс протекционизма и доступа к технологиям

Постановление Правительства РФ от 05.02.2015 № 102 установило механизм «третий лишний» для медицинских изделий: при наличии не менее двух заявок с продукцией российского или ЕАЭС-производства заявки с иностранными изделиями отклоняются [25]. О.Л. Лапочкин и С.А. Кагермазова (2016) выявили ключевые риски: проблемы с качеством отечественных аналогов и ограничение доступа пациентов к инновационным иностранным препаратам [26].

С 01.01.2025 действует Постановление Правительства РФ от 23.12.2024 № 1875, объединившее ранее действовавшие акты в единый механизм национального режима [27]. Для медицинских изделий из Приложения № 1 введён полный запрет на закупку иностранных аналогов, для изделий из Приложения № 2 — ограничение допуска. Для лекарственных препаратов из перечня ЖНВЛП введено правило «второй лишний»: при наличии хотя бы одной заявки с российским препаратом все заявки с иностранными лекарственными препаратами отклоняются. Доля отечественных медицинских изделий в государственных закупках выросла с 18,2 % до 28,5 % к 2024 году (данные Минпромторга). Разъяснения по применению нового порядка даны в информационном письме Минфина от 31.01.2025 № 24-01-06/8697.

Для заказчиков — медицинских организаций проблема состоит в том, что при наличии в реестре российского аналога они утрачивают возможность закупить иностранное оборудование, даже превосходящее по клинически значимым характеристикам [28]. Раз-

брос цен на идентичное оборудование между регионами достигает 20–30 %, что стимулировало Минздрав к централизации закупок тяжёлого оборудования (МРТ, КТ, ПЭТ/КТ) через Федеральный центр планирования и лекарственного обеспечения. Опыт Свердловской области продемонстрировал, что совместная закупка 12 компьютерных томографов снизила цену с 30 до 18 млн рублей за аппарат, что свидетельствует о значительном потенциале централизации.

Заключение

Проведённое исследование фиксирует устойчивую тенденцию: арбитражные суды постепенно расширяют право заказчика на определение характеристик закупаемых товаров, если медицинская необходимость объективно обоснована, тогда как антимонопольные органы стоят на позициях максимальной конкуренции. Указанный институциональный конфликт представляет собой не правовой дефект, а отражение объективной дилеммы: экономия бюджетных средств через конкуренцию может вступать в противоречие с безопасностью пациентов.

Наиболее перспективными правовыми инструментами разрешения выявленной коллизии выступают:

контракт жизненного цикла, снимающий проблему расходных материалов и сервиса; централизация закупок дорогостоящего оборудования, снижающая разброс цен и повышающая экспертизу технических заданий; утверждение предусмотренного законом перечня лекарственных препаратов, закупаемых по торговым наименованиям. Каждый из указанных инструментов доказал свою эффективность на практике, однако их системное внедрение требует совершенствования нормативной правовой базы.

Ключевой практический вывод для заказчиков: документальное обоснование каждого нестандартного требования — ссылками на научные данные, клинические протоколы, техническую документацию и решения врачебных комиссий — является главным инструментом защиты закупки от признания её ограничивающей конкуренцию. Представляется необходимым законодательное закрепление критериев разграничения объективно обоснованных медицинских требований и требований, имеющих целью ограничение конкуренции, что обеспечит баланс публичных и частных интересов в сфере закупок для здравоохранения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
2. Ярош А.В. Правовое регулирование закупок лекарственных средств для обеспечения государственных нужд: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М.: ИЗИСП, 2018. 272 с.
3. Беляева О.А. Торги: основы теории и проблемы практики: Монография. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2015. — 250 с. — www.dx.doi.org/10.12737/12910.
4. Кичик К.В. Государственный (муниципальный) заказ России [Текст]: правовые проблемы формирования, размещения и исполнения: монография / К.В. Кичик; Каф. предпринимательского права юридического фак. МГУ. — Москва: Юстицинформ, 2012. — 258, [1] с.; 21 см.; ISBN 978-5-7205-1141-8.
5. Тасалов Ф.А. Практика Верховного Суда РФ в сфере публичных закупок: на пути к формированию единых подходов // Юрист. 2017. № 23. С. 116–125.
6. Постановление Правительства РФ от 28.11.2013 № 1086 «Об утверждении Правил формирования перечня лекарственных средств, закупка которых осуществляется в соответствии с их торговыми наименованиями» // СЗ РФ. 2013. № 49 (ч. VII). Ст. 6435.
7. Постановление Правительства РФ от 15.11.2017 № 1380 «Об особенностях описания лекарственных препаратов для медицинского применения» // СЗ РФ. 2017. № 48. Ст. 7224.
8. Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.
9. Решение АС г. Москвы от 18.08.2017 по делу № А40-112605/17; Постановление 9 ААС от 25.10.2017 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Обзор судебной практики ВС РФ № 4 (2017), п. 24 (утв. Президиумом ВС РФ 15.11.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
11. Карпов О.Э., Никитенко Д.Н. и др. Единый справочник-каталог лекарственных препаратов // Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н. И. Пирогова. 2020. № 3. С. 96–101.
12. Письмо ФАС России от 16.05.2023 № ТН/37551/23 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление АС Северо-Западного округа от 19.05.2022 по делу № А21-6250/2021.
14. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 09.02.2026 N 02АП-6277/2025 по делу N А82-5998/2025 [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 12.02.2026).
15. Валуев Ю.М. Проблемы управления государственными закупками в сфере здравоохранения г. Москвы // Вестник ИГУ. 2020. Т. 15, № 3. С. 45–58.
16. Балаева О.Н., Третьякова А.М. Государственные закупки сложного медицинского оборудования (на примере томографов) // ЭКО. 2013. № 9, С. 29–44.
17. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.
18. Постановление АС Московского округа от 19.01.2026 по делу № А40-71117/2025.
19. Определение ВС РФ от 20.03.2025 № 305-ЭС25-1759.

20. Решение Московского УФАС по делу № 202000132489008899.
21. Решение Калужского УФАС по делу № 202500111747000836.
22. Решение Красноярского УФАС по делу № 202500121671000112.
23. Контракты жизненного цикла на медицинское оборудование: опыт Москвы // Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/news/item/86016073/>
24. Постановление Правительства РФ от 21.01.2020 № 27 // СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 433.
25. Постановление Правительства РФ от 05.02.2015 № 102 // СЗ РФ. 2015. № 7. Ст. 1045.
26. Лапочкин О.Л., Кагермазова С.А. Импортзамещение лекарственных средств и медицинских изделий в России // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2015. №2 (20). С. 33-36.
27. Постановление Правительства РФ от 23.12.2024 № 1875 // pravo.gov.ru.
28. Закупки медицинского оборудования: проблемы и пути решения // Про-госзаказ.ру. URL: <https://www.pro-goszakaz.ru/article/104331>

© Шепелев Богдан Витальевич (bog_ua@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА И ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В 2010–2020-Х ГГ.

MODERNIZATION OF THE SYSTEM OF EMPLOYMENT AND EMPLOYMENT OF MINOR CITIZENS IN MODERN RUSSIA IN THE 2010–2020S

V. Potapchuk

Summary. This article presents the development and modernization of the juvenile employment system in the Russian Federation from the 2010s to the 2020s. The author notes that since the collapse of the USSR, the process of developing employment for adolescents aged 14 to 18 has been essentially redesigned and initially positioned as a way to correct and prevent deviant behavior. Subsequently, the goal of developing juvenile labor has shifted, recognizing adolescents as an important economic resource and a significant population category capable of actively participating in the country's development. This paper also presents government programs, regulations, and various projects and activities developed from the 2010s to the 2020s aimed at regulating and developing the employment of minors.

Keywords: labor, employment, minors aged 14 to 18, teenagers aged 14–17, employment of minors, labor rights of teenagers.

Потапчук Владимир Владимирович

Аспирант, Тихоокеанский государственный университет, направление подготовки (г. Хабаровск)
vova.potapchuk.01@inbox.ru

Аннотация. В данной статье представлен процесс развития и модернизации системы трудовой занятости несовершеннолетних граждан в Российской Федерации в 2010–2020-х гг. Автор отмечает, что с момента распада СССР, процесс развития трудоустройства подростков от 14 до 18 лет проходил практически «с нуля», и изначально позиционировался, как способ коррекции и профилактики девиантного и делинквентного поведения у них. В дальнейшем, цель развития труда несовершеннолетних изменилась, определив подростков, как важный экономический ресурс и как весьма значимую категорию населения, способную активно участвовать в развитии страны. Также в данной работе представлены государственные программы, нормативно-правовые акты, а также различные проекты и мероприятия, разработанные в 2010–2020-х гг. и направленные на регламентацию и развитие трудовой занятости несовершеннолетних граждан.

Ключевые слова: труд, трудовая занятость, несовершеннолетние граждане от 14 до 18 лет, подростки 14–17 лет, трудоустройство несовершеннолетних, трудовые права подростков.

В настоящее время проблемы трудоустройства несовершеннолетних граждан, а также развития системы трудовой занятости подростков 14–17 лет остаются в России одними из наиболее актуальных как в научном, так и в общественном и государственном аспектах. Во многом это связано с тем, что трудовая деятельность молодежи (несовершеннолетних граждан от 14 до 18 лет, в особенности), приобщение этой категории населения к труду в условиях трансформации ценностно-мировоззренческих установок россиян стали восприниматься не только как часть социально-экономических процессов, но еще и как ключевой фактор воспитания молодого поколения, участвующий в социализации подростка, в формировании социально-адаптированной и культурно-развитой личности молодого человека и в составлении и развитии духовных ориентиров современной российской молодежи.

В 1990-х гг., после распада СССР, в Российской Федерации резко стали возникать серьезные и существенные экономические проблемы, повлекшие за собой значи-

тельное ухудшение материального положения населения страны. Резкий, плохо продуманный и проведенный без должной подготовки переход экономической системы от командно-административной — к рыночной, выполненный в рамках «шоковой терапии» повлек за собой массовое закрытие государственных предприятий, фабрик, заводов и др., и многие российские граждане остались без работы и лишились важнейших источников дохода. В свою очередь все эти события привели к резкому росту преступности, в которую были вовлечены и подростки 14–17 лет. В связи с этим, в 1990-х гг. государство включило молодежь, особенно — лиц младше 18 лет, в число наиболее уязвимых категорий населения страны, которая легко могла оказаться под негативным влиянием со стороны преступников и быть наиболее подверженной девиантному и делинквентному (преступному, противозаконному) типам поведения. Чтобы снизить преступность среди подростков 14–17 лет, а также провести профилактические мероприятия, направленные на снижение рисков развития вышеуказанных видов поведения среди несовершеннолетних,

российское правительство начало активно участвовать в организации трудовой занятости этих людей. В начале 1990-х — первой половине 2000-х гг. государство приняло и ввело в действие ряд нормативно-правовых актов, мероприятий и программ, направленных на регламентацию и организацию трудоустройства несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет. Главная цель этой государственной политики заключалась, прежде всего, в недопущении развития у подростков отклоняющихся и антиобщественных форм поведения, улучшения у несовершеннолетних и членов их семей материального и финансового положения и снижения преступности среди молодых людей (включая и лиц младше 18 лет). Так, в число наиболее известных законодательных документов, изданных в этот период входили следующие: 1) Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ; 2) Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19 апреля 1991 г. № 1032-1; 2) Указ Президента РФ от 16 декабря 1992 г. № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики»; 3) Приказ ФСЗ РФ от 6 мая 1994 г. № 59 «Об организации трудоустройства несовершеннолетних граждан на временную работу»; 4) Приказ ФСЗ РФ от 26 апреля 1995 г. № 94 «Об утверждении «Положения о временном трудоустройстве несовершеннолетних граждан»; 5) Постановление Правительства РФ от 25 февраля 2000 г. № 163 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда лиц моложе 18 лет»; 6) Приказ ФСЗ РФ от 22 ноября 1994 г. № 150 «Об утверждении Положения об организации временной занятости безработной молодежи — «Молодежная практика» и др.

А наиболее известными и масштабными федеральными программами, которые были реализованы государством в 1990-х — первой половине 2000-х гг. и направлены на развитие системы трудовой занятости и на содействие трудоустройству подростков 14–17 лет были: Федеральная целевая программа «Молодежь России (1994–1997 гг.)»; Федеральная целевая программа «Молодежь России (1998–2000 гг.)»; Федеральная целевая программа «Молодежь России (2001–2005 гг.)» и т.д.

Результатом проведенной государством политики в сфере организации трудовой деятельности подростков 14–17 лет и реализации в этом направлении целого ряда программ и мероприятий государственного и регионального уровней, а также принятия ряда законодательных актов, направленных на развитие трудоустройства лиц до 18 лет, к середине 2000-х гг. в России была сформирована система трудовой занятости молодежи, включая и несовершеннолетних граждан от 14 до 18 лет, которая содержит в себе множество определенных правил и требований по приему подростка на работу, по организации трудовой деятельности этих людей, ряд

гарантий для трудящихся лиц до 18 лет, а также длительность рабочего дня для подростков, возможность этим людям работать без отрыва от учебного процесса, а также с установленными видами работ, на которые нельзя было задействовать несовершеннолетних граждан. В результате, в 2010–2020-х гг. государственная политика российского правительства в данной сфере, в основном предполагала дальнейшее улучшение и модернизацию уже сложившейся системы трудовой занятости молодых россиян, включая и подростков 14–17 лет.

В этот период развитие системы трудоустройства несовершеннолетних граждан в России проводилась по следующим направлениям:

- 1) разработка и реализация новых законодательных мер и программ по развитию трудоустройства подростков;
- 2) усиление деятельности служб занятости по вовлечению и включению несовершеннолетних в трудовую деятельность, а также по развитию у них профессиональных и трудовых знаний, умений и навыков;
- 3) активное взаимодействие государства и служб занятости с работодателями, с целью квотирования и выделения отдельных рабочих мест для лиц младше 18 лет;
- 4) усиление профориентационных мероприятий в школах и ССУЗах, с целью заинтересовать несовершеннолетних обучающихся в участии в трудовой деятельности, а также донести до них информацию о преимуществах раннего трудоустройства.

В 2014 г. Постановлением Правительства РФ № 298 была введена новая государственная программа «Содействие занятости населения», направленная на организацию и развитие трудовой занятости ряда категорий граждан, включая и подростков 14–17 лет. В частности, в подпрограммах «Активная политика занятости населения и социальная поддержка безработных граждан» и «Развитие институтов рынка труда» были предусмотрены задачи по содействию трудоустройства молодежи (включая и лиц младше 18 лет):

- 1) развитие, совершенствование и модернизация системы нормативно-правового регулирования трудовой занятости данной категории населения;
- 2) создание всех необходимых условий, способствующих повышению качества рабочей силы и развитию ее профессиональной мобильности;
- 3) улучшение условий труда;
- 4) организация контроля за соблюдением трудовых прав граждан (включая и подростков 14–17 лет) [5].

В 2017 г. в Трудовой кодекс РФ были введены изменения, направленные на расширение круга несовершен-

нолетних лиц, получавших возможность заключать трудовой договор. Так, в новой редакции, трудовой договор могут заключать не только подростки, достигшие возраста 16 лет, но и несовершеннолетние граждане в возрасте 14–15 лет. Однако для последних устанавливался ряд условий, при которых они могли трудиться:

- 1) им было разрешено работать только на тех профессиях, где предполагался только легкий труд, который не мог бы нанести вред здоровью подростка и нарушить процесс его обучения;
- 2) им было разрешено трудиться только в свободное от учебы время;
- 3) для трудоустройства несовершеннолетнего человека 14-летнего возраста также еще требовалось письменное согласие одного из родителей и органа опеки и попечительства [12, С. 42].

Также, для работающих несовершеннолетних была установлена продолжительность рабочего дня во время каникул. Так, подростки 14–15 лет могли работать 4 часа; лицам 15–16 лет разрешалось трудиться 5 часов; а работникам в возрасте от 16 до 18 лет можно было участвовать в трудовой деятельности 7 часов. В то же время, те подростки, кто проходит обучение в школе или в среднем специальном учебном заведении и совмещает в течение учебного года учебу с работой, устанавливалась иная продолжительность рабочего дня: лицам от 14 до 16 лет можно заниматься трудовой деятельностью только 2,5 часа, а гражданам от 16 до 18 лет можно было трудиться уже 4 часа [1].

7 мая 2018 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным были утверждены «Национальные проекты России» до 2024 г., среди которых был и национальный проект «Демография», включавший в себя раздел-инициативу «Содействие занятости», который предполагал проведение полной всесторонней модернизации центров занятости населения страны. Планируемым результатом такого улучшения должно было стать превращение простой организации в специальное пространство где:

- 1) бизнес и потенциальные работники могли эффективно взаимодействовать друг с другом;
- 2) подростки могли бы, с помощью первичного тестирования, подобрать подходящую для себя профессию или даже специальность, а также определить, какие профессиональные знания, умения, навыки и компетенции уже развиты, а над какими еще предстоит поработать;
- 3) несовершеннолетние граждане, которые собираются устраиваться на работу, получили бы поддержку, обрели чувство уверенности в себе, обучились бы специальности и навыкам самопрезентации, чтобы можно было успешно пройти собеседование [13].

Также, в рамках реализации мероприятий вышеуказанного национального проекта был создан онлайн-ресурс «Работа России», представляющий собой единую цифровую платформу в сфере занятости и трудовых отношений и предназначенный для поиска: работникам, в том числе и подросткам 14–17 лет — подходящих вакансий, а работодателям, организациям, предприятиям и компаниям — требующихся работников [13].

Особое внимание в инициативе «Содействие занятости» было уделено повышению квалификации и формированию новых профессиональных знаний, умений и навыков различных категорий граждан, в число которых входят и те, кто не имеет среднего профессионального или высшего образования и ранее не обучался по подобным программам [13].

После утверждения национального проекта «Демография» в конце 2010-х гг. центры занятости населения заметно усилили свою деятельность в сфере организации трудовой занятости несовершеннолетних в летний период. Отмечается, что в конце мая 2019 г. органы службы занятости в регионах активно привлекали работодателей, которые создавали рабочие места для временного трудоустройства подростков, а также активно участвовали в организации ярмарок вакансий для школьников [17] и студентов средних специальных учебных заведений. В 2019 г. для подростков 14–17 лет были созданы рабочие места в образовательных учреждениях, в администрациях муниципальных образований, в научно-культурных организациях (музеях, архивах, библиотеках, домах культуры и детского творчества), а также организовывалась деятельность по благоустройству территорий городов и населенных пунктов. В основном несовершеннолетним было предложено работать: распространителями печатной продукции, фасовщиками товаров в магазинах и на складах, операторами связи, курьерами и доставщиками, почтальонами, организаторами культурных, научных и развлекательных мероприятий, промоутерами, помощниками библиотекарей, вожатых и воспитателей. Но в то же время, в 2010–2020-х гг. список профессий, предлагаемых подросткам, значительно расширился. Например, согласно ежегодным отчетам Комитета по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края, в 2018–2025 гг. несовершеннолетним гражданам от 14 до 18 лет предлагались вакансии младшего воспитателя, гардеробщика, уборщика производственных и служебных помещений, кастилянши, сортировщика почтовых отправок и произведений печати, вожатого, няни, делопроизводителя, мерчендайзера, контролера, ученика оператора ЭВМ, организатора культурно-массовых молодежных мероприятий, рабочего по комплексному обслуживанию и ремонту зданий, разнорабочего, архивариуса, диспетчера, продавца, кухонного рабочего, фасовщика, промоутера и т.д. [10].

Помимо расширения перечня профессий, в которых привлекаются несовершеннолетние, в конце 2010-х — начале 2020-х гг. в рамках эксперимента, государство внедрило концепцию самозанятости, которая была направлена на развитие предпринимательской деятельности, а также на предоставление людям, в том числе и подросткам 14–17 лет возможностей для самореализации и реализации своего творческого потенциала. Для лиц младше 18 лет система самозанятости предлагает ряд преимуществ таких как:

- 1) гибкий график, при составлении которого несовершеннолетние могут самостоятельно планировать свое рабочее время, выбирать проекты и заказчиков;
- 2) возможность самим выбирать и определять род своей профессиональной деятельности;
- 3) свою трудовую деятельность они могли осуществлять в свободное от учебного процесса время.

Согласно Федеральному закону от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», с 1 января 2019 г. по 30 июня 2020 г. концепция самозанятости в порядке эксперимента применялась в ряде российских регионов, но с 1 июля 2020 г. она распространилась по всей территории страны. Для самозанятых граждан была установлена ежемесячная выплата налога, размер которой был достаточно низким: 4 % — для физических лиц и 6 % — для индивидуальных предпринимателей. Эта система также формирует дополнительные преимущества для несовершеннолетних в сфере занятости. Регистрация в качестве налогоплательщика за профессиональный доход осуществляется через мобильное приложение «Мой налог». Эксперимент по внедрению самозанятости и налога на профессиональный доход проводится до 31 декабря 2028 г. [2].

14 декабря 2021 г. Распоряжением Правительства РФ была утверждена «Долгосрочная программа содействия занятости молодежи на период до 2030 года». Одними из направлений данной программы, которые предполагают развитие трудоустройства и трудовой занятости молодежи (в том числе и несовершеннолетних лиц от 14 до 18 лет) являются: развитие профориентационной работы с лицами, которые учатся в 6–11-х классах школ; оптимизация процедуры трудоустройства подростков; разработка и создание методических рекомендаций по определению списка профессий, которые подходят для несовершеннолетних; обеспечение трудовой занятости тех подростков, которые состоят на учете в органах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [6].

Согласно ожидаемым результатам работы по реализации вышеуказанной программы, в России молодежь должна быть еще больше вовлечена в трудовую деятель-

ность, а уровень безработицы среди лиц данной категории населения должен быть значительно снижен. Кроме того, ожидается, что при реализации данной программы число выпускников школ и ССУЗов должно существенно вырасти [6].

Стоит отметить, что в данной программе планируется вовлечь в трудовую деятельность еще и детей-инвалидов, что крайне важно для них, поскольку это может оказать им большую социально-психологическую поддержку: найти друзей, расширить круг общения, понять, что инвалидность не является приговором. Кроме того, «Долгосрочная программа содействия занятости молодежи на период до 2030 года» предусматривает проведение профориентационной работы с обучающимися 6–11 классов в связи с необходимостью уже в период школьного образования выстроить план развития карьеры, определиться с профессией и задать вектор развития, что необычайно значимо в условиях планирования и развития рынка труда в стране.

В 2020-х гг. работа российского правительства над улучшением и модернизацией нормативно-правового регулирования трудовой занятости подростков 14–17 лет продолжалась. Необходимость в проведении дальнейшей работы в данном направлении обусловлена тем, что, и по сей день, при трудоустройстве лиц младше 18 лет присутствуют серьезные проблемы (например, недобросовестное выполнение работодателями законодательных требований по организации условий трудовой деятельности для несовершеннолетних, задержание их труда на запрещенных для детей и подростков профессиях, более сложный процесс трудоустройства несовершеннолетних, в отличие от взрослых людей и т.д.). В связи с этим, российское государство понимает, что несовершеннолетние граждане в возрасте от 14 до 18 лет продолжают находиться в уязвимом положении, что вызывает необходимость в дальнейшем усовершенствовании трудового законодательства для подростков 14–17 лет. Так, например, 9 ноября 2022 г. В Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 231551-8 «О внесении изменений в Трудовой Кодекс Российской Федерации в части вопросов регулирования труда работников в возрасте до восемнадцати лет», который должен был упростить процесс трудоустройства несовершеннолетних в возрасте с 14 лет [16, С. 925]. Сам законопроект был принят Госдумой РФ: 4 апреля 2023 г. — в 1 чтении; 1 июня (в день защиты детей) 2023 г. — во 2 чтении [9]; 6 июня 2023 г. — в 3 чтении [8]. А уже после одобрения Советом Федерации РФ 7 июня 2023 г., этот законопроект был подписан Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 13 июня 2023 г. [9]. В итоговой редакции, данный законопроект предусматривал следующие изменения:

- 1) при трудоустройстве несовершеннолетних, получивших общее образование и достигших возраста

14 лет теперь не требуется согласия со стороны органов опеки и попечительства. Достаточно теперь только письменного согласия одного из родителей (попечителя) подростка;

- 2) при трудоустройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, получивших общее образование и достигших четырнадцатилетнего возраста требуется письменное согласие органа опеки и попечительства или иного законного представителя ребенка;
- 3) вышеуказанные лица могут выполнять только легкий труд, не причиняющий ущерба их здоровью и не мешающий освоению ими образовательной программы [3].

Отмечается, что многими различными специалистами (в том числе и в сфере охраны труда) и простыми обывателями данная вышеуказанная законодательная инициатива была воспринята положительно [16, С. 925–926], поскольку она действительно очень сильно упрощает процесс трудоустройства несовершеннолетних граждан, получивших общее образование и достигших 14-летнего возраста.

Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» заменил предыдущий. В новом нормативно-правовом акте также указывались государственные мероприятия в сфере трудоустройства несовершеннолетних граждан в России. В частности, предусматривались мероприятия: по поиску для подростков 14–17 лет подходящей для них работы, а также оказывается им помощь в составлении анкеты; по организации временной трудовой занятости для них. Для несовершеннолетних проводятся также и оплачиваемые общественные работы, и предусматривается трудоустройство детей-инвалидов. Кроме того, подростки также могут принимать участие в различных мероприятиях в сфере трудоустройства (ярмарках вакансий, профориентационных мероприятиях и т.п.) и пройти профессиональное обучение для получения квалификации [4].

Исходя из указанных ранее законов и других нормативно-правовых документов, мы видим, что процесс модернизации системы трудоустройства подростков 14–17 лет в России, в 2010–2020-х гг., проходит с учетом защиты их прав и законных интересов, прописанных в Конституции РФ и других законодательных актах. В частности, под охраной и пристальным вниманием со стороны государства находится право несовершеннолетних на непрерывное образование (т.е., на трудовую деятельность без отрыва от учебы и образовательного процесса); здоровье подростков и важность не допущения задействования их труда на тяжелых профессиях с вредными и опасными для здоровья детей условиями труда; правильное и нормальное нравственное

развитие несовершеннолетних, а также недопущение формирования у них антиобщественного и девиантного форм поведения; возможности и все необходимые условия для ведения несовершеннолетними предпринимательской деятельности (включая и самозанятость); расширение перечня профессий, где возможно участие подростков от 14 до 18 лет в их выполнении и т.д. Как отмечает Нейберт А.Е., в настоящее время трудовая занятость несовершеннолетних граждан регулируется законами, которые основаны на принципах защиты их прав и интересов, предоставления им доступа к образованию и создания для них всех необходимых условий для их нормального развития [15, С. 100].

1 января 2025 г. в России начал реализовываться новый национальный проект «Кадры», главная задача которого заключается в предоставлении населению страны доступа к качественному образованию и профессиональной подготовке на всех уровнях [18]. Согласно инициативе проекта «Управление рынком труда», к 2029 г. планируется завершение комплексной модернизации всей сети центров занятости населения, в ходе которой более 1 500 таких организаций и их подразделений преобразуются в функционирующие по единым стандартам кадровые центры «Работа России» [14]. В 2025 г. в России их действуют уже более 900. Обновленные кадровые центры «Работа России» позволят работодателям получить адресную поддержку, а граждане (в том числе, и подростки 14–17 лет), ищущие работу получают рекомендации по выбору подходящей профессии и смогут рассчитывать на помощь в трудоустройстве [14].

Тем не менее, несмотря на существенный прогресс в сфере развития системы трудовой занятости несовершеннолетних и модернизации нормативно-правовой базы в этом направлении, механизмы и правила по трудоустройству подростков 14–17 лет, по мнению ученых, необходимо дальше улучшать, развивать и совершенствовать. Так, например, исследователями в области охраны труда лиц младше 18 лет предлагаются следующие идеи по развитию труда детей и подростков в возрасте от 14 до 18 лет: 1) внедрение и принятие специального Федерального закона «О труде работников до 18 лет», который позволит восполнить некоторые существующие пробелы в правовом регулировании труда несовершеннолетних; 2) внедрение системы квотирования рабочих мест для трудоустройства несовершеннолетних, как обычных, так и тех, кто относится к уязвимым категориям населения и находится в наиболее социально опасном положении; 3) обеспечение льготных условий и государственной поддержки (посредством дотаций) работодателей, которые пригласили на работу лиц младше 18 лет; 4) необходимо обязать контролирующие государственные органы консультировать работодателей по вопросам трудоустройства детей и подростков 14–17 лет [19, С. 28]; 5) улучшение профориентацион-

ной системы для детей и подростков в школах и средних специальных учебных заведениях. В частности, учеными предлагаются: усилить информированность о возможностях трудоустройства несовершеннолетних как самих лиц младше 18 лет, так и их родителей, и образовательных организаций, в которых обучаются дети и подростки; необходимо внедрить дифференцированный и индивидуальный подход к проведению профориентационных мероприятий и вести работу с каждым несовершеннолетним (обучающимся) по отдельности, вместо массового характера проведения мероприятий по профориентации, проводить с детьми и подростками беседы, углубленную личностную и профессиональную диагностику, с целью определения подходящей для них профессии, выявления профессиональных, коммуникативных и компетентностных характеристик личности каждого несовершеннолетнего [11]. Также наиболее важно проводить профориентационную работу по следующим направлениям: профессиональная информация, профессиональное воспитание, профессиональная консультация, профессиональная диагностика, профессиональный отбор и профессиональная адаптация [7, С. 11].

Итак, организация трудоустройства несовершеннолетних граждан в Российской Федерации прошла длительный путь с начала 1990-х гг. до наших дней. В непростые, в криминальном смысле, «лихие девяностые» трудовая деятельность подростков 14–17 лет рассматривалась и организовывалась в рамках профилактических мероприятий по недопущению появления у них девиантного и делинквентного поведения, а также для решения экономических проблем их семей, оказания помощи детям-сиротам или оставшимся без попечения родителей. В ходе развития современного российского государства и его социальной и экономической систем, деятельность по организации труда несовершеннолетних граждан стала частью государственной стратегии по формированию кадрового потенциала страны и планированию будущего рынка труда, в связи с чем, молодежь и подростки перестали рассматриваться как уязвимая категория населения, а стали представляться органам власти разного уровня в качестве значимого экономического потенциала и главного участника модернизации российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» от 01.07.2017 № 139-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219016/ (дата обращения 03.02.2026).
2. Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (ред. от 28.11.2025) // ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/72113648/> (дата обращения 06.02.2026).
3. Федеральный закон от 13.06.2023 № 259-ФЗ «О внесении изменений в статью 63 Трудового кодекса Российской Федерации (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449481/ (дата обращения 12.02.2026).
4. Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О занятости населения в Российской Федерации» (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464093/ (дата обращения 11.02.2026).
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 298 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения». URL: https://rostrud.gov.ru/upload/Doc/Doc-rostrud/%D0%9F%D0%9F_298.pdf?ysclid=mfjg0ik8gs413869181 (дата обращения 02.09.2025).
6. Распоряжение Правительства РФ от 14.12.2021 № 3581-р (ред. от 17.01.2024) «Об утверждении Долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 года» // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-14122021-n-3581-r/?ysclid=mlrvsc86sj225075958> (дата обращения 06.02.2026).
7. Александрова Э.П. Проблемы профессиональной ориентации школьников // Казанский вестник молодых ученых. — 2023 — Т. 7, № 3. — С. 7–15.
8. Государственная Дума приняла в третьем чтении закон об упрощении трудоустройства подростков // АО «Кодекс». URL: <https://cntd.ru/news/read/gosudarstvennaya-duma-prinyala-v-tremem-chtenii-zakon-ob-uproschenii-trudoustroystva-podrostkov> (дата обращения 12.02.2026).
9. Законопроект № 231551-8 «О внесении изменений в статью 63 Трудового кодекса Российской Федерации (о регулировании труда работников в возрасте до восемнадцати лет)». В архиве // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/231551-8> (дата обращения 12.02.2026).
10. Интерактивный портал Комитета по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края. Школьникам. URL: <https://sz27.ru/content/%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BC> (дата обращения 06.02.2026).
11. Казаков Д.В., Даничев А.А., Машанов А.А. Основные проблемы профориентации школьников на современном этапе развития общества // Вестник КрасГАУ. — 2012. — № 9(72). — С. 242–245.
12. Мижитов Ч.Б. История развития правового регулирования труда несовершеннолетних работников в России и США // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона — XII: материалы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 16 апреля 2021 года. — Улан-Удэ: Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, 2021. — С. 41–44.
13. Национальные проекты России. Демография. Содействие занятости // Национальные проекты России. URL: https://xn--80aarpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya/sodeystvie_zanyatosti/ (дата обращения 04.02.2026).
14. Национальный проект «Кадры». Управление рынком труда // Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aarpemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/kadry/upravlenie-rynkom-truda/> (дата обращения 12.02.2026).

15. Нейберт А.Е. История становления и развития института трудоустройства несовершеннолетних в России // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Москва, 26 июня 2023 года. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2023. — С. 98–100.
16. Твердохлебова А.Е., Чайка Е.А. Особенности трудоустройства несовершеннолетних: перспективы развития трудового законодательства // Эволюция российского права: Материалы XXI международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 28 апреля 2023 года. — Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2023. — С. 923–936.
17. Центры занятости усилили работу по трудоустройству школьников на время каникул // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6477705> (дата обращения 04.02.2026).
18. Федеральный проект «Активные меры содействия занятости» // Московский авиационный институт. URL: <https://mai-dpo.ru/about> (дата обращения: 12.02.2026).
19. Хисматулина, Л.Ф. Проблемы законодательного регулирования трудоустройства несовершеннолетних в РФ / Л.Ф. Хисматулина // Правопорядок: история, теория, практика. — 2017. — № 4(15). — С. 24–29.

© Потапчук Владимир Владимирович (vova.potapchuk.01@inbox.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О РОЛИ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В РАЗВИТИИ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

ON THE ROLE OF PUBLIC RELATIONS IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS

K. Safonov

Summary. This article analyzes some of the characteristics of modern public relations practices. Particular attention is paid to the role that effective public relations play in the activities of government agencies and organizations of various types. This, in particular, determines the potential of these practices to facilitate the development of civil society institutions. As a result it is possible to rethink approaches to public relations, driven by the transformation of their functions.

Keywords: public relations, civil society, social interaction, organization, government structures.

Сафонов Кирилл Борисович

доктор социологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»
k_b_s_k_b@list.ru

Аннотация. В статье анализируются некоторые особенности современных практик связей с общественностью. Большое внимание уделяется той роли, которую эффективные связи с общественностью играют в деятельности государственных структур, организаций различных форм собственности. Этим, в частности, определяется потенциал обозначенных практик в содействии развитию институтов гражданского общества. В результате возможно переосмысление подходов к осуществлению связей с общественностью, обусловленное трансформацией их функций.

Ключевые слова: связи с общественностью, гражданское общество, социальное взаимодействие, организация, государственные структуры.

На современном этапе предоставление исчерпывающей информации о любой деятельности может рассматриваться в качестве важнейшего фактора ее эффективности. При этом особенности информирования определяются самой спецификой осуществляемой деятельности. Так, если речь идет о государственных структурах или органах местного самоуправления, то результатом их информационной политики должно стать содействие социальной активности граждан, которые посредством поддержания диалога получают возможности формировать новое качество жизни населения конкретной территории. Что касается коммерческих структур, то они ориентируются на привлечение новых клиентов, на создание собственного положительного образа в глазах действующих и потенциальных контрагентов, а также сотрудников. Достижение обозначенных целей возможно посредством практической реализации современных технологий связей с общественностью, предполагающих информационную открытость и готовность к осуществлению дискуссии по всем актуальным вопросам. Ключевым требованием при этом становится ориентация на целевую аудиторию, поскольку, как отмечается в литературе, «важно, чтобы информационные каналы были доступными и понятными для широкой аудитории, что требует адаптации коммуникационных стратегий под различные группы населения» [1, с. 56]. На практике это означает использование для обеспечения связей с общественностью различных методов взаимодействия, в качестве которых могут рассматриваться средства массовой информации, социальные сети, мес-

сенджеры и т.п. Важно, чтобы распространяемая информация была общедоступной, а также при ее публикации предусматривалась возможность осуществления какой-либо обратной связи.

Обратная связь в практике связей с общественностью представляется значимой для всех сторон. Обусловлено это рядом факторов. Во-первых, сам факт наличия обратной связи позволяет повысить заинтересованность целевой аудитории в получении данной информации, поскольку в этом случае очевидным становится уменьшение степени формализации предоставляемой информации. Во-вторых, та структура, которая информирует о своей деятельности посредством использования технологий связей с общественностью, получает возможность узнать мнение об осуществляемой деятельности и в случае необходимости скорректировать ее, приведя в полное соответствие с потребностями целевой аудитории. И, наконец, в-третьих, наличие обратной связи демонстрирует заинтересованность на длительное взаимовыгодное сотрудничество, если речь идет о коммерческих организациях, либо на совместную деятельность по повышению качества жизни населения определенной территории, если речь идет о государственных структурах или органах местного самоуправления.

Большой интерес вызывает применение конкретных технологий в практике связей с общественностью. Очевидно, что в современных условиях их выбор должен осуществляться в соответствии с тенденциями цифровизации, которые проявляются во всех сферах

жизни социума. Это означает, в частности, что «в настоящее время осуществляются политические, социальные, правовые инновации государства в сфере деятельности гражданского общества в целях установления диалога с ним посредством создания дискуссионных площадок на основе информационно-коммуникативных технологий» [2, с. 75]. Применение данных технологий в практике связей с общественностью обладает большими преимуществами, поскольку позволяет создать условия для обсуждения проблем, представляющихся значимыми для широкого круга лиц. Постепенно участие в подобной дискуссии должно формировать у них понимание важности проявления социальной активности не только при осуществлении обратной связи, но и в повседневной жизни. Можно рассчитывать, что у таких людей появится желание принимать участие в волонтерской деятельности, в различных благотворительных проектах, направленных на повышение качества жизни населения и способствующих дальнейшему устойчивому развитию институтов гражданского общества.

Как мы уже отмечали, специфика связей с общественностью, в значительной степени, определяется особенностями сферы деятельности их субъекта. Речь в данном случае идет как о содержании конкретных информационных сообщений, так и об использовании тех или иных каналов коммуникации. Так, например, «в государственном сегменте связи с общественностью являются более определенными и носят формальный характер» [3, с. 10]. Это предполагает, например, наличие различных возможностей для информирования граждан и получения их обратной связи. При этом информационные сообщения в обязательном порядке публикуются в различных средствах массовой информации и на официальном сайте органа государственной власти или местного самоуправления. Для обратной связи предусмотрено направление сообщения посредством специальной формы, также рассматриваются обращения граждан, полученные по почте либо переданные ими непосредственно должностным лицам на специально организованных в установленном порядке приемах. Однако наиболее эффективным в значительном числе случаев представляется непосредственное взаимодействие посредством использования современных информационно-коммуникационных технологий. Поэтому зачастую одновременно предполагается размещение информации в специально созданных группах в социальных сетях или мессенджерах.

Реализация подходов в связях с общественностью, подразумевающих применение различных современных практик медиакоммуникации, имеет большие преимущества как для коммерческих организаций, так и для государственных и муниципальных структур. Обусловлено это, в частности, тем, что «посредством онлайн-связей с общественностью люди имеют возмож-

ность взаимодействовать с организацией и получать немедленный ответ, таким образом, возможна эффективная и взаимовыгодная коммуникация. Важным преимуществом использования онлайн-связей с общественностью является точность и скорость сообщений» [4, с. 627]. В действительности реализация подобных подходов не только позволяет повысить скорость информирования представителей местных сообществ или клиентов и контрагентов, но и создавать условия для развития институтов гражданского общества, одним из ключевых факторов функционирования которых можно считать информационную открытость. При этом даже взаимодействие с коммерческими структурами позволяет гражданам накапливать опыт осуществления дискуссии по наиболее актуальным для них вопросам. В дальнейшем это должно способствовать существенному повышению их социальной активности, становлению в качестве субъектов, желающих вносить свой вклад устойчивое развитие современного социума, повышение его комфортности и благоустройства.

Получение информации посредством каналов связей с общественностью и участие в ее обсуждении можно рассматривать как одно из значимых условий развития институтов гражданского общества. Однако одного подобного опыта, пусть и приводящего к значимому повышению социальной активности человека, может оказаться недостаточно. Граждане должны именно действовать, участвуя в волонтерских проектах и присоединяясь к различным некоммерческим организациям, целью функционирования которых является, например, содействие повышению качества жизни социально незащищенных групп населения. Так свое развитие получают важнейшие институты гражданского общества. Исследователи отмечают по данному поводу, что «институциональные формы гражданского общества (всевозможные объединения и ассоциации), с одной стороны, представляют интересы населения, а с другой — подчиняются требованиям нормативного порядка» [5, с. 31]. Но все же отправной точкой в трансформации мировоззрения многих участников данных объединений и ассоциаций могло стать взаимодействие с информацией, полученной посредством инновационных практик связей с общественностью. Участвуя в обсуждении и высказывая собственное мнение, человек начинает понимать, что от него многое зависит, главное не быть сторонним наблюдателем, а стремиться каждый день содействовать развитию общества, быть социально активным гражданином, ориентированным на создание условий для всеобщего благоденствия. Это, в конечном итоге, и является значимым фактором развития институтов гражданского общества.

Не вызывает сомнения тот факт, что бенефициарами устойчивого развития социума являются все стороны. Именно поэтому таким важным является сотрудниче-

ство государственных и муниципальных структур, представителей бизнеса и некоммерческих организаций, а также жителей конкретных территорий по развитию институтов гражданского общества. Первым шагом к повышению заинтересованности граждан может при этом стать повышение информационной открытости посредством трансформации современных практик связей с общественностью, предоставление возможностей для дискуссии и осуществления диалога как равноправных партнеров. Постепенно социальная активность будет переходить из области коммуникации во все сферы жизни общества. Так граждане будут способствовать транс-

формации городов и районов в пространства, комфортные для проживания каждого человека. Это и станет важным фактором дальнейшего развития институтов гражданского общества на современном этапе.

Таким образом, можно отметить, что в настоящий момент эффективные практики связей с общественностью часто могут играть значимую роль в повышении социальной активности граждан, что в перспективе имеет возможности стать значимым аспектом развития институтов гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ядигаров Ш.Ю. Связь с общественностью как механизм управленческой коммуникации // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2024. № 2. — С. 53–58. — DOI 10.47598/2078-9025-2024-2-63-53-58.
2. Семенова А.Г. Влияние цифровизации на формирование гражданского общества в РФ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2022. № 7. — С. 74–76. — DOI 10.37882/2500-3682.2022.07.16.
3. Автономова С.А., Зотова А.А. Информационные технологии и PR в государственном управлении // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 3. — С. 7–10. — DOI 10.37882/2223-2974.2022.03.01.
4. Ильянова О.И. Связи с общественностью в новом формате: исследование влияния и эффективности // Миссия конфессий. 2021. Т. 10. № 6. — С. 624–630.
5. Евелькин Г.М. Гражданское общество и общество граждан: теоретико-методологический аспект // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 2. — С. 27–35. — DOI 10.33581/2521-6821-2022-2-27-35.

© Сафонов Кирилл Борисович (k_b_s_k_b@list.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ХАРАКТЕРИСТИКА СТРУКТУРАЛИСТСКОГО ПОДХОДА Х. УАЙТА: СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
Алтайский государственный педагогический
университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

CHARACTERISTICS OF H. WHITE'S STRUCTURALIST APPROACH: THE SOCIAL DIMENSION

V. Skopa

Summary. White's H. structuralism represents a unique rethinking of classical sociological paradigms through the lens of systems analysis. His theory emphasizes the internal interconnections of social phenomena, viewing society not as a collection of isolated elements, but as a unified organism with its own functional logic. White's scientific contribution focuses on identifying the hidden patterns that determine the behavior of social actors. Instead of the traditional study of cause-and-effect relationships, the researcher proposed analyzing the deep structures that shape the visible forms of social organization. White's theoretical framework enriches social science with tools for understanding complex network interactions. His methodology allows for the identification of invariant patterns in the functioning of various social systems, which contributes to the creation of more universal explanatory models of social processes. The researcher's approach demonstrates that the study of structural dependencies reveals the mechanisms of social stability and transformation at a deep level.

Keywords: structuralism, social anthropology, social institutions and processes, H. White, philosophy.

Аннотация. Структурализм Х. Уайта представляет собой своеобразное переосмысление классических социологических парадигм через призму системного анализа. Его теория акцентирует внимание на внутренних взаимосвязях социальных явлений, рассматривая общество не как совокупность изолированных элементов, а как единый организм с собственной логикой функционирования. Научный вклад Уайта сосредоточен на выявлении скрытых закономерностей, которые определяют поведение социальных субъектов. Вместо традиционного изучения причинно-следственных отношений исследователь предложил анализировать глубинные структуры, формирующие видимые формы общественной организации. Теоретическая база Уайта обогащает социальную науку инструментами для понимания сложных сетевых взаимодействий. Его методология позволяет выявить инвариантные образцы в функционировании различных социальных систем, что способствует созданию более универсальных объяснительных моделей общественных процессов. Подход исследователя демонстрирует, что изучение структурных зависимостей раскрывает механизмы социальной стабильности и трансформации на глубинном уровне.

Ключевые слова: структурализм, социальная антропология, социальные институты и процессы, Х. Уайт, философия.

Начиная с 1960-х годов структурализм утвердился в качестве противовеса узкому эмпиризму и человеко-центрическому подходу. Подобно своим методологическим соратникам — системному подходу и функциональному структурализму данное направление рассматривает социум как цельный живой организм [3]. Характерные особенности структурализма кроются в его уникальном понимании структуры и её роли применительно к субъекту. Прежде всего структура выступает не просто набором компонентов, из которых складывается целое, а представляет собой комплекс устойчивых взаимосвязей и зависимостей между этими компонентами [11]. Именно такие связи детерминируют место субъекта в системе, его качества и поведение. Кроме того, структуру трактуют в основном как стабильное, неизменное образование: вопросы трансформации внутренних связей и их временной обусловленности отходят на периферию внимания исследователей [7].

Актуальность темы исследования состоит в том, что Хейден Уайт и его тропологическая теория историче-

ского познания внесли существенный вклад в развитие современной социологии и философии в рамках более широкой концепции «нарративного поворота». Одна из основных идей Х. Уайта заключалась в том, что истории, формирующие историческую память, можно анализировать с точки зрения их структуры и функции [4]. Ученый подчеркивает, что нарративы, рассказывающие о событиях, часто подвергаются интерпретации, которая зависит от культурных и контекстуальных факторов [13]. Следовательно, каждое историческое событие можно переосмыслить и по-новому интерпретировать в соответствии с окружающей его структурной средой. Таким образом, структуралистский подход поставил под сомнение традиционные способы исторического исследования, предложив принципиально иные методы сбора и интерпретации сведений о прошлом. Фундаментальный вклад постмодернистской критики научного мышления заключается в осознании неразрывной связи между явлениями, организационными формами, динамическими преобразованиями и историческими нарративами, которые их порождают.

Обращение Х. Уайта к теориям Р. Барта и М. Фуко само по себе свидетельствует о признании повествовательной природы исторических сочинений. Декларация «лингвистического поворота» предопределила неминуемый сдвиг в сторону структурализма, который предложил решение задачи: каким образом рождаются тексты в условиях, когда язык утрачивает функцию прозрачного отражения действительности [2]. В данном контексте ключевым аспектом подхода Хейдена Уайта выступает рассмотрение языка и дискурса в качестве активных сил, формирующих саму основу исторического опыта. В его представлении язык не просто передаёт информацию, но и выступает основным инструментом, через который мир осмысливается и получает интерпретацию [1]. Подход, восходящий к идеям постструктурализма, требует скрупулёзного анализа языковых схем и коммуникативных стратегий, через которые социум конструирует и интерпретирует свою историческую субъектность.

Признание языка составной частью онтологического арсенала повлекло за собой переосмысление статуса научного дискурса: он утратил роль объективного отражателя природных явлений. Речь идёт не о том, что действительность растворяется в текстуальности или вымышленности, а о переформулировке самой реальности как феномена, впитывающего производящий её лингвистический инструментарий [6, 9]. Уайт Х. обосновал разрыв с позитивистской методологией, указав на неразрывную связь языка репрезентации с той сферой бытия, которую он описывает. Данный тезис закрепился в качестве центральной идеи лингвистического поворота, называемого также «языковой революцией». В этой логике реальность конституируется нарративной динамикой, семиотическими операциями означивания, смыслопорождением.

Аналитический инструментарий Х. Уайта обретает повышенную релевантность в контексте исследования культурного достояния и механизмов его передачи. Мыслитель защищает позицию, согласно которой история предстаёт динамичным, перманентно видоизменяющимся образованием [8]. Вследствие этого каждое новое переизложение исторических событий неизбежно видоизменяет их восприятие и интерпретацию. Подобная позиция акцентирует внимание на полифонии исторических повествований, где каждое из них закрепляет мировоззрение и приоритеты определённых общественных слоёв. Столкновения и пересечения между разнообразными прочтениями прошлого органически входят в ткань исторического развития, становясь его неотделимым компонентом [5].

В своих работах Х. Уайт вводит концепцию «исторического повествования» и рассматривает ее как конструкцию, созданную на основе выбора и акцентов, сделанных историками. Согласно исследовательской точке

зрения, изучение структурных элементов повествования позволяет осознать, что история представляет собой не просто фиксацию событий, но и сложный продукт сплетения культурных и общественных сил. Эти силы, в свою очередь, влияют на формирование нашего современного восприятия прошлого. Работа Хейдена Уайта, основанная на структуралистских принципах, заложила фундамент для обновлённой научной парадигмы в историографии. Его методология также существенно расширила методический инструментарий социологии и антропологии, предложив им новые аналитические перспективы [9, 10].

Тропологическая теория Х. Уайта ориентирована прежде всего на понимание структуры пространства через призму тропов — функциональных лингвистических языковых единиц. Подход исследователя, как он сам его характеризует, опирается на формальный анализ: автор не претендует на оценку достоверности взглядов того или иного философа и не ставит задачу их опровержения. Его амбиция заключается в раскрытии архитектоники произведения, рассматриваемого в качестве единого семиотического феномена [12]. С этой целью исследуемые тексты подвергаются рассмотрению по пластам смыслообразования. Данная методологическая схема будет использована при разборе сочинения К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство» как труда историко-философского характера [14].

Произведение «Византизм и славянство» построено в синекдохической парадигме. Характерный признак синекдохии среди иных художественных приёмов — её объединяющая природа: все явления исторического среза трактуются как подчинённые единому закономерному началу. Объединяющий потенциал синекдохии проявляется в том, что созданные на её основе повествования охватывают всю палитру событий и их уникальные черты, при условии их редукции к одной скрепляющей идее [5].

Органический способ аргументации устроен таким образом, что исторические события функционируют в качестве аргументов сразу в двух измерениях — на уровне частного и всеобщего. Каждое из этих измерений может генерировать собственный тип сюжетного развития. К примеру, Гегель выстраивает комическую линию на уровне конкретного и трагическую — на уровне универсального, вследствие чего идеологический вывод обретает амбивалентность: может быть прочитан и как охранительный, и как революционный. На плане частного К.Н. Леонтьев развёртывает портреты различных народов: болгар, чехов, германцев, британцев, эллинов, латинян. Их представление получает высокую степень конкретности, но развивается вдоль двух координат: самобытность социокультурного устройства и политико-государственные формации [14]. Переход

от частного к универсальному совершается благодаря объединению элементов данного исторического периода под единое универсальное положение — так называемый «триединый цикл». Европейский период, синхронный К.Н. Леонтьеву, в логике «триединого цикла» квалифицируется как момент вторичной синкретизации. Эта типологизация исторического момента сделает возможными последующие идеологические выводы. Однако, прежде чем углубиться в идеологическую символику текста, требуется разобраться с архитектурой леонтьевского нарратива.

В понимании философа «триединый цикл» функционирует как универсальная повторяющаяся модель, где каждое политическое образование проходит последовательно три фазы: исходная простота, период расцвета и дифференциации, финальное слияние и редукция. Подобное восприятие истории соответствует трагической архитектонике повествования. Отличительный признак трагедии — присутствие неотвратимого рока, который неустанно преследует «персонажа» сквозь весь ход событий и неизбежно его одолевает. Тем не менее гибель персонажа несёт в себе определённый смысл, где происходит расширение понимания зрителя благодаря осознанию закономерности этого рока. Именно в таком ключе мыслитель интерпретирует судьбы государственных структур, как единичных, так и групповых.

Отношение мыслителя ко всему русскому историческому наследию окрашено в позитивные тона, что он постоянно аргументирует, демонстрируя диалектику локального и глобального уровней. Таким образом, для Леонтьева как допетровская Русь, так и петровская эпоха, екатерининский период, александровские реформы воспринимаются главным образом как времена «расцвета», поскольку эти эпохи пребывают на стадии эволюции к максимальной дифференциации: формирование разветвлённой государственной архитектуры при одновременной консолидации её структур посредством укрепления монархического авторитета [14]. Вместе с тем Российское государство может избежать трагической развязки благодаря мощному авторитарному принципу (византизму), несущему в себе возможность ограничить центробежные и редуцирующие энергии финального этапа.

Конструирование сюжетной линии и система доказательства организуются таким образом, чтобы актуализировать определённые этические, или, точнее сказать, идеологические выводы. Идеологическое содержание сочинения «Византизм и славянство» может быть охарактеризовано как охранительное. По словам Уайта, охранители видят историческое движение как эволюцию планомерную, органичную подобно произрастанию живого организма, всей системы институтов, достигшей своего пика в «современную эру» (имеется в виду теку-

щий момент и недавно минувшее прошлое) [13]. Действительно, Леонтьев описывает логику развёртывания «триединого цикла» как естественный процесс, проводя аналогию с организменной эволюцией. В становлении российского государственного организма Леонтьев усматривает укрепление византийского начала [14]. При условии, что Россия занимает позицию максимального расцвета и сложности, и где всякие трансформации представляются нежелательными, ибо сложившееся положение — это то единственное, на которое реально можно рассчитывать. Однако одновременно возникает возможность и радикального идеологического вывода, коль скоро грядущему предстоит последняя ступень общемирового исторического процесса (что неизбежно повлечёт трагедию) необходимо максимально долго поддерживать существующий порядок любыми доступными способами.

Таким возможным экстремальным методом, по мнению Леонтьева, является максимально длительное сохранение устоев собственной культуры (византизма) в его первозданности и её экспансия за пределы России (в европейские земли), поскольку апогей развития достигнут, а впереди ожидает только деградация [14].

Историософское сочинение К.Н. Леонтьева «Византизм и славянство» воплощает синекдохическую парадигму. Синекдоха определила тип обоснования — органический, обусловила трагическую и комическую линии нарратива. На основе органического доказательства с комической архитектоникой сформулирован охранительный идеологический смысл, на основе того же доказательства с трагической архитектоникой — радикальный. Использование аналитического инструментария Хейдена Уайта, восприятие произведения Леонтьева сквозь призму языковой структуры позволили обнаружить ключевые пласты данного сочинения в их органичном единстве и взаимообусловленности, а также раскрыть семиотические механизмы его формирования. Таким образом, тропология истории Х. Уайта позволяет глубже понять, как язык формирует историческое сознание. Это признание особенно важно во времена больших перемен, когда текущая история может вызывать горячие споры, в зависимости от точки зрения.

Лингвистическая неоднозначность, обозначенная в тропологии Х. Уайта, становится инструментом исследования сложных отношений между текстом и его интерпретацией. Каждая метафора, подобно многогранному кристаллу, отражает разные аспекты реальности, что делает ее ценным элементом исторического анализа [3]. Например, использование одного и того же символа в разных культурах может привести к совершенно разным интерпретациям, что подчеркивает важность учета контекста при изучении исторических событий. Такое разнообразие значений открывает широкие возможно-

сти для критического переосмысления мира через тропологию, позволяя со временем модифицировать устоявшиеся идеи познания. Дискуссии о значении метафор имеют прямое значение для нашего понимания идентичности и исторической памяти. То, как мы воспринимаем ту или иную историческую фигуру или событие, зачастую зависит от того, как в разное время интерпретировались ее образы и символы. В данном контексте важность языка выходит за рамки простого общения. Это не только средство передачи знаний, но и средство подвергнуть сомнению существующие парадигмы и подчеркнуть динамизм исторических повествований [11]. Понимая неоднозначность языка, мы можем лучше понять проблемы, стоящие перед обществом, и даже предложить новые способы их решения.

Таким образом, проведенное исследование даёт основание для следующих итоговых положений: методологический аппарат Х. Уайта, построенный на струк-

туральных принципах, предлагает оригинальную перспективу восприятия истории, переориентируя внимание от конкретных фактов на более фундаментальные взаимосвязи и корреляции. Данный подход способствует обнаружению закономерностей и регулярностей, ранее остававшихся вне поля зрения исследователей. В качестве примера можно привести социологию, где структуральный анализ раскрывает механизмы, посредством которых общественные структуры детерминируют поведенческие паттерны личности. Всякая область знания, ассимилирующая структуральный метод, обретает дополнительные инструменты аналитической работы и реинтерпретации информации, что стимулирует расширение междисциплинарного диалога. Как следствие, применение теоретического наследия Уайта раздвигает границы интеллектуального поиска, открывая новые возможности для постижения сложноплетённых процессов взаимодействия человеческого творчества и культурного целого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Swiggers P. The Contribution of Romance Linguistics to the Development of Structuralism // In book: Oxford Research Encyclopedia of Linguistics. — 2021. № 2. — pp. 67–79.
2. Tengelyi L. In defense of historical experience: On Paul Ricoeur's debate with Hayden White // Victorian Studies. 2019. № 55(4). — pp. 742–744.
3. Агафонов В.В. Нарративная философия истории как новый вариант историцизма // Вестник КамчатГТУ. 2019. № 9. — С. 36–49.
4. Ашкерев А.Ю. Метаистория метаистории, или Декодирование Хейдена Уайта // Социологическое обозрение. 2002. № 1. — С. 86–99.
5. Биесов А.Г. Тропологическая теория исторического познания Х. Уайта и ее применение к анализу работ по философии истории // Манускрипт. 2017. № 12-1 (86). — С. 212–226.
6. Бухараев В.М., Мягков Г.П. Тропологическая стратегия Хейдена Уайта в ситуации позднего постмодернизма: возможности и пределы // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 5. — С. 31–52.
7. Герасимов О.В. Исторический опыт как опыт прошлого: содержание и структура // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. № 1. — С. 188–191.
8. Заец Д.В. Осмысление и критика философии истории Х. Уайта в ранних трудах Ф. Анкерсмита // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 4 (73). — С. 301–317.
9. Кобылин И.И. «Философская история» Хейдена Уайта, или О пользе и вреде жизни для историографии // Новое литературное обозрение. 2019. № 1. — С. 95–105.
10. Кукарцева М.А. Современная философия истории США. Иваново, 1998. — 215 с.
11. Лосев В.В. Дистинкция истории и историцизма в нарративной философии истории // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2020. № 2. — С. 78–82.
12. Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. 1996. — С. 25–38
13. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. — 527 с.
14. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 2016. — 170 с.

НАШИ АВТОРЫ

Alyshev I. — Postgraduate Student, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Badalov E. — Aspirant, Russian State Social University (Moscow)

Bogdanov N. — postgraduate student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Bychkov I. — Russian State Humanitarian University (Moscow)

Chuchin D. — Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

Demikhov V. — Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

Dolganov A. — Novosibirsk State University

Dolganova M. — Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

Filimonova I. — Doctor of Economics, Professor, Novosibirsk State University

Huseynzade N. — Postgraduate Student, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Moscow Polytechnic University»

Iontsev M. — PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), HSE University

Kobzar-Frolova M. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Administrative Law and Administrative Procedure Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Komarova A. — Candidate of Economics, Associate Professor, Novosibirsk State University

Krekova M. — Doctor of Economics, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Moscow Polytechnic University»

OUR AUTHORS

Lee T. — Postgraduate student, Altai State University, Barnaul

Lukianov S. — Graduate student, Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

Maslov G. — Postgraduate Student, All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation

Mindlin Yu. — Candidate of Economic Sciences, associate professor, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin

Nezamaikin V. — Doctor of Economics, Professor, Department of Finance and Credit, Russian State Humanitarian University (Moscow)

Pilyukova S. — Kuban State University (Krasnodar)

Potapchuk V. — Postgraduate student, Pacific National University, (Khabarovsk)

Safonov K. — Doctor of Science (Sociology), professor, Tula State University

Saradgishvili S. — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Shepelev B. — Postgraduate Student, Moscow Financial and Law University (MFUA)

Shiyan E. — Novosibirsk State University

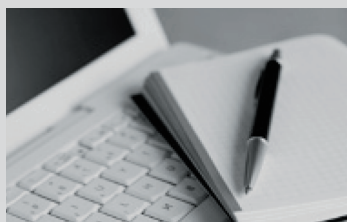
Skopa V. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Valyak S. — graduate student, Moscow University for Industry and Finance «Synergy», Moscow

Zakharova A. — Consultant of the Internal Audit Department, Federal Air Transport Agency, Moscow

Zvonik V. — Russian State Humanitarian University (Moscow)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные — 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).